

В. В. Мирский

ЧАША БЫТИЯ

Стихотворения и переводы

К 100-летию со дня рождения поэта

В. Мурсин

В. В. Мирский

ЧАША БЫТИЯ

Стихотворения и переводы

Рига 2020

ISBN 978-9934-23-202-2

UDK 821.161.1-94

P691

В. В. Мирский

Чаша бытия. Стихотворения и переводы.

Рига: 2020 г., – 356 с.

Владимир Владимирович Мирский (1920 - 1998) долгие годы преподавал русский фольклор и древнерусскую литературу в Латвийском государственном университете; профессор, автор учебных пособий и научных статей. В последние годы жизни читал лекции в Рижской Духовной семинарии Латвийской Православной церкви. Известен в Латвии и на остальной территории бывшего СССР как поэт и переводчик, создатель автобиографической прозы «Молитва матери, или Горькие и сладкие плоды». Данное собрание стихотворений В. В. Мирского и его поэтических переводов наиболее полное: в него вошли произведения из двух сборников – «О вере, России, душе» (1991) и «Ступени» (1998), изданных в Риге Русским культурным центром «Улей», а также переводы латышских дайн и песен. Стихотворные посвящения близким и друзьям поэта предоставлены для данного издания из семейного архива. Стихотворения печатаются в соответствии с орфографией авторских оригиналов и в хронологической последовательности, за исключением некоторых, где дата или год создания не были установлены.

Издание данного сборника произведений Владимира Владимировича Мирского будет способствовать не только популяризации его творчества, но и сохранению его имени в плеяде выдающихся деятелей русской культуры в Латвии. Благодаря ярким поэтическим посвящениям и комментариям к ним в конце книги, вырисовывается широкий круг его окружения из достойнейших представителей русской интеллигенции своего времени.

- © В. В. Мирский, стихотворения, переводы
- © Е. Романенко, составление
- © Е. Е. Климов, иллюстрации
- © А. И. Мисюрёв, фрагмент портрета В. В. Мирского

*Издание книги осуществлено
благодаря финансовой помощи
Фонда поддержки социальных проектов
“Атмосфера”
и личной инициативе Игоря Силова
Председателя Совета Фонда*

*Особая признательность Посольству
Российской Федерации в Латвийской Республике
за содействие в издании*

*Работа над созданием
сборника стихов В. В. Мирского
и забота о его издании
есть дань сердечной памяти
и искреннего уважения
к личности и творчеству автора
со стороны друзей и учеников*

Струны

Стихотворения разных лет

*Что на свете без горя, без боли
Расцветает для счастья и света?
Не бывает слезинки без соли,
И без скорби не будет поэта.*

Колокол-сердце *

Моё сердце – как зычный колокол:
Раскачаешь – и медь зазвенит..
Запоёт, упоённое звонами,
И звуки взлетят в зенит.

От весеннего воскресенья
И под тягостью бранных забот,
По безвременному успению
Горьким благовестом забьёт...

Запоёт оно в дни расставания
В проливной осенней глуши;
И от тяжкого стога страдания,
И от крика родной души;

О тех, кто в минуты отчаянья
В заточеньи рассветы встречал,
О тех, кто не знал покаяния,
Кто в тёмных подвалах молчал;

О тех, кто рукою безжалостной
В холодную землю зарыт,
О тех, кто, отпетый метелями,
Сугробами белыми скрыт.

О Господи, Боже мой праведный,
Взгляни на пространства Земли
И благодать свою милосердную
Как дар исцеленья пошли!

Моё колокол-сердце уверилось:
Из моря греха и крови
Иные грядут поколения
Для светлого царства любви!

Так пой же ты, колокол-сердце,
О дне обновленья вещай,
И людям Всевышним завещанный
Божественный рай обещай!

Феи

Молчал сурово старый бор,
В тени его дышали травы,
Был нежен листьев разговор,
Над бором гас заход кровавый...

И месяц трелям соловья,
Взглянув на мир, внимал с печалью;
Ручья зеркальная струя
В лесной глуши пленилась далью.

Журча, жужжа, бежал ручей,
В корнях и сочных травах вился,
И целый рой воздушных фей
В его струях резвился.

Украдкой месяц молодой
Смотрел на хоровод пугливо,
И фея фею над водой
Ласкала нежно и стыдливо...

1936

* * *

Я другом стал голодным псам,
Покинул город крепко спящий,
Пошёл, куда не зная сам,
И заблудился в тёмной чаще.

Молчал кругом суровый лес,
Вокруг меня шуршали травы,
Лишь на востоке край небес
Блеснул на миг луной кровавой.

Я видел, как сверкал ручей
И как среди стволов он вился,
А на поляне лёгких фей
Рой фантастический резвился.

Мне чудилось, что в полусне
Ко мне одна склонилась фея;
Шептала что-то в тишине,
Меня лаская и жалея.

1936

* * *

Прелесть любви мгновенье длится,
Горечь её всю жизнь гнетёт.
Всё я оставил ради любимой,
Другому сердце она отдаёт.
Прелесть любви мгновенье длится,
Горечь её всю жизнь гнетёт...

– Пока лишь вода в ручье течёт,
Я буду тебя любить, мой милый...
Вода течёт, а она изменила.
Прелесть любви мгновенье длится,
А горечь её всю жизнь влечёт.

Грусть о весне

Я слышу, как ветер поёт у окна
И снежные вихри несёт,
Как вьётся оттуда, с небесного дна
Хрустальных цветов хоровод.

Люблю я весну, расцветание ив
И ласточек быстрый полёт;
Люблю я и солнце, и моря разлив,
И в речке растаявший лёд.

Пусть лилии в синих озёрах сверкнут
И в сказках воспрянут леса,
И песней прославят любовь и весну
Ночных пастухов голоса.

1937

Птицы запоздалые
Вьются над дорогою,
Над рябиной алою
И над елью строгою.

Дышит всё прохладю,
Сердцу легче сызнава,
Лес глядит с отрадою,
Солнце светом брызнуло.

Нива за откосами
Вся оделась искрами,
Любо ниве росами
Умываться чистыми.

В ночь печалью чёрною
Бедный ум неволится,
А с утра покорное
Сердце солнцу молится.

1937

* * *

Если ты устанешь на путях блужданий,
Сердце в бурях жизни рано погубя,
Не давай печали слёз напрасной дани,
Горечью несчастной не томи себя!

Выйди ты на волю ночью тихой, сонной,
Посмотри на звёзды в неба глубине
И, вдохнув свободно воздух благовонный,
Помолись природе в этой тишине.

Там в мерцаньи лунном, там в молчаньи ночи
Есть миротворенье, отдых и покой, –
Легче станет сердцу, прояснятся очи,
И с надеждой светлой ты уйдёшь домой.

1937

Песня рыцаря

Я странник бездомный и сирий,
Иду долиною слёз.
И гимны органа и лиры
К престолам Твоим принёс.

И вот стою ослеплённый,
Молясь Тебе в тишине,
И зоркие очи Мадонны
Пронзают сердце мне...

О, если б сойти с пьедестала
Ты кротко на землю смогла,
О, если б земною Ты стала,
Мне мир и любовь принесла!

Но грешные мысли отброшу, –
Мадонна, помилуй меня, –
Возьму свою малую ношу
И снова вскочу на коня.

1937

Данте и Беатриче

Из густого мрака суеверий
Вышел к солнцу Данте Алигьери.

А за ним с улыбкою девичьей
Шла стройна, как ангел, Беатриче.

И в душе великого поэта
Зрели звуки стройного сонета.

Почему же с первым встречным франтом
Беатриче изменила Данту?

Но, измену эту забывая,
Сделал он её царицей рая.

Так в столетья лжи и лицемерья
Стал бессмертным Данте Алигьери.

1937

Душа и любовь

Остывший уголь ангельских кадил
С огнём внутри, снаружи в пепле чёрном...
Кто и зачем зажжёт тебя в груди
И почему опять потушит скоро?

Любовь, согрей дыханием свободным
И уголь-душу в пламя распали!
Я разгорюсь звездой путеводной
Перед Тобой для неба и земли!

1938

Статуя

В фиолетовых сумерках парка
Сизый ворон в узорах теней
Над красавицей мраморной каркал
И зловеще кружился над ней...

А она, склонена над амфóрой,
Словно óжила вся в полусне,
Будто камень – не мрамор потёртый,
А весна, засиявшая мне.

1938

Романс

Упоённый весны ароматом,
Стал я братом полей и цветов
И готов, умиленьем объятый,
И рыдать, и смеяться без слов.

Мне не ново твоё расцветанье,
Щебетанье игривое птиц,
И зарниц отдалённых мерцанье,
И роптанье покорных горлиц.

Вижу бархат зелёной берёзы,
Слышу грёзы её при луне, –
В вышине задрожали как слёзы,
Засияли росинки в огне.

О весна, разбуди вдохновенье,
Упоенье любви разреши,
Для души принеси обновленье,
Исцеленье мне дать поспеши!

Упоённый весны ароматом,
Стал я братом полей и цветов,
И готов, умилением объятый,
И рыдать, и смеяться без слов.

1938

* * *

Когда бы Ты была, как юная весна,
Полна беспечных сил и обаянья,
С Тобой пред алтарём я стал бы под венцом –
И душу слил с Тобой в огне лобзанья.

Но на лице Твоём уже не молодом
Морщинки-нити тянутся серьёзно;
И всё же ты мила, по-детски весела,
Приветлива и даже грациозна.

Так, видно, рок судил – Тебя я полюбил
За ласку слов, подаренных Тобою,
За то, что чуждый мир мне юность отравил,
За то, что сотворён я с жаждущей душою.

И если сердце вдруг живей забьётся, друг, –
Ласкай меня со всею женской силой,
И пусть хоть раз весна мне будет отдана
В объятьях и слезах у милой.

1938

Девятый вал

Гулок океана грозный грохот,
И над бездной ярк молний блеск.
Словно одичалой смерти хохот
В море опрокинулся с небес...

Чёрным камнем страх упал мне в душу,
Но шепчу надежды я слова:
Верю, что страдальцев ты на сушу
Бросишь, роковой девятый вал.

Пусть людей на мачте бьёт и вертит,
Им уже не страшно ничего:
В круговерти, в чёрных безднах смерти
Чудится им жизни торжество!

1938

Струны

В сердцах людей есть струны сокровенные
Чистейшего литого серебра;
Хранят они порывы вдохновенные
Любви, восторга, подвига, добра.

Спеши, поэт, волшебник покоряющий, –
С тобой мечта и жизни красота;
Ударь по струнам, дрогнет звон ласкающий
И загремит восторженно металл...

И загудят над миром переливами
Те струны, разогретые теплом;
Тогда, поэт, твоими же мотивами
Мы снова гимны братству запоём!

1938

Андалузская серенада

Сном объятая Гренада
Разметалась среди долин.
Где-то льётся серенада
Тихострунных мандолин.

Виноград и розы мая
Вьются с крыш и колоннад.
Лунной ночью замирая,
Струны нежные бренчат.

Вижу, странник: всё родное;
Но грустны мои мечты,
Вырос мох в моём покое, –
Умерла, синьора, ты...

Есть у моря холм-громада,
Вход могильный и прибой.
– О приди, моя отрада,
Озарённая луной!

Сном объятая Гренада
Тонет в море алых роз.
Этой ночью серенада
Задыхается от слёз.

1939

Сосна

Последний луч багрово-золотистый
Дрожит и гаснет в зелени долин;
Вдали на взгорье тёплом и смолистом
Одна сосна стоит, как исполин.

В печальный сумрак канула равнина,
Гряда лесов за нивою темна,
И лишь сосна недремлющей вершиной
С ушедшим днём прощается одна.

1939

Запредельное

Ты из горного Памира,
Из снегов его холодных,
Из прозрачной пены Ганга,
Ты из чистого эфира,
Ты из звёздного тумана, –
Твоего я жду явленья.

Я коленопреклонённый –
На гранитном я утёсе,
Ветром горным я овейн,
Я замучен лютой жаждой,
Но твоей я алчу тени, –
Нуют пусть мои колени,
Пусть дыхание слабеет, –
Простою на камне месяц.

Я молю тебя, о Дева, –
Только тень твою на скалах
Лицезреть мне дай блаженно,
Чтобы мог в костре священном
Я сгореть, но всё же духом
Возлететь и в горных сферах
Навсегда с тобою слиться.
Так пылай, огонь священный:
Смерть – мгновенье,
жизнь – нетленна!

1940

Всадник

В небе дрогнуло грозное зарево,
Бреду по межам седым...
Где-то в тумане – чёрное зарево,
Лютого боя дым.

Вот, озарённый кровавым пламенем,
Коня этот всадник мчит...
Жизнь на его полыхающем знамени.
Копытами конь стучит.

Кто ты, виденье мглы непонятное,
Скачущий в чёрной синеве?
Слышу в ответ я, как эхо раскатное
Издали: «Я – че – ло – век!»

Снова крикнул я с силой немалою:
«Зачем ты мчишься вперёд?
Зная за что ты поднял алое?»
И грянул ответ: «За народ!»

Бой полыхнул огневою зарницею,
Враг домогал уже нас,
Но всадник чудесный нагрянул птицею
И землю родную спас...

1940

Лесная драма

С ночью тьмой борясь жестоко,
Явилось утро. Как мечи,
Сверкают в пламени востока
Зари кровавые лучи.

На мху сыром, в лесном болоте
В трясине серна умерла...
Она под вечер на охоте
Убита пулею была.

А дети серны в алой луже
Дрожат над ней, устали ждать...
Один ответ им только нужен:
Когда, когда проснётся мать?

Слегка толкнут её копытцем
И снова плачут в тишине;
А зоркий ворон бьётся, злится,
Паля над жертвой в вышине.

Русская ночь

Побелели нивы золотые,
Под снегами хмуро спят поля.
Ты ли это, скорбная Россия,
Ты ли это, родина моя?

Мчатся тучи бледной вереницей,
Ночь, как смерть, крадётся в вышине.
Над снегами месяц бледнолицый
Заискрился в синей глубине.

При дороге в лунном белом свете
В чуткий сон село погружено.
Покривились, почернели клети
И врагом разрушено гумно...

Покосилась ветхая избушка,
Ветер глухо воеет под окном,

Там рыдает горько мать-старушка
О сынке потерянном своём.

Он застыл на ледяной постели,
Встретив смерть солдатскую в бою;
Лишь гудят над ним одни метели,
Да о русской горести поют.

1942

Реквием по усопшим

Проносятся бури осенние
В рядах безымянных могил,
И слышно надгробное пение
В палящем дыханьи кадил.

За всех обескровленных битвою,
Усопших в борьбе и бою,
В соборе с горячей молитвою
Свечу я затеплил мою.

Надгробные плачи мне слышатся
И «вечная память» звучит;
Таинственно тени колышутся,
За окнами буря шумит...

А там, вдалеке, за откосами
В туманах пустеют поля,
И плачет холодными росами,
И стонет родная земля.

1943

Покинутый храм

В дивной, далёкой, родной стороне,
Где бесконечные воют метели,
Где под снегами в чарующем сне
Дремлют высокие сосны да ели, –
Жил в одиноком убогом селе
Мальчик Ванюшка у бабки-старушки.
Бабка была уж слаба, не могла
Вытопить печку в холодной избушке.

Мальчик прозяб. Одряхлевшей рукой
Бабка его по кудрям поласкала,
Старые ветки с опушки лесной
В дом принести приказала:
«Вечер сегодня у нас не простой,
Вечер Христова Рожденья, –
В прежнее время на ёлках огни
Мы зажигали под пенье».

Вышел Ванюша. Дремало село,
Мёрзли от стужи у мальчика ноги,
Глухо сугробами всё занесло,
Сбился бедняжка с дороги.
Видит: высокая башня, забор, –
Церковка высилась прямо.
Двинул Ванюша тяжёлый запор,
Дверь отворилась храма.

Вот подошёл он к иконе одной,
Пыль пообтёр рукавицей,
И над иконою луч золотой
Начал играть и искриться...

Старый покинутый храм посетил
В вечер Рожденья Христова, –
Камень сверкающий в руки упал
Ване – подарок Младенца Святого.

06.01.1944

Вербное воскресенье *

Молви слово, ненаглядная,
Отчего ты так юна,
И зачем ты, вся нарядная,
Посмотрела из окна?
Даль курится дымкой сизую;
Солнце землю облекло
Тонкой, лёгкой, светлой ризою,
И вокруг тепло, тепло...

Взяла вербы ты пушистые
И спешишь в открытый храм;
В куполах кресты лучистые,
Над толпою фимиам.
За пленённых, павших, раненых
Теплишь ты свечу свою,
И во взорах затуманенных
Вижу влажную струю.

Сердце просит воскресения
У распятого Христа;
Над тобою льётся пение
С отголосками поста...
А из храма вся серьёзная
С вербой ты спешишь домой, –
Никакая сила грозная
Не отменит твой покой.

Если ж вдруг в минуту горькую
Буря сменит эту тишь –
Ты, я знаю, алой зорькою
В вихре бури заблестишь...
Даль курится дымкой сизою,
Солнце землю облекло
Тонкой, лёгкой, светлой ризою,
И вокруг тепло, тепло...

1944

* * *

Из глубины небесного покоя,
Где меркнут звёзд безбрежные пути,
Взойди, взойди, о солнце золотое,
И мрак земной и море освети!

Над пропастями ярко светом брызни
И всё живое вновь благослови.
Спасибо, солнце, – ведь на ниву жизни
Ты вышло сеять семена любви!

1944

Воскресение *

*Посвящается Рижскому
Кафедральному собору*

В мерцающих огнях стоял я у Распятья,
И над Голгофою курился дым кадил.
С какой любовью Ты в широкие объятия
Весь этот грешный мир незримо заключил!

А над крестом Твоим сияли ясно звёзды,
Не смертью веяло, а благостью кругом...
Ты снова умирал... кровавые борозды
Зияли на лице страдальческом Твоём.

И раздавались плач и ангельские гимны,
И сладкий хор молитв в скорбящей тишине.
У бледных ног Твоих так розы были дивны,
Что явь и полусон переплелись во мне.

Кругом «Христос Воскрес» стоусто зазвучало,
Ликуя, раздалось в молитвенной тиши:
То было исцеления начало,
То было воскресение души!

1944

На могиле

Вышли мы в бой за Отчизну,
Пули свистели вокруг...
Враги справляли тризну,
Пал мой любимый друг...

И вот – всей жизни развязка,
О светоч родимых мест:
Две липы, да холмик, да каска,
Да кем-то поставленный крест...

Но этой безжалостной силе
Жизни не задушить:
О друг, я клянусь на могиле
Твой подвиг довершить.

1944

Мать

Осень. Дождь. Встревоженные птицы.
Дымы выются в синей пустоте...
«Не успели, сын, с тобой проститься,
Но я помню все минуты те...»

Где-то пламень боя полыхает,
Где-то гибнут воины в бою...
«Что ж я, как немая, как глухая,
На сожжѐнном пустыре стою?»

Отгремели громы боевые,
На распутьи мать стоит и ждѐт:
Вместе с нею ждѐт и вся Россия
Воина, ушедшего в поход.

Из картин военных, полных жути,
Я одну навеки сберегу:
Матери, стоящей на распутьи,
Матери забыть я не смогу.

1944

Легенда о белом цветке *

Заболело дитяtko, всё не спится,
Отойти от дитяtkи мать боится.
К старику, кудеснику, побежала –
Старика, кудесника, умоляла:
«Заболело дитяtko, – помоги мне
И лекарство дитяtkу укажи мне!» –
«Ты цветочек беленький отыщи-ка,
Тот цветочек беленький извари-ка!»

За леса дремучие мать бежала,
Тот цветок для дитятки всё искала.
А найдя, в бессилии изварила,
И лекарством дитятку напоила.
«Пей, малютка милая, пей, родная...» –
Мать с улыбкой молвила, умирая...

Сиротинушка *

Гаснет лампада моя разноцветная,
Тихо вблизи и вдали;
Спи, сиротинушка, спи, беспросветная,
Гостья далёкой земли.

Кудри рассыпались струйками хрупкими,
Щёки пылают зарёй;
Шепчешь ты жаркими, тонкими губками:
«Мама, побудь же со мной».

Детка, скиталица, жизнью гонимая,
Маму свою не зови:
В вихре кровавом погибла родимая,
Полная светлой любви.

Ну а теперь она в райских обителях,
В ярком сиянье лучей
Молит святых о своих же мучителях
И о малютке своей.

Знаю: снегами, с гремящей котомкою
В школу ты скоро пойдёшь...
Вместе с детишками песенку звонкую
Радостно в классе споёшь...

Солнышко ярко лучами-раскрасками
Глянет в узоры окна;
Скажет учитель приветливо, ласково:
«Будь ты добра и умна».

Спи же спокойно, моя сиротинушка,
Спи и расти поскорей:
Верь, что отдаст тебе в жизни судьбинушка
Родину, счастье, друзей...

1944

Колыбельная

Ходит месяц ясный в голубой дали,
Звёздочки на небе искорки зажгли.
Часики пробили, – деткам спать пора...
Спи, малыш мой милый, сладко до утра.

Перед сном малышку приголублю я, –
Пусть тебе приснится сказочка моя
Про Царевну-Лебедь, про богатырей...
Спи, моя малышка, – спи, усни скорей.

В бархатной постельке куколки лежат,
Дремлют кот и мишка, все игрушки спят.
С неба месяц ясный пальчик протянул...
Мой малыш спокойно с песенкой уснул.

Мечта

Птичка, птичка-невеличка, –
Подожди, не улетай!
Ты слети на землю, птичка,
И со мною поиграй!..

Птичка глазками сверкнула,
Носик важно отвернула,
В небо синее вспорхнула...
И один остался я!

Птичка, птичка-невеличка, –
Я как ты летать хочу!
Вот я стану космонавтом –
И в ракете полечу, –
По просторам неизвестным
В корабле помчусь чудесном
Прямо к звёздочкам небесным –
И луну за рог схвачу!

Солнечная девушка

Когда в росе искристой,
Как в радуге, цветы, –
На тропах серебристых
Восход встречаешь ты;
Весь день на вольной воле
Ты убираешь рожь
И песни солнцу в поле
Счастливая поёшь.

Когда ж волной озёрной
Закат в огнях плывёт,
Спешишь ты так проворно
На берег синих вод;
И с милым ночью лунной
Идёшь тропой лесной, –
В твоей улыбке юной
И блеск, и солнца зной.

Поёт океан голубой

Надо мною – блеск луны,
За кормою – плеск волны,
А кругом океан голубой;
И хотя ты далека, –
Помни слово моряка:
«Моё сердце, родная, с тобой!»

В час вечерней тишины,
В звонком рокоте волны
Слышу голос приветливый твой;
Вьётся чайка в синеве,
Словно шлешь ты мне привет, –
Возвращайся скорей в край родной!

Шквал могучий волны мчит,
Но с тобой не разлучит, –
Пусть поёт океан голубой!..
Сердце трепетно в груди –
Миг желанный впереди:
Счастье радостной встречи с тобой!

Кто же ты?

Ты нас ласковым солнцем греешь,
Ты нам ветром попутным веешь;
То берёзкой грустишь душистой,
То снежинкой блистешь пушистой.
Ты звучишь нам родною песней,
Нет на свете тебя чудесней.
Всех любимей ты, всех дороже, –
Без тебя мы и жить не можем.

Ты ведёшь нас к добру и свету,
Твоё знамя несём к планетам;
О тебе, о тебе наши все мечты!..
Кто ты, чудесная, – кто же ты?..
Родина... – это Ты!

Желание

Ты не жди,
Не жди стихов красивых, –
Я, как ветер,
Жил меж трёх дорог;
Оглушён я
Грохотом и дымом,
Я продрог,
Я жажду,
Я оглох...

Но я жить хочу
Не в пепле грусти,
Нужен свет мне,
Нужен новый взлёт.
Пусть в борьбе,
В поэзии, в искусстве
Голос мой
Всю силу обретёт.

1945

Клянись, о женщина-мать!

Если ты, мать, любила
Сына всей душой,
Если свято хранила
Детский его покой;

Если его тетрадки
Прятала и берегла
И у его кровати
Бденье ночное несла;

Если с сердечной тревогой
Долгие годы жила,
Если сына с дороги
С кротким терпеньем ждала;

Если словам научила:
Родина, мир, любовь,
Если война точила
Из сердца жаркую кровь;

Если твоя святыня –
Мира волшебного рай, –
Сына, о мать-героиня,
Аду войны не дай!

Именем долга и чести
Клянись, о женщина-мать,
Что будешь ты с сыном вместе
Грудью за мир стоять!

1946

Осенние листья

Друзья изменили, враги с клеветой ушли:
Бреду одиноко с томящею сердце тоскою...
И те, и другие мне чудятся снова в дали
В осеннем тумане, на взгорье, в лугу, над рекою.

С деревьев, дрожащих в янтарном уборе своём,
Беспомощно падает листьев шумящая стая,
Немеет земля, умирая в плаще золотом,
И жалобно поздние птицы кричат, улетая.
А в парке измятом – рубины, янтарь, бирюза,
Всё листья и листья несутся, как годы былого.
От ветра иль грусти во взоре трепещет слеза,
И с осенью снова душа помириться готова.

1946

В столицу

От Балтийских штормов и гроз
Мчусь я к сердцу советской земли.
Впереди – солнцезнойная даль,
А за мной – паровозный дым...

Как легко мне вдыхать у окна
Аромат весенних трав!
Как люблю я простор полей,
Орошённых влагой дождя!
Что за вольный размах и разбег!
Я свободно дышу и пою,
Что привет я тебе несу,
Что в наряды мечты моей
Разукрасил я с давних пор
Тебя, русская ночь и степь,
Что тебе отдам я навек
Всю кипучую силу мою...

Я и молод, и жажду труда,
А его – непочатый край:
Распахну пустыри войны
И построю в степи города.

Так живи же, расти и цвети,
Осенённая миром земля!
Сколько чувств в упоённой груди
Пробудила твоя заря!
Впереди пламенеет восток,
Из низин уползает мгла,
Мы несёмся в лучах золотых,
А внизу перед нами встаёт
В необъятном просторе Москва!

Здравствуй,
здравствуй, столица столиц,
Слушай радости песню мою!
Зачарован твоей красотой,
Я к тебе, как на крыльях, мчусь!

1947

Последняя годовщина

Он не забыл и эту годовщину
И ей стихи, как прежде, посвятил.
Они дышали вечно юной силой,
Но сам поэт, затравленный врагами,
Уж был не тот: морщины залегли
На умный лоб, глаза тоской темнели,
И только кудри, кольцами свиваясь,
Лицо его картинно обрамляли.

И вот теперь в кругу своих друзей
Поэт – любимец старого лица –
Читал свои стихи и в них звучали
Надежда, слава, шалости, любовь.
Но вдруг рука, поднятая с восторгом,
Без сил упала, слёзы сжали горло:

Поэт, как будто громом поражённый,
Пустился вмиг по тёмным коридорам,
Рыдая вслух. – Куда ты, Пушкин, Пушкин? –
Неслось за ним, а он, не оглянувшись,
Уже бежал, о корни спотыкаясь...

И вдруг, очнувшись, видит: плиты
Былых гробниц в Лицейском старом парке
И над буграми белые кресты;
Вокруг всё блещет золотом червонным
Осенних листьев; вот поэт склонился
К могиле, миром и людьми забытой...
Ещё в уме жандармские погоны,
Блестящие балы и лоск приличий,
Его враги, горящие, как угли,
Бессильной злобой, тень его Наташи,
По творчеству безумная тоска...

Что, что ещё осталось в жизни?
Друзья? – они скитаются в Сибири.
Любовь? – она приносит горечь.
А слава? – но она влечёт подругу-зависть,
Что славу травит подлой клеветой.
Да, здесь спасенье, здесь отрада сердцу –
Лежать без слов и слушать пенье ветра,
Родных просторов снежную пургу...

И он вздыхал, а между тем, Россия,
Жестокая, неправедная мать,
Ждала ещё стихов поэта-сына.
И он творил из всех великих сил,
Забыв вражду, наветы и презренье,
Пока не прогремел последний выстрел...

И вот уже сбылась его мечта:
Поэтом жить и пасть бойцом отважным.
И труп его, дворцам царей опасный,
Уж увезён и наскоро схоронен
У стен монастыря в родной земле,
Где век шумят Михайловские рощи.

Убили Пушкина, но бедная могила
Народ своим величьем вдохновила –
И он поэту памятник воздвиг.

1947

Андрей Первозванный

Живая быль, не сказка просто:
К порогам царственным Днепра
Пришёл Андрей, святой апостол,
Как вестник мира и добра.

Он вдохновенный шёл и строгий,
И взор его горел огнём.
Днепровский ветер складки тоги,
Лаская, колыхал на нём.

Между холмов тропюю пыльной
Брели его ученики;
Испили все воды обильной
И тихо сели у реки.

«Покрыли наши ноги раны,
Святой отец, ты не скрывай,

Зачем пришли мы в эти страны, –
Кто здесь живёт, что здесь за край?»

И он, окинув вдохновенно
Глазами землю, молвил им:
«Здесь будет град, красой смиренной
Он превзойдёт надменный Рим!

И тьмы врагов сюда тщеславно
Придут мечи тупить в бою,
Но все в боях падут бесславно,
Все сложат голову свою!»

Взошёл святой Андрей на горы,
Благословил течение вод,
Долин цветущие просторы
И туч небесный хоровод.

И над рекою живописной,
Чтоб виден был из дальних мест,
Поставил крепкий кипарисный
Высокий, величавый крест.

1948

Родной край

Здравствуй, мой песенный край,
здравствуй, мой край лучезарный!
Ярче небесная синь,
Даугава и Стабураг.
Помните вы, как тогда,
мestью сгорая коварной,
Здесь под латвийский гранит
мины закладывал враг!

Вижу могучий утёс
над глубиною оврага,
Сверху сбегающий ключ,
берег крутой, валуны...
Лачплесис – славный герой
на валунах Стабурага
Здесь перед боем сидел,
слушая рокот волны.

В бездну с отвесной скалы
Чёрного рыцаря кинув,
В Даугаве сам он погиб.
Верил латышский народ:
Лачплесис встанет и вновь
выйдет сражаться в долину,
Чёрных баронов сразив,
к счастью народ поведёт...

Все те сказанья сбылись:
в пепле дворцовых развалин
Стройно дубы поднялись,
ветры в их кронах шумят.

А на полях и холмах,
и меж долин и прогалин
Песни латышских людей
эхом раскатным гремят.

Пой же ты, песенный край,
ночью пылая кострами!
Славен твой праздник, народ,
праздник любви и труда.
Песня о счастье твоём
пусть прогремит за горами –
С песней ты труд начинал,
с песней врага побеждал!

1950

* * *

Плавно кру́жится осенний жёлтый лист, –
В тихом парке мы с тобой совсем одни;
Ароматен воздух и прохладно чист,
А вокруг дрожат вечерние огни...

Как я счастлив, что с тобою мы вдвоём,
Что ты ласково мне руку подала.
И в восторге сердце чувствует моё,
Что желанная любовь уже пришла.

Всё темнее в парке сумрак голубой,
И лицо твоё в узорчатой тени;
Неразлучны будем мы теперь с тобой,
Перед нами и любовь, и счастья дни.

В этом сумраке так нежно хороши
Твои милые и близкие черты.
Расставаться ты со мною не спеши
В этот дивный час осенней красоты...

Не забуду я, родная, никогда
В нашем парке ту знакомую скамью,
Где ты сердце мне открыла навсегда,
Где мы встретили зарю, – любовь свою!

* * *

Оглянулся я назад –
Там бурьян, чертополох, –
Удивляюсь, как я мог
Те пройти все сто дорог.
Там за мной в кромешной тьме
Бушевал кровавый шквал,
Там друзей в огне терял,
Скорбь земле я поверял.
Зорко я взглянул вперёд,
Там цветёт прекрасный сад –
Звон цикад в тени аркад,
Нега радостных услад...
Оглянулся я вокруг –
Гладь озёр, под солнцем плёс,
Сколько песен, сколько грёз,
Край родной, ты мне принёс!

1955

Я счастлив

Я счастлив, я счастлив, как прежде,
В тех ласковых звонах весны,
И вновь в окрылённой надежде
Все чувства Тебе отданы.

Забудь про былое ненастье,
Любимым меня назови:
Душа моя, полная счастья,
Готова на подвиг любви.

Я счастлив, я счастлив, как прежде,
В тех звонах весны голубой,
И снова живу я в надежде
Быть вечно с Тобой, лишь с Тобой!

1956

Разлука

О Тебе, о Тебе одной
В тишине ночной
Мысль моя всегда, –
Мысль моя тверда.

О Тебе, о Тебе одной
В жаркий полдня зной
Между трёх дорог
Шепчет ветерок.

О Тебе, о Тебе одной
На тропе лесной
В дальнем том краю
Песню я пою.

О Тебе, о Тебе одной
Мир поёт вокруг –
Потому что, друг,
Ты всегда со мной.

1957

Пава

Выступает плавно пава
И стройна, и величава.
Стан у павушки красив,
Только нрав спесив...

К ней посватался павлин,
Всех красавиц властелин.
Пава молвила: «Ха-ха» –
И прогнала жениха.

Вот прогнала жениха
Да пошла... за петуха.

1958

Реквием

Минули скорби и мученья,
На сердце брошен ком земли...
Мрачнеют вечной ночи тени
И замирает всё вдали.

Но будет мне в земле холодной
Не тяжек сладостный покой:
Родные, вас ни смерть, ни годы
Не разлучат вовек со мной.

Пусть мрачен мой приют последний, –
С Землёю-матерью сольюсь
И в день весны из смертной сени
Цветком душистым вам явлюсь!

1958

Думы война *

Ночь. Метель. Затишье пред боем,
Ветра вой и круженье снегов,
И мне чудится в вихре и вое
Зов далёких родных голосов.

Будто шепчешь ты робко признание,
Дорогая невеста моя;
Голос твой через все расстоянья
Долетел в эту ночь до меня...

Будто в жалобном стоне метели
Слышу голос твой ласковый, мать,
Словно с песней сидишь у постели,
Словно хочешь меня укачать.

Снова лаской твоей голубиной
В эту жуткую ночь я согрет.
Глухо стонет пурга над равниной,
Скрыт во мраке далёкий рассвет.

Вновь мне слышится в стоне протяжном
Чей-то голос знакомый, родной...
Кто ты, скованный силою вражьей,
Кто, истерзанный тяжкой борьбой?

Жгут мне сердце укоры живые:
Как же воину их не понять?
Это – голос твой скорбный, Россия,
Это – зов твой, о Родина-мать!

1958

Знакомому незнакомцу

*И. А. Спасскому **

Далёкий, но знакомый незнакомец,
Стихом своим приветствую Тебя!
Ты жизнь прошёл, страдая и любя,
Не думая о радостях, о доме...

Не розами судьба Твой путь венчала,
Не радости несла Тебе, герой, –
То в путь звала без цели, без начала,
То в тупики вела Тебя порой...

Находим мы нежданное спасенье,
Когда на сушу нас несёт прибой.
Мы встретим светлой жизни воскресенье,
Мы обретём и солнце, и покой!

1958

Человеку

Мысли твои гудят, как горны,
Руки сжимают влажный штурвал,
Ты сдвигаешь гранитные горы,
Ты разбиваешь девятый вал;

Ты в поднебесье паришь с орлами,
Ты врезаешься в высоту;
Ты добываешь вольфрамовый пламень,
Ты меняешь Земли красоту.

Ты охвачен будней волнением,
Ты, как морем, несом людьми;
Ты, словно атом, в вечном стремлении, –
Остановись хотя бы на миг!

Остановись, беспокойный зодчий,
И замри в немой тишине –
Есть упоенье в молчаньи ночи,
Есть обаянье в речной волне...

Музыка в звёздном далёком хоре,
Музыка в светлом Млечном пути;
Остановись, стань ногою на море,
Нужно всему свой ответ найти.

Нужно понять сокровенные числа,
Мудрости кубок выпить весь:
В книге природы – бездна смысла, –
Вечно читай, а конца не прочесть.

1959

Песня о море

Море родное,
Весенней порою
Вновь над твоими волнами стою.
Снова задумчивой
Песней прибоя
Ты растревожило душу мою!

В южных степях
И на пастбищах горных,
Где я друзей бы своих ни встречал,
Шум твой, о море,
И рокот прибоя
В сердце моём, словно песня, звучал.

Волны взбегают
На берег янтарный,
Мечется море, бушует гроза...
Не ухожу я
От шумного моря, –
Милая смотрит с улыбкой в глаза.

Каждой весной
К тебе возвращаюсь,
Облик твой солнечный в сердце храня.
Море родное,
Ты встречной волною
Вновь принимаешь в объятья меня!

1960

Любовь

Нет, не дурман – любовь, а роковая сила,
Роднящая сердца в блаженстве и борьбе;
И не игра, как Ты мне говорила,
Не веря, может быть, себе.

Пушкай лгуны всех стран напрасно уверяют,
Что верности, любви и вдохновенья нет, –
Но с именем её в бою сгорают
И только ею жив поэт!

1960

Раздумье

Где светлые умы, где величавый Данте,
Где юный Пушкин, где старик Крылов,
Где чудный Моцарт, где Шекспир великий,
Где чародеи музыки и слов?
Где сонмы воинов, в сраженьях павших,
Где сироты, истлевшие в огне,
Где матери, погибшие с проклятьем
Своим врагам и пагубной войне?
Где гордые цари и где тираны,
Мучители и жертвы – где сейчас?
Где палачи, что наносили раны
И где младенцы, павшие за нас?
Их уравнила смерть. Одним несла в отраду
Напиток свой, чтоб нежно усыпить,
Другим она подсунула отраву
Иль удавила ночью на цепи...
Тех вырвала из цепких рук болезни,
Других она сразила наповал.
А ведь они мечтали о бессмертии,
Как море их кипела голова.
Ведь люди эти строили и пели,
И жизнь ключом струилась в их крови,
Они молились в шторме о спасеньи
И ждали откровения любви...
Преступники, тираны и злодеи,
Святые и блаженные – все там.
Как говорили греки – в тихой Лете.
И шли века, эпохи и лета,
И, как всегда, не знал никто на свете,
Где истина, где ложь и где мечта...

Века уйдут и время отзвенит,
И голубой рассыплется гранит,
И свет блеснёт, и всё проглотит мгла,
И снова солнце в миллиардный раз
Едва заметно для движенья глаз
Легко взлетит в сияющий зенит.
И ты уснёшь навеки на руках
И растворишься в серых облаках,
Но если чья-то память сохранит
Твой добрый образ и твои дела,
Не бойся смерти, тьмы и зла:
Ты будешь жить в веках.

1960

* * *

С. Есенину

Из полевых цветов сложи букет простой,
И засверкает он искристой красотой:

Не будет в нём ни роз, ни белых орхидей,
Но радостью овеет он людей.

Так и стихи, мой друг, – с букетом их сравни:
Чем проще в них слова, тем искренней они!

1960

Власть рифм

Мне часто снятся рифмы на заре,
Когда сирень искрится в серебре;
Но от себя я строго их гоню
И предаю безжалостно огню.

Порою жизнь хлестнёт меня волной,
В тот миг душа исторгнет звук иной:
Другие рифмы зазвучат во мне,
Калёные на медленном огне.

И я живу в чудесном их плену,
Киплю душой и горести клянущу,
Покоя жду, готов друзей не знать,
Но властных рифм не в силах я прогнать!

1960

* * *

Молодые, молодые,
Мы всегда стремимся вдаль,
Где идут по тропам к дыму,
Где не ходят поезда.

Едем, едем с песней бойкой
Кто на север, кто на юг;
Мы готовы в путь с тобою,
Если ты – хороший друг!

Нам нужны в степи обширной
Для ночлега шалаши,
А в мороз на стройке мирной
Греет нас огонь души.

Пусть бушуют ветры злые,
Пусть любой ударит гром, –
Молодые, молодые,
Эту песню мы споём!

1960

Я иду по России

Я иду по России,
По российской земле,
Реки светятся синие
В голубой полумгле...

Вижу сёла и сёла,
Всюду милая Русь,
Слышу песни весёлые,
Слышу русскую грусть.

Где бы ни был я часто
В сердце милом краю –
Люди братскою лаской
Теплят душу мою.

Лучезарны просторы
Чужестранных морей, –
Ничего нет дороже
Этих русских полей...

Как на небе двум солнцам
Никогда не светить,
Так для русского сердца
Двум Россиям не быть...

Призвание

Ты меришь ли путь незримых звёзд
Иль под тобою лава,
Стоишь у станка или строишь мост, –
Тебе уваженье и слава.

Быть может, в руках твоих бил барабан,
А может быть, скрипка пела,
Но в том твоё счастье, твоя судьба,
Что сердце твой труд согрело.

Мальчишка

Весеннее небо в окне голубеет
И залиты солнцем поля и дворы;
А в классе такую серьёзностью веет,
Что дух занимает у всей детворы.

Ведь, право, не шутка писать сочиненье,
И головы все, как одна, склонены.
Сегодня к ребятам пришло вдохновенье,
И каждый – поэт иль писатель страны.

О чём это пишет парнишка вихрастый
С серьёзностью синих задумчивых глаз?
О бурном ли море, о штормах опасных,
О славных ли подвигах этот рассказ?

О том ли, как Павка Корчагин бесстрашный
На битву летел на своём скакуне?
Наверно, и сам ты не прочь в рукопашный,
Вихрастый мальчишка, скажи-ка ты мне?

Ты вырастешь в сажень, уйдёшь ты в походы,
Такому дорогу не трудно найти, –
Так пусть миротворное солнце свободы
Всегда тебе светит на долгом пути!

1963

Пробуждение

В тот час пробужденья душа моя пела,
Играя, звеня, как прозрачный кристалл;
Природа могучею силой кипела,
Я в зелень весны возвращаться стал.

Слабел, удалялся таинственный голос,
И хор умолкал в голубой тишине;
Какое блаженство от смерти на волос
Сливаться с гармонией жизни во сне!

1963

* * *

И. С. Тургеневу

В тени старинных лип,
В сплетеньи трав густых
Перед Тобой, как сын,
Колени преклоняю;
И сердцем я скорблю,
Что в шуме суеты
Не видел Спасского –
Тургеневского края.

По сумраку аллея,
Как прежде, как живой,
Проходишь снова Ты
С какой-то мыслью новой...
Сквозь вещей птичий гам
Я слышу голос Твой,
Ловлю Твой зоркий взгляд
Спокойный и суровый.

Задумчиво, как встарь,
Обходишь белый храм,
Где ты стоял порой,
За мать свою рыдая –
Свободу даровать
Хотел её рабам,
Но ран той жизни Ты
Не излечил, страдая.

В том царстве нищеты,
Насилия и зла
Как мог заметить Ты
И Лизу, и Елену?
Как прозорливая
Душа Твоя могла
Отдаться красоты
Пожизненному плену?

Под небом Франции
О Спасском Ты мечтал
И чудилось Тебе:
Россия, снег, морозы...
Ты милые слова
Задумчиво шептал:
«Как хороши,
Как свежи были розы!»

Да, в Спасском Ты не зря
Искусство познавал:
Как Ты для нас –
Оно бессмертно, гений!
Здесь памятник Тебе,
Чтоб каждый русский знал,
Как Ты страдал
И как творил, Тургенев!

1964

Макарьевский собор

Над синей Волгой
Творенье зодчих –
Собора старинного
Облик строгий.
Я вижу резьбу
На стенах узорчатых,
Мне грезится в них
Алтарей серебро.
Могучие башни
Старинного храма
Несут меня в самый
Купол вселенной,
И свет разноцветный,
Бледный, играющий
Едва озаряет лики во мгле...
Потом, поражённый,
Я щупаю камни,
Как будто для дела, –
Мне чудится вдруг
Подневольный каменщик,

Полжизни работе
Оставивший здесь.
Ведь это он
Искусным железом
Для храма гранил
И обтёсывал камень,
Ведь это он
Ладонью изрезанной
Здесь чудо-алтарь
Воздвигал на века.
Здесь даже в бурю
Стоять хочу я,
Чтоб видеть собор, –
Я готов иззябнуть:
Ведь здесь творил
Неизвестный Анджело,
А этого, люди, забыть нельзя!

1964

Аринушка

Бабушке Аринушке
Восемьдесят лет.
– Чай, уж ты умаялась?
– Что-то смерти нет.

Только ты не скромничай,
Заходи, сынок,
Ты явился вовремя,
Прямо на чаёк.

Хочешь, чтоб припомнила
Стары времена? –
Мраком всё покрылося,
Голод и война...

Как на первой на войне
Старший пал сынок;
На другой, родименький,
И второй полёг;

Помер муж, тому прошло
Лет десятка два,
Осталась на свете я
Горькая вдова;

Внука в годы трудные
Вырастила я,
Да уехал в город он,
Вот и вся семья.

Обветшала, сокол мой,
Ветхая изба;
Старость одинокая,
Грустная судьба...

Помогли мне крохами,
Я и прокормлюсь.
Только скучно, скучно мне,
Что одна томлюсь.

А бывало, с бабами
Выйду на покос,
Затяну я песенку,
Так проймёт до слёз.

А начну рассказывать,
Как жила-была,
Как всю жизнь батрачила,
Тяготы несла,

Бабки все соседские
В голос заревут
И меня страдалицей
Бедной назовут.

В сердце русских, миленький,
Много теплоты,
Только растерзали их
Когти нищеты.

И теперь-то женщины
Сеют, веют, жнут,
Спины в три погибели
Часто тоже гнут.

Хоть одежда латана,
Но чиста всегда.
Ой ты, горе русское,
Русская беда...

1965

Дыханье ветра

Ветер,
На всех континентах – ветер.
Порою ты ласков, ветер,
И нет ураганов на свете.
Поёшь ты берёзкам песню,
Роскошные пальмы качаешь,
Приносишь порою на крыльях
Земле благодатное солнце.
Ты всех обездоленных горем
Ласкаешь на бурной планете...

Ветер,
Порой ты зимою студёной
Сердца леденишь человечьи,
И мир забывает о лете.
Вздымаешь ты грозные волны,
Летишь по пустыням безмолвным,
Ты дико хохочешь, грозишь и стонешь...
И ветру внимают,
Плача в ужасе, дети,
И молний мечи озаряют
Поля всех сражений на свете...

Ветер,
Тебя заклинаю, ветер,
Не нужно нам бури, ветер,
И смерти не нужно, ветер!
Не сей ты колкого града,
Не вей смертоносным ядом;
Ты свежим дыханьем мысли
От зависти чёрной очисти,
Людей усталых и скорбных
Крепи, освежающий ветер;
Их раны, добытые в битвах,
Цели, ободряющий ветер, –
Ведь ты перед миром в ответе, –
Ветер, ветер, ветер!

1965

Поэма о Турайдской Розе

«Любовь сильнее смерти»

Я. Райнис

I

В замке Турайдском могучем
Стены были неприступны;
За железною оградой,
Медной каскою сияя,
Часовой стоял в дозоре.
В замке том в своих покоях
Жил полковник, пан вельможный,
Понаграбивший немало...
Часто он из зала замка
Любовался видом Гауи,
Но ему пейзаж окрестный
Надоел, как всё на свете.
Вот полковник Якубовский
На коня садится браво,
Скачет по холмам лесистым,
По листве осенне-жёлтой,
Вспоминает пан дородный
В Кракове свой дом шляхетный,
Королю клянёт измену,
Дёргает свой ус с досадой
И коня стегает плёткой.
Выезжает он в долину,
Где ютятся в тесных избах
Латыши – народ смиренный.
По дороге пыль несётся,
Скачет пан от лютой скуки,
Только вдруг у косогора
Видит он: пасётся стадо –

Этих дебрей вид привычный.
Только пан остановился –
И забыл свой дом шляхетный,
И придворных дам забыл он.

Перед ним стоит пастушка
В белой вышитой накидке,
Косы светлые по пояс.
Стан её высок и строен,
А глаза синее неба;
На груди сверкает сакта,
А на шее – ожерелье.
Пан тут лихо приподнялся
И спросил с осанкой гордой:
– Кто такая? – Я крестьянка...
– В наших ты живёшь владеньях?
– На своей земле живу я,
Где веками жили деды...
Пан хотел разгорячиться,
Но смолчал и улыбнулся.
– Как зовут тебя, дивчино?
Но не ври, ответствуй. – Роза.
Гордый пан расхохотался,
Из седла скорее спрыгнул
И промолвил ей лукаво:
– Роза – лучший дар из сада,
Нашей жизни украшеньё,
И цветёт она всё лето,
Чтоб её сорвал прохожий...
Тут наш пан, забыв дородство,
Знатный род и всё на свете,
Кинулся навстречу Розе.
Он хотел её похитить,
Увезти в свой мрачный замок,

Но в одно мгновенье Роза
Скрылась где-то в перелесках.
Разбрелось уныло стадо,
Пан же в бешенстве помчался,
Словно вихрь, в свой замок дальний.

II

Разузнал он всё о Розе
Через девушек из замка:
Есть жених у Розы верный –
Виктор – Сигулдский садовник.
Вот Адам берёт бумагу,
Пишет Розе он посланье:
«Не могу один томиться,
Не хочу я жить в разлуке,
Приходи, мой ангел, Роза,
Завтра в шесть часов в пещеру,
Буду ждать. Жених твой Виктор».
Роза-Майя в изумленье
Получает то посланье.
«Милый, милый, видно, любит,
Хочет он открыть мне сердце».
И, волнуясь, Роза-Майя
Из старинных кладей предков
Вынимает шаль цветную,
Смотрит, как играет солнце
По осенним листьям красным,
И спешит, бежит к пещере...
А в пещере разъярённый
Ходит пан, как тигр по клетке:
– Ну, явись теперь девчонка!
Из моих объятий цепких
Дьявол сам уйти не мог бы!..

Вот в пещеру мотылёчком
Роза радостно впорхнула,
Перед ней чужой злодей тот...
Закричала страшно Роза
И взмолилась о пощаде,
Но вокруг людей не слышно.
Пан схватил рукой железной
Розу за руку и молвил:
– Не кричи, твой крик напрасен,
Нас никто здесь не услышит.
Полюби меня, мой светик,
Мне предайся с наслажденьем:
Я не свинопас, не олух,
Награжу тебя я перстнем,
Отвезу тебя я в Краков,
Будешь дамой ты шляхетной!
– Отпусти меня ты, дьявол,
Отпусти меня на волю...
Но злодей не хочет слушать.
Тут упала на колени
И, безудержно рыдая
Как дитя, взмолилась Роза,
Но хохочет пан над нею.
– Подожди, – тут молвит Роза,
Говорят, ты храбрый рыцарь,
Вдов и сирот защищаешь...
Так проверь свою ты храбрость.
Победишь – твоей я буду,
Все исполню, что прикажешь.
– Ха-ха-ха! Ну я согласен, –
Отвечает Якубовский.
– Вот смотри на шаль цветную:
Если я её надену,
Стану я неуязвимой –

Ни огонь, ни меч твой славный
Мне вредить тогда не смогут...
Усмехнулся пан зловеще,
И глаза его сверкнули:
– Что ж, по-твоему пусть будет,
Грудь закрой цветною шалью...
Роза шалью призакрылась
И на небо посмотрела:
– Будь, любовь, сильнее смерти!
А палач уже с усмешкой
Вырвал страшный меч из ножен
И вонзил несчастной в сердце.

Так за честь погибла Роза,
Но любви не изменила.
На горе крутой, высокой
Возле старой белой церкви
Есть под липою могила.
Здесь, как говорит преданье,
Роза спит уж три столетья.
И поют над нею ветры
О её любви и смерти.

1965

Ода равнодушному

Нет тебя на солнечных дорогах,
Нет и на вершинах снежных скал.
Немощный и сонный недорога,
Ты тропинок новых не искал.

Мог бы ты работать, петь и строить,
Силы забирать у мощных рек,
Мог бы быть учёным и героем,
Равнодушный, слабый человек.

Ведь тебя недаром мать растила,
Твой слезами окропляя путь.
Вспомни, как она тебе твердила:
Будь мне светом и отрадой будь.

Слёзы наших матерей не стронут
Только камень с пройденных дорог.
Ну, а ты, ты, словно тёмный омут,
Ты понять их горечи не смог.

Шёл зачем, зачем ты шёл, не зная
Вдохновенных подвигов любви?
Видно жил, от скуки изнывая,
Тишь да гладь душой благословил?

Мимо пролетают дни и годы,
Люди мчатся в мир иных планет –
Где ж ты, равнодушный сын природы,
Может быть, тебя в живых уж нет?

Словно призрак, ходишь ты по свету.
Нет, тебе не слава суждена, –

Всё, что ты для жизни отдал этой,
Всё она вернёт тебе сполна.

1966

Ступени скорби и бессмертья

Смолистый ветер над полями веет,
Михайловские рощи – без границ...
Разносится, как прежде, по аллеям
Душистый запах сочных медуниц.

Как прежде, над болотом птичий клёкот,
И ровный строй неодряхлевших лип,
И ручейка затерянного ропот,
И нежная задумчивость земли.

За Соротью – уютный дом, как прежде, –
Как и тогда, здесь мир и тишина.
Лишь гости в те года бывали реже,
Да няня хлопотала здесь одна.

Как белый лебедь, зеленью укрытый,
Собор старинный на вершине гор;
Лежит безмолвно колокол разбитый –
Живой свидетель – пушкинский глагол.

Туда ведут высокие ступени,
И мне всходить так страшно тяжело...
Как будто слышно траурное пенье
В тот скорбный день, когда свершилось зло.

И слёзы жгут мне щеки, словно пламень, –
К Твоей могиле, Пушкин, тяжек путь,

Как жизнь Твоя, как этот белый камень,
Что не даёт легко Тебе вздохнуть.

О, если бы в тот день, на Чёрной речке
Я за Тебя в бою пролил бы кровь,
О, если б спас я сердцем человеческим
Тебя, России первую любовь!

Как и тогда, шумят в аллеях ели,
И вновь сияет солнце в синеве, –
Тебя, поэт, метели не отпели –
Ты с нами, Пушкин, с нами Ты навек!

1967

* * *

Как свой путь находят птицы
В царство южных пирамид?
Через Рим иль через Ниццу
Путь небесный их лежит?

Как они под небом ищут
Север дальний, но родной?
Как летят в свои жилища
Снова тёплою весной?

Много ли песку в пустыне,
Много ли на небе звёзд?
Кто к ним смело перекинёт
Через небо звёздный мост?

Вы, космические люди,
Не на Млечном ли пути?

С вами кто встречаться будет?
Как дорогу к вам найти?

1967

Костры

Сине-чёрные ночи такие немноги,
Ветер хлещет в лицо мне бичом во мгле, –
А мне долго ль идти через тьму без дороги,
А мне долго ль брести по промёрзшей земле?

Всё же хочется страстно тепла и приюта,
Но хотя под ногами упругость бугров,
Нет, я не желал бы искать лишь уюта
И греться у пепла чужих костров.

Но я разожгу их в пожар настоящий, –
Им долгую ночь, полыхая, гореть,
Чтоб ласковым светом надежды манящей
Озябшие души людские согреть.

1968

* * *

Любовь блеснёт и скроется капризно, –
Как пень иссохший, я тогда стою.
Мгновенье это, словно страшный призрак,
Задушит песню, кажется, мою.

Явись, явись, ты, солнца вещей пламень,
На жизнь меня, на подвиг вдохнови, –
Ты согреваешь и холодный камень,
А я рождён для песенной любви.

А я рождён для песенных веселий,
Я в сказочную шествую страну.
И пусть порой в снегах томятся ели,
Но я влюблён в грядущую весну.

1969

Новогоднее

Сверкают бриллианты-радуги
В сияньи лунном на снегу.
Я зачарован светлой радостью,
Я это счастье берегу.

Всё в жизни тёмное и пошное
На крыльях ветра унесло;
И вот ко мне незримо прошлое
Как друг, негаданно пришло.

Вот я гляжу: дорожкой лунною,
Раскинув руки широко,
Спешит ко мне навстречу юная
Моя любовь, и мне легко...

Вот просыпаюсь я улыбочиво,
Как в сказке, слышу голос Твой:
«Какой ты у меня забывчивый,
Под Новый год какой смешной!»

И легче дышит грудь, свободнее,
И юность к нам вернулась вновь:
Сегодня в полночь новогоднюю
Мы тост поднимем за любовь!

1969

Феникс

О, милая Феникс, Ты вечно юна,
Из струй светоносных Ты вся соткана.

Ты взглядом туманным прельщала меня,
Был облик Твой странный весь из огня.

И я прикоснуться к Тебе не посмел,
И я говорить с Тобой не умел.

Мне только хотелось вырваться ввысь,
Но крылья плоти моей не дались.

А взор Твой, о Феникс, мне брезжил вдали
И звал за собою в просторы Земли.

Но я с каждым днём всё слабел и слабел,
В безумном порыве то тлел, то горел.

И гибла душа, ничего не любя,
Когда я не верил, о Феникс, в Тебя!

1969

Змея

Я дошёл до горной высоты,
Сердце в бурях жизни не дрожало,
Перед красотой я застыл,
А в расщелине змея лежала.
Здесь, на кручах горной высоты
Уж не раз бойцов она сражала.
Старая, как мир, от маяты
Чёрная змея изнемогала,

Чёрным ядом подлой клеветы
В бездну человека низвергала...
Но во имя снежной чистоты
У змеи я вырву это жало,
Чтоб на кручах горной высоты
Всё не повторилось бы сначала.

1969

Фаусту

Великий маг, злодей и шарлатан,
Мятежный дух, учёный чернокнижник,
Ты был когда-то как святой подвижник,
Ты презирал смирение сутан;
Извлечь ты корень жизни захотел,
Найти ты чаял формулу вселенной,
Над горном, над ретортами потел,
Ты хохотал над жизнью нашей брэнной...
Ты был учеником у сатаны,
Ты душу продал, еретик небритый, –
Так почему же в первый день весны
Ты возжелал объятий Маргариты?
От мудрости лукавой ты бежал
И понял: все бессмысленно, напрасно,
И таинство любви познав, сказал:
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

1970

Живая вода

Не ты ли мечтал о прохладе глотка
Со дна ручейка, родника
В звенящей глуши лесной?

Под небом пылающим, без облаков,
Среди палящих песков
Не молил ли воды простой?

Не влаги ль холодной в бреду ты просил,
Не ты ли водой исцелил
Жажду груди больной?

Как нищий, не ты ль в суете сует
Ждал, заклиная свет,
Любви, как воды живой?

И если ты муки жажды познал
Хоть раз на тропе боевой –
То верно уж воду не в шутку назвал
Целительной и живой!

1970

Морю

Море, море, я говорю с тобою, как с другом:
Помнишь, я бегал мальчишкой по дюнам твоим
И плакал без ласки матери, без участия друга
И, слёзы глотая, кидался в отчаяньи к самым
волнам,

Ища у тебя защиты...

А ты молчало, ты равнодушно молчало.

* * *

Всё дождь и дождь, мутны ручьи в траве,
В гнетущем омраченьи трепещу.
Мечтая о блаженной синеве,
Просветы в тёмном небе я ищу;
Но радости из радуги черпнув,
Я птицей стану и, разинув клюв,
Расправлю крылья шире, чем орёл,
И, вдруг почуяв яркий ореол,
К спасительному солнцу полечу.
Не вечен долгий дождь и мрак сырой, –
Над ними свет, приволье и покой.

1970

Совість

У края дорог скалистых
Меня распинали в Риме,
Сжигали в кострах смолистых,
Чтоб сделалась я незримой;

Мой – кровью – наряд багрили,
Молясь за меня в соборах,
Мне бархат и жемчуг дарили,
Чтоб я восстала не скоро;

В темницах глухих инквизиций
Язык вырывали кровавый,
И лютой смертью грозили,
Чтоб я молчала в подвалах.

Меня поднимали из пепла,
Поили вином редчайшим,
Мой слух веселили пеньем
И лестью самой сладчайшей;

Влачили меня в крематорий,
Водили по льду обнажённой
И пили в угаре застольном
Над трупом моим сожжённым;

Меня убивали в пустынях,
Топили в холодных пучинах,
Велели забыть святыни
И лжи и коварству учили.

И в хаосе без прелюдий
Меня продавали с торга,
Но я не погибла, люди,
Держу я голову гордо!

Я – Совесть, я – голос разящий,
Судья и вершитель света,
Я – гений, блаженство дарящий,
И я пройду по Планете!

1970

Легенда о колоколе

Над бурной Волгой мчался грозный шквал,
Дымились дымы, зори багровели,
На отмелях вскипал гремящий вал,
И ветры над просторами ревели.

В тот день был поднят медный богатырь
На звонницу народными руками,
Чтоб не дремал властитель высоты,
Чтобы звенел и пел под облаками.

И так звучал над Русью он века,
Был, как пророк, великих дел предтеча,
Свободен был, как небо, как река,
Как солнца луч, как в Новгороде вече.

Здесь перед ним шли Грозного полки,
Он прежде видел полчища Батяя,
Здесь Разин плыл по быстрине реки,
Ермак всходил на плёсы золотые.

Его на медь царь Петр не переплавил,
И в плен Екатерина не взяла,
Но эта ночь последняя без славы
Для колокола страшною была...

Сюда явился человек безвестный
И, сонного, он сбросил в глубину,
И колокол упал со стоном в бездну,
Со звоном канул в волжскую волну.

Теперь давно он воздух не колышет,
Неслышимый уже вечерний звон,
Но говорят, его на Волге слышат, –
Как много тяжких дум наводит он.

1970

Русский солдат

(песня)

С тобою мать, скорбя душой, простилась
И в долгий путь наказ дала.
Её любви живая сила
Тебя в сраженьях берегла.
Косил врагов ты под Полтавой,
Разил в полях Бородина;
Ты был, солдат, овеян славой,
С тобою всюду шла весна.

Русский солдат, русский солдат,
За тобой колосится рожь.
Ты мир бережёшь, но в грозный час
Свой плуг на меч перекуёшь.

Гудели злобно грозные раскаты,
Ты шёл израненный, в крови,
Но, смертью огненной объятый,
Ты помнил о своей любви;
Ты шёл на праведное мщенье,
Наш стяг в Берлине водрузил
И ждал всем сердцем возвращенья
Ты к той, которую любил.

Русский солдат, русский солдат,
За тобой колосится рожь.
Ты мир бережёшь, но в грозный час
Свой плуг на меч перекуёшь.

Уже не раз тебя звала Россия
На подвиг славы боевой,
И враг жестокий не осилил
Тебя, Отчизны часовой.

Стоишь ты, воин легендарный,
И в мире нет тебя сильней;
Всегда от недругов коварных
Хранишь покой родных полей.

1970

Грядущим людям

Тянутся наши руки
К радужным гроздьям звёзд.
Верим: дети и внуки
К ним перекинут мост.
В космосе синем рейте
Смело, сыны Земли!
Пусть вас к дальним созвездьям
Мчат в эфир корабли.

Пусть на земле и небе
Разума свет горит,
Пусть на дальних планетах
Дружба и мир царит.
Видим мы ваши взлёты,
Люди грядущих лет.
Вам через горы столетий
Наш молодой привет.

Люди грядущего века,
Слушайте нас, слушайте нас, –
Смело для вас мы пути пролагали
В мире надзвёздных трасс.
Вспомните, люди грядущего века,
Вспомните нас, вспомните нас!

1970

Лучина

Не старинная лучина
Дымно теплится в избе, –
Я печальная, кручинная
О своей скорблю судьбе.

Я сижу у изголовья
Сладко спящих сыновей,
А в душе тоска бескровная,
Словно ветер-суховей.

Вечер грустен и тревожен,
Предвещает мне беду...
Отчего же мне неможется?
Я тебя, супруг мой, жду.

Вот по лестнице скрипучей
Ты хмельной крадёшься вновь,
А за стенкой грозной тучей
Сторожит меня свекровь.

«Где же был ты ночью этой?
Глаз сомкнуть я не могла,
Мне тайгою беспросветной
Эта комната была!»

«Я гостил всю ночь у милой,
Что прекрасна, как весна,
Над тобою, над постылой,
Не смеялася она,

А сказала: «Ты со мною
Будешь час лишь часовать,

А с законною женою
До могилы вековать...»

1971

* * *

Зачем грустить, зачем печалиться,
Что не всегда царит весна,
Что лето тёплое кончается,
Что сердцу вечность не дана!

Порою верится, не верится,
Но только ясно до конца,
Что счастье наше всё же мерится
Улыбкой милого лица.

Блаженно всё же в ночь туманную,
Как детям, за руку идти,
В грозу увидеть цель желанную
И мирный кров себе найти.

Ветшает камень, сталь и дерево,
И всё имеет свой конец,
И лишь давно судьбой проверено
Бессмертье любящих сердец.

1971

Тишина

Нам дóроги звоны ликующих вёсен,
Нам душу ласкает прибором волна.
Растущие силы пусть множит и множит
Целительной властью своей тишина.

В бушующих смерчах среди океана
Взбесившийся атом по воле химер
Взлетал, словно дьявол, и, небо пронзая,
Метался раскованный, страшный, как смерть.

И тени сожжённых детей Хиросимы
Взывали о мести из тесных могил.
О люди, послушайте голоса чести
И жизнь берегите детей дорогих!

Как ласковы звоны ликующих вёсен.
Нам горе – не горе, беда – не беда.
К любви мы готовы, к борьбе мы готовы
И к бою готовы теперь и всегда...

1972

Ксения

В тёмном, тёмном тереме
Теплются лампы, –
Теплются лампы,
Светятся оклады.
У икон старинных
Золотые ризы,
Мамки, няньки Ксении
Молят о спасении.
А царевна Ксения,
Светлосинеокая,
Молится о здравии
Государя-батюшки.
В ризнях слышно пение,
Патриарх с боярами
Со свечами яркими

Не царя Бориса ли
Облекают схимою? –
Смертью всё овеяно,
Нет ему спасения...
На коленях Ксения
Причитает с Фёдором:
«Ой вы, люди добрые,
Словно горька горлица,
Я томлюся в тереме.
Вы пустите к бабушке
Сироту постылую!..
Ой ты, Боже, Господи,
Троица многоликая,
Не оставь Ты сирот нас
Без отца родимого,
Без любимой матушки;
Не сведи с расстригою;
Он зарежет Фёдора,
А меня, несчастную,
Пострижёт в монашенки.
Не хочу увянуть я
Чёрной черноризкою,
Чтоб над нами тешились
Шуйские да Глинские...
Без любви, без радости
Жить одной не хочется,
Я же не печальница,
Я же не пророчица...»
А народ на площади
Пенится, как варево,
Над Москвой кровавое
Распылалось зарево.
И гудят над городом
Звоны колокольные,

И со страхом крестятся
Люди богомольные.
Снова Русь тревожится
Нищая, разутая,
Снова по распутиям
Бродит время Смутное...

1973

Юлиания

Ходит холод, ходит голод
По Руси с убогой торбою.
По дорогам ветер свищет,
По дорогам бродят нищие,
Корки хлеба жадно ищут.
А в далёком древнем Муроме
По домам, чумой зачумлены,
В чёрных струпьях люди валяются,
Замирая без сознания.
Стонут, стонут прокажённые:
«Помоги нам, Юлиания!»
Весь-то день она тревожится
И, склонившись над болящими,
Лечит травами целящими,
Скорбно плачет над сожжёнными.
В тишине ей ночью слышатся
Всхлипы, вздохи и стенания:
«Накорми нас, Юлиания,
Напой нас, Юлиания!»
Вот в руках с дубьём да кольями
Ворвались на двор к ней нищие:

«Хлеб в амбарах не хранила ты,
Хлеб в подклетьях погноила ты, –
Дай нам, нищим, подаяния;
А не то без покаяния
Сыновей твоих оставим мы...»
Низко кланялась блаженная:
«Хлеб в амбарах не хранила я,
Хлеб в подклетьях не гноила я,
Всю убогую и нищую
Русь любила и кормила я!»
Нищий люд её не слушает,
В её горницы врывается
И ломает всё, что хочется,
Убивает сына малого,
С диким воем разбегается.
Над своим сыночком-голубем
Мать слезами обливается.
До утра звучат стенания –
То рыдает Юлиания.

1973

Феврония

В рязанских дебрях, в муромских лесах
Жила в своей бревенчатой избушке,
Стоявшей крепко, будто на часах,
Дочь дровосека на лесной опушке.

Однажды на охоте сгоряча,
Не отряхнувшись от болотной грязи,
Зашёл в избушку, будто невзначай,
Сокольничий-слуга, наперсник князя.

Он скрипнул дверью, в сени он идёт
И видит: посреди большой светлицы
За шумной прялкой девица прядёт –
Красавица, как лебедь-голубица.

«Ты, добрый человек, пришёл не зря,
Сюда никто не приходил без дела», –
Сказала, засияла, как заря, –
А он, войдя, на лавку сел несмело.

«Ну что ж, про горе расскажу сейчас.
У нас беда: князь Пётр смертельно болен.
Он в ранах весь, он не смыкает глаз
И сил ему никто вернуть не волен». –

«Ты снадобья скорей вези ему,
От ран князь Пётр тотчас же исцелится
И будет здоров по слову моему,
Коль обещает он на мне жениться».

... О юном князе молится народ,
О здравьи все колокола трезвонят..
Но вот к нему сокольничий идёт:
«Я знаю деву, хворь твою изгонит!»

Вот князь лекарства к ранам приложил
И, словно в сказке, исцелился скоро,
А о женитьбе, как на грех, забыл
И снова занемог проклятой хворью.

И снова шлёт сокольничего князь:
«Ты снадобья достань скорее, друже,
Да не ударь лицом, пожалуй, в грязь, –
Скажи: женюсь и друг мне верный нужен!»

Я мудрость девы испытать бы рад:
Ты льна пучок возьми с собой в дорогу –
Пусть из него она соткёт наряд,
Чтоб в церкви в нём я мог молиться богу».

Вот княжий друг уже везёт ответ:
«Сооруди станок мне из лучины,
На том станке я буду ткать, мой свет,
Тебе платки и платья до кончины!»

Князь усмехнулся: «Вот ведь как хитра,
К тому ж, должно быть, ангельски прелестна.
Да от добра не след искать добра, –
Вези её – она моя невеста».

Сокольничий Иван – опять в леса,
Везёт её касаточку-лебёдку.
«Какая ненаглядная краса», –
Подумал он, и оба сели в лодку.

Гребёт Иван, на спутницу свою
Он смотрит так, как бы ума лишился,
Не вытерпел и в лодке на краю
Он в ноги ей с мольбою повалился.

«Воды, Ванюша, слева почерпни,
Испей её, потом черпни и справа.
Ну где же слаще, где вкусней, смекни,
Где лучше тут вода, скажи мне, право?»

Вот и природа женская одна, –
Так лучше сердце друга не печалить...»
Тут вспомнил он, что у него жена
И лодку молча к берегу причалил.

1973

Анна Ярославна

Помутнели очи Ярослава –
Глянул, словно сокол, он на двор;
Там народ волнуется, как лава,
И ведёт сполошный разговор.

Понеслись возки к святой Софии,
В облаченьи ждёт митрополит.
Словно весь сюда сошёлся Киев –
Стар и млад в соборный храм валит.

С Ярославом княжеская дочка,
Цветик по семнадцатой весне.
Думал Ярослав, всё думал ночью:
Как ей будет в чуждой стороне?

Вся в слезах к груди отца припала
И взмолилась: «Батюшка, прости,
Счастье моё навек пропало,
Знать, судьба мне от Руси уйти!»

Старый Ярослав ей молвит слово:
«Дочь моя, ты рок свой не кляни.
К свадьбе пышной всё уже готово.
Ждёт тебя король твой и жених».

* * *

И в Реймском соборе по чину княжну
Венчали на царство прелаты,
Французы свою не щадили казну,
Устроили пир ей богатый.

И с Генрихом Анна в Париже жила,
Сидела на троне французском,
Был пир – иноземную брагу пила,
Но тайно грустила о русском...

Вельможи её поражались уму,
Пленялись её красотой,
Была она долгу верна своему,
Оставшись на троне вдовою.

Увы, ей наскучила роскошь двора,
И, сына приблизивши к трону,
Сказала она: «Мне оставить пора
Тяжёлую эту корону».

На тихой и сонной речонке Нонетт,
В Санлисе, среди дымки туманной
Грустит королева, отрады ей нет,
Тоскует по Киеву Анна.

Велит она строить себе монастырь
Как дар близкой сердцу отчизне,
Как память о святости русских святынь,
Как память о прожитой жизни.

Мину́ли столетья. В аббатстве – коллédж.
Здесь памятник Анне державной,
Как гимн несмолкающий русской земле
И Франции дочери славной.

1973

Авдотья Рязаночка

Дымы дыматся над павшей Рязанью,
В городе горы обугленных тел.
Мёртвые в небо впились глазами,
Скорбно живые стонут у стен.

Ветер зловещий надрывно свищет,
Сумрак взрывая всплеском огней,
Обезумевшие женщины ищут
Братьев, отцов, мужей, сыновей.

Волосы, воя, рвут густые
И убиваются, смерти моля,
И проклинаят убийцу Батыя,
Словами, каких не слыхала земля...

Встала Авдотья: «Гей, слушайте, жёны,
Не плачьте о мёртвых, живых вернём, –
В этом клянусь я землёю сожжённой,
В этом клянусь я небесным огнём;

В этом клянусь я тяжёлой недолей,
Матерью-Русью я гневно клянусь;
Братьев наших из вражьей неволи
Вывести я на свободу берусь!»

Шла она, шла она днями, ночами,
Через пожарища, через туман.
Чур! Только видит: пылает кострами
В дымном поле татарский стан.

Вышли татары, пьяно гогочут:
«Выпей вина», – хрипят, распалась...

Вот из шатра, мрачнее ночи,
Выходит Батый, всемогущий князь.

«Я пришла не шутить, не смеяться,
В сердце гнездятся муки одни, –
Взял ты мужа, свёкра и братца.
Так верни же мне их, верни!» –

«Свёкор ли, муж или брат на примете?
Мы одного из них вернём.
Ну, выбирай, если ты не ответишь –
В землю зароем тебя мы живьём!»

Так рассмеялся Батый жестокий,
Что сотряслись в долине холмы,
Что приутихли ручьи и потоки
И в ужасе все помертвели умы...

«О повелитель, ужасна утрата,
Она сулит мне зазор и беду,
Но всё ж я решила: верните мне брата,
А мужа и свёкра себе я найду!»

Молвил Батый: «Да, умна ты, я вижу,
Но и народ твой, я знаю, силён!
Хочешь: я к сердцу тебя приближу,
Ну, а не хочешь – бери весь полон!»

Дышат прохладой степные курганы,
Гордо Авдотья ведёт свой полон,
В диком безводье истерзаны раны,
Степь оглашают и вопль, и стон.

1973

Соломония

В голубом узорчатом кафтане
Едет на охоту царь Василий,
Белый конь его едва плетётся.
Нераздельно в думу погружённый,
На поляне царь остановился
И, гнездо на дереве увидев,
Молвил горемычный, чуть не плача:
«Горе мне! И на кого похож я?
Нет, я не похож на птиц небесных,
Гнёзда и птенцов они имеют,
И зверям земным я не подобен,
Не похож я также и на землю,
Что растит плоды свои богато, –
Только я бездетен, словно камень.
И кому я завещаю царство?
Кто владеть великой Русью станет?
На кого оставлю я по смерти
Все мои владенья и пределы?»

* * *

В терем свой заходит царь Василий
И зовёт боярина Шигоню:
«Сказывай, советник мой премудрый,
Сказывай, боярин, что с царицей?»
«Государь, царица безутешна,
Знахарей и ведунов собирает,
Дать ей молит снадобий целебных,
Ночью стонет, плачет на молитве,
Кормит утром нищих и блаженных
И молитв смиренных умоляет,
Лишь бы Бог ей даровал младенца».

И сказал печально царь Василий:
«Друг ты мой Иван, боярин думный,
Ты меня в печали не утешил.
Некому теперь открыть мне сердце,
Некому поведать думы тайной,
Но тебе откроюсь я, боярин:
Честно мне скажи под страхом смерти,
Что бы сделал ты с женой бездетной,
Если ждёт наследника Россия,
А враги престол мой обступили
И моей лишь смерти ожидают?» –
«Страшно мне ответ держать, Василий...»
«Нет, скажи, Иван, повелеваю:
Если б был, как я, царём могучим,
Что бы с Соломонией ты сделал?» –
«Государь, кто знает путь Господень,
На уме другого нет совета:
Стать должна монахиней царица!»
Помрачнел лицом тут царь Василий,
Закричал: «Ты – пёс, ты – гад проклятый,
Как возмог изречь хулу такую,
Ведь она ещё Руси царица!»

* * *

Заунывный звон зовёт и стонет,
Слабо свечи теплятся в соборе,
И ведут царицу, как на плаху,
За руки игуменя с Шигоней.
Вот сейчас начнётся тайный постриг.
Дан указ на клиросе монашкам
Петь что мочи, глаз вокруг не пялить.
Крест выносит седенький священник,
Тихо к Соломонии подходит:

«Дочь моя, прими святую схиму
И судьбы Господней не отвергни!»
Падает царица на колени,
Рвёт свою монашескую ризу:
«Пощадите, чем я виновата?
Лучше бы убить меня вели,
В монастырской келье я зачакну...»
Тут прикрикнул на неё Шигоня:
«Так-то ты приемлешь Божью волю,
Так-то уважаешь государя?
Бросьте непокорную черницу,
Бросьте в монастырские подвалы,
Пусть она гордынею смирится,
Пусть забудет, что была царица!»
Славный Суздаль. Монастырь Покровский.
В тёмной келье низкое оконце.
Мечется безумная царица:
«Ах, Василий, как ты мог предаться
За мою любовь чужим наветам?
Я ли не была твоей супругой,
Я ль тебя всем сердцем не любила?»
Тут в ворота въехала карета
И указ игуменье читают,
Вносят в келью царскую одежду
И царицу няньки облачают,
А потом везут в карете тайно
В тихий дом боярина Шигони.
Там ей чашу полную подносят,
Раздевают и кладут на ложе.
Видит Соломония под утро
Дивный сон: как будто царь Василий
Рядом с ней, целует и ласкает,
И ему царица шепчет: «Милый»,
И сквозь сон то плачет, то смеётся...

Только под лучом блестящим солнца
Соломония глаза открыла.
Видит, рядом с ней сидит на ложе
Сам боярин, враг её, Шигоня.
Живо Соломония вскочила:
«Аспид, змей, души моей губитель,
Обо всём Василию скажу я,
И висеть тебе, проклятый, в пётле:
Это ты постричь меня надумал,
Ты и повелел в подвалы бросить!»
«Полно, Соломония. Так знай же,
Знай, царица, что я твой спаситель.
Царь хотел тебя сгубить, повесить,
Отравить и вовсе сжить со света
И жениться на царице Глинской.
Ну, а я, давно тебя люблю я,
Ты меня пленила красотой,
Но тебе боялся я признаться.
Если хочешь, вновь царицей станешь,
Но тогда я жду твоей награды
Или ты сгниёшь в подвалах тёмных».
«Нет, уж лучше в монастырь, на плаху,
Лучше стать рабыней, но бесчестье
Смыть ценою крови. Отпусти же!
Если царь меня уже не любит,
Я зарежусь или брошусь в реку!»
«Милая, одно я знаю средство,
Как вернуть любовь царя ты можешь».
«Знать его хочу любой ценою!»
«Ну так помни, что сейчас сказала,
А теперь клянись мне страшной клятвой,
Что ни на суде и ни под пыткой,
Соломония, меня не выдашь».
«Я клянусь и крест на том целую!..»

«Ну так слушай. Царь Василий жаждал
Сына возыметь. Так в чём же дело?
Привезу я в монастырь младенца –
Мальчика – и подкуплю монахинь.
Объяви тогда, что родила ты,
Наконец, наследника престола,
Что была услышана молитва
И царю Господь дарует сына.
Снова станешь ты тогда царицей,
Царь забудет Глинскую Елену
И тебе отдаст он предпочтенье».
В келье вновь опальная царица,
То она вопит, то утихает,
То походит к белой колыбели,
Сына своего она ласкает.
«Кто ты и откуда ты, младенец,
Сын ли ты боярский иль крестьянский?
Что тебя, мой бедный, ожидает:
Почести ли царские, иль смертью
Грех мой тяжкий, страшный ты искупишь?»

* * *

Снова царь зовёт к себе Шигоню,
Говорит и взгляд его пылает:
«Ты скажи, боярин мой Шигоня,
Отчего ползут по царству слухи,
Что царица родила им сына?
С кем она младенца приблудила?
Он, поверь, не царский сын, подонок,
Может быть, от беглого монаха.
Я пошлю расследовать то дело
И виновных перст мой покарает.
Что молчишь?!» – «О государь, Василий,

Прикажи в колокола ударить,
С вестью разошли гонцов по царству,
Пусть ликует Русь, что есть наследник!»
«Нет, уж поздно, кто теперь поверит:
Царский сын родился у монашки...
Этак нам недалеко до смуты.
Да не ты ль, боярин, дал совет мне
Соломонию постричь в монашки,
Ты сослал её и в дальний Суздаль,
Отнял у меня мою царицу...
А теперь меня ты уверяешь,
Что она мне сына подарила?
Люди, эй, расследовать то дело
И немедля покарать виновных».

* * *

Вновь пытаются бедную царицу:
«С кем, ответь, младенца приبلудила?»
Но она под пыткой повторяет:
«Вы поверьте, смерды, сын он царский!»
У неё малютку вырывают
И палач дитя петлёю душил,
А приказ велют писать: «Был найден
Тот ребёнок мёртвым в колыбели»...
А была Сабурова – монашка,
Без ума уже, без покаянья;
Бредила она в своём безумьи,
Будто отпрыск тот – наследник царский.

* * *

Тихо всё в подвалах монастырских,
Только там на сене в полумраке

Боль свою затворница-царица
Горькими слезами заливает:
«Ах ты, светик, светик мой чудесный,
Я тебя ль, сыночек, не любила?
Гнёздышко тебе, мой птенчик, свила.
Песенку спою и покачаю, –
Спи, мой ненаглядный, баю-баю...»
Взор её вокруг безумно бродит,
Утешенья в мире не находит.

* * *

Пробирается в подвал Шигоня,
Пленницу безумную он видит:
«Соломония, я твой любимый –
Я любил, любил тебя всем сердцем,
Одного тебе желал я счастья,
Но судьба иначе рассудила.
Я пришёл к тебе и на прощанье
Вновь тебе я сына возвращаю.
Ты его люби, лелей, жалея,
Пусть тебе он будет утешеньем:
С сыном ты теперь не расставайся».
И боярин женщине безумной
Белый свёрток в руки опускает.
В свёртке том в свивальничке жемчужном,
В белом платье кукла почивает.
Ласково несчастная царица
К сердцу снова сына прижимает.
«Если любишь ты меня, боярин,
Схорони меня в могиле с сыном».

* * *

Видно, так сильны любовь и жалость,
Что они над смертью торжествуют.
Умерла несчастная царица.
Умерла безвестная черница.
Но её последнее желанье
Вспомнили и рядом с нею
В белый гробик куклу положили.

...Миновали годы. А недавно
Гробик раскопали, в нём лежала
Куколка в свивальничке жемчужном,
Словно дивный символ материнства,
Вечно торжествующий над смертью.

1973

Евпраксия

Посылают мудрые рязанцы
Фёдора во вражий стан Батыя:
«Отвезите в дар ему, посланцы,
И меха и клади золотые;

Пусть из наших кубков вместо крови
Брагу пьёт хмельную, супостат он.
Чтоб ушёл с рязанской он дороги, –
Дайте дани деспоту богатой».

«Ты прости, прости меня, княгиня,
Береги, лелей малютку-сына.
Не навек тебя, мой свет, покину, –
Не навек засиле вражьей силы».

Фёдор скачет сёлами, горами,
Весь в кострах пылает стан татарский,
И ведут уже послов с дарами
На поклон в шатёр Батыя царский.

Усмехнулся он, довольный данью,
И сказал, икая и картавя:
«Князь, жену красавицу отдай мне –
И Рязань в покое я оставлю».

Гневом сердце князя пламенеет,
Говорит Батыю он бесстрашно:
«Если ты в сраженьях одолеешь,
То и жён возьмёшь прекрасных наших.

Быть с тобою честной христианке
И княгине русской – мало чести».
Тут Батый взбесился, окаянный:
«Стража, зарубить его на месте!»

Князь убитый – пища хищным птицам,
Но слуга его находит тело
И спешит в Рязань, как ветер мчится,
Чтоб поведать людям злое дело.

А в Рязани по церквам молебны,
В кузницах куют мечи рязанцы.
Ждёт княгиня весточки целебной,
Ждёт посадский люд своих посланцев.

В златоверхом тереме в оконце
Смотрит вдаль Евпраксия с тоскою,
За гряды лесов уходит солнце, –
Только кто там скачет за рекою?

Ближе, ближе конь его вспотелый,
И к нему княгиня: «Молви, вестник,
Чьё принёс безжизненное тело?»
Подошла и рухнула на месте.

В тереме очнулась. Лишь лампы
Теплятся в окладах, да плачѣи
Скорбно причитают где-то рядом,
Да монашки с чётками на шее.

Со свечой княгиня восковою
В полутьме крадѣтся к телу князя,
И не слышит ни мольбы, ни вою,
И не видит ни бояр, ни нянек.

Кинулась на труп под образами,
Молится и плачет, как святая,
Водит неутешными глазами,
Сквозь рыданья скорбно причитая:

«Ах, свет-светлый, сокол мой небесный,
За меня ты пал от окаянных,
Принял смерть от ворогов бесчестных,
Пострадал за Русь ты, мой желанный!»

Топот ног, звериный крик и ржанье,
Дым и пламя в сини голубой.
Не на жизнь, а на смерть под Рязанью
Разгорелся бой, кровавый бой.

Ворвались в Рязань уже татары,
Головы у русских рубят с плеч,
В рабство – женщин,
на смерть – малых, старых,
И не знает жалости их меч.

Видит на валу Батый княгиню:
«Взять её, доставить мне живой.
Кто приказ нарушит, тот погибнет,
Тот своей ответит головой!»

Вот за нею – свора слуг усердных,
Жаждают голубиной чистоты.
Но она, дитя прижавши к сердцу,
Бросились на землю с высоты.

Вьются над развалинами дымы,
Ветер по полям разносит грусть;
Да, позору мёртвые не имут,
Но живая стонет, стонет Русь.

В заволжской стороне

Как тепло на желтеющих отмелях!
Душен зной над зелёными плёсами,
Волга вся в золотистых отсветах
Расплескалась, как искрами, вёслами.

Я иду то тропой, то долиною,
То всхожу на пригорки песчаные;
Слушать песни твои соловьиные
Так мне радостно и печально мне!

Звуки льются над тёмными борами,
Разливаются тихими звонами.
И под песню шагами нескорыми
Я иду в заволжскую сторону.

Вот деревня по-древнему строгая:
Окна все в расписных наличниках.
И не можешь, рукою не трогая,
Любоваться работой отличною.

Дух деревни. Так, видно, завещано.
В доме скромно, уютно и прибрано,
И прошу я у русской женщины,
Чтобы песню мне подарила бы.

На Руси повелось, видно, исстари:
Пели женщины в горе и в радости,
Колокольчиками голосистыми
Разливались над волжской прохладой.

Мне от песни на сердце так сладостно
Над просторами Волги безмерными.
О, Россия, Россия, мне радостно,
Что песня твоя бессмертная.

1973

Поэту Сергею Есенину

Есенин – весенний, но чаще – осенний,
Есенин – спокойные сельские сени,

Есенин – степенность рязанских раздолий
И жалобы женской неласковой доли.

Есенин – весны голубое цветенье,
И взлёты души, и порыв, и паденье,

И горечь разлуки, и радость веселья,
И грустная удаль степная – Есенин.

Есенин – сиянье лазоревых буден,
Спасенье в свободе, моление о чуде.

Есенин, как русская песня, нетленен,
Как сердце России, бессмертен Есенин!

1973

На Волге

(По местам Н. А. Некрасова)

Несутся тучи тёмные
Над серо-пенной Волгою,
Порывы ветра вольного
Вздымают волны сонные.
Здесь дышит грудь свободнее,
Здесь мысли вдаль уносятся,
Невольно взгляд спокойный мой
Следит за быстроходами.
Стою один над Волгою
Я в городище Диеве
(Село такое сонное
Есть на местах некрасовских).
Вокруг домишки низкие,
А окна – света мало в них:
Наверно, зимней стужею
Согнёшься в три погибели,
Чтоб небо разглядеть.
А кто же в этих теремах
С наличниками белыми,

В столетних избах диевских
Живёт да хлеб жуёт?
В дверях замки железные,
Болты, засовы медные –
Здесь люди запираются,
Но я стучу, стучу.
Куда бы ни приткнулся я,
Везде старушки дряхлые.
Внучата приезжают к ним
На летние каникулы.
Вхожу в избушку ветхую,
Прошу куму Кузьминичну,
Прошу сноху Ильиничну:
«Ты, бабка, песню спой!»
Они же отпираются,
К тому же и ломаются:
«Не будем, не проси,
Сперва ты, цветик, чарочку,
Пожалуй, поднеси!»
«Да полно, бабка рьяная,
Шальная и буяная –
Да разве в чистых помыслах
Ты сможешь песню спеть?
Коли перезабыла ты
Слова тех песен юности,
То винным испарением
Их больше не вернуть».
Уходит в небыль старое
И песни забываются.
А кто же, кто же вспомнит их
Лет этак через сто?
По Городищу Диеву
Иду-бреду печально я –
Передо мной над Волгою

Полуразбитый храм.
Проёмы окон мрачные,
Трава в карнизах выросла,
Давно, давно на звоннице
Уж нет колоколов...
Настилы покорёжены,
Полы давно поломаны,
Побиты и растасканы
Иконы драгоценные –
А кто их растаскал?
Татары здесь пограбили,
Враги ли басурманили?
Кто скажет-то теперь?
А храм ведь люди строили,
Ведь мастера народные,
И здесь под самой церковью
Родных своих поклбили,
Чтоб мирно было спать.
Я видел, как хоронят здесь:
Покойник работяга был,
Весь век трудился честно он,
А в землю как пришлось его
За храмом опускать,
То лишь плескалась Волга-мать,
Да ветерок пошаливал,
А нет, чтоб по усопшему
Хор грянул «Память вечную»,
Как пели в старину;
Хотя бы уж народную
Запели песню русскую,
А то стояли молча все,
Скорбели бессловесные
Под церковью разрушенной –
Какая людям честь...

Пошёл я в Аббакумцево,
Лежит там мать Некрасова:
Могила чисто убрана,
А рядом церковь белая.
Как видно, от забвения
Любовью сына к матери
Могила эта скромная
Чудесно спасена.
А по соседству школа тут,
Три класса в ней, детишек же
Не больше десяти.
Учительницу спрашиваю:
«Что ж так детишек мало-то?»
Она в ответ: «Откуда им
В деревне этой быть?
Деревни эти вымерли,
В ком сила, все разъехались,
Те в города, на фабрики,
А те на стройки дальние,
Остались старики.
Они в колхозе первые
Бессменные работники.
Они до смерти трудятся
У дома, да и на поле,
Да скучно жить порой:
Одних их здесь оставили,
А силы не прибавили».

С такою думой крепкою
Иду в деревню Рыбицы,
Вхожу в избу опрятную
И низко в пояс кланяюсь.
Сидит на лавке женщина
Седая вся, как лунь.

Рукою подперлась она,
Задумалась Васильевна,
А я её тихохонько
Мне песню спеть прошу.
Да вот не знал, мне совестно:
Пришлось недавно дочь свою
Ей, бедной, схоронить.
Но век свой пела женщина;
Соседок собрала,
Надела платье чистое,
На праздник нарядилась
И вдруг запела, горькая, –
Так надо петь уметь!
Про дымную лучинушку,
Про грустную рябинушку...
Я слушал песни русские
И думал: чудо чудное,
От горя не ломается,
От боли не сгибается,
Живёт душа народная,
Пока она поёт,
А песня та целящая,
А песня – настоящая,
Недаром этой песнею
Веками жил народ.

Иду я по Карабихе,
По комнатам Некрасова,
А сам я думаю думаю:
В те времена далёкие
На Волге люди слушали
Лишь стоны бурлаков.
Теперь пора счастливая,
Те стоны уж не слышатся.

А всё ж, когда мы радостью
Утешим стариков?
Когда придём на смену им?
Или деревни русские
Все вымереть должны,
А песни эти дивные
Уж будут не слышны?

1974

* * *

Отдай младенцу свет улыбки
И женщине любовь верни,
Твой дух – не шаткий и не зыбкий, –
Огню ты должен быть сродни.
Отдай свой кубок драгоценный –
Людскую жажду напои,
С улыбкой мудрой Авиценны
отдай врагам дары свои, –
Ведь всё вернётся, всё вернётся
К тебе обратною волной,
Когда любовь тебя коснётся
Души созвучною струной.
Так будь дыханья роз достоин,
Мечты – созвездья – впереди,
Сам будь садовник, сам будь воин
И смело за мечтой иди!

1974

Мадонна

В Пьяченце сумрак сизо-золотой,
И свеж вокруг, и ясен воздух чистый,
И колокол над сонной высотой
Зовёт, зовёт молящихся в Сан-Систо.

В соборе, как река времён, орган
И, словно слёзы, тающие свечи,
И в фимиаме, будто сквозь туман,
Видны в молитве согнутые плечи.

Глаза монахов ввысь устремлены
К Мадонне, ореолом озарённой,
И кажется: она из глубины
Плывёт к толпе, виденьем ослеплённой.

Она летит, летит на облаках,
Звучит Марии светлая осанна.
Не ангелы ль незримо на руках
Несут её из глубины туманной?

Любовь, сомненье, радость, робость, страх
И жалость, и надежда, и волненье,
И жертвенность, и боль в её глазах
Слились в одно единое мгновенье.

Да, нет святей любви, чем та любовь,
И нет на свете жертвы чище, выше, –
Так пусть всегда, пока струится кровь,
Твой лик, Мария, святостию дышит.

1975

Праздничное

О солнце радостного мига,
О волн прибрежных синева!
Спешит наряженная Рига
На светлый праздник торжества.

Людей потоки льются стройно,
И плещет музыка знамён.
Мне так светло и так спокойно:
Я в Ригу юную влюблён.

Куда бы я, в какие дали
Не уплывал, не улетал,
Твои цветы не увядали,
О встрече я всегда мечтал.

Меня в просторы поднебесья
Уносит древний шпиль Петра, –
Петух на нём, как провозвестник
Деяний мира и добра.

И люди смелыми руками
Его над пеплом вознесли,
И он летит над облаками,
Летит над брэнностью Земли.

Собор старинный Иоанна,
И в стенах двух монахов лик,
А в Домском в рокоте органа
Ты познаёшь, как Бах велик...

О, город юности милее
Других прекрасных городов!

Над Ригой свежий ветер веет,
А в сердце – музыка без слов.

1975

Наде Рушевой

Ой Ты, Наденька, Надя Рушева,
Ты плела словно вязи-кружева,
Несказанные грёзы Пушкина
Сердцем девичьим Ты подслушала.
Всё сверкает зеркальной тонкостью,
Всё звенит молодою звонкостью,
Всё, на что ни посмотришь, нравится:
Даже детская эта «кентаврица».

Хороша Ты, стихами пленённая,
В красоту не по-детски влюблённая.
Реют листья пушкинской осени,
Ты паришь в поэтической просини.
Ой Ты, Наденька, Надя Рушева,
Ой, зачем Твоя жизнь нарушена?
И от боли мне крикнуть хочется:
Ты сама – Маргарита, пророчица!..

1975

Расулу Гамзатову

Расул Гамзатов, лучший из поэтов, –
Где взял ты стих кристальной чистоты?
В родном ауле, в горных бликах света
Иль у ручья его подслушал Ты?
Я восхищаюсь мудростью младенца
И песней молодого старика.
Течёт для всех – для русского и немца –
Чистейшая поэзии река.
То грустно мне, а то в приливе смеха,
Как бешеный, катаюсь и верчусь.
Я испариться, как вино из меха,
И умереть от хохота боюсь.
Вот сила слов и мудрости, Гамзатов –
Их не купить нельзя и не продать.
Виват, стиха могучий триумфатор:
Свои дары ты можешь просто... дать!

1975

Баллада о настоящем человеке

Расулу Гамзатову

Жесто́ки тиски врага,
«Мессеры» в поднебесье,
А на земле – снега,
В снегу – Алексей Мересьев.

В сугробе мягка́ постель,
На ней бы уснуть навеки...
Метёт порошей метель,
И он открывает веки.

В глазах полыхает бой,
Распластано тело в паденьи.
«Смогу ли владеть собой?
Уйду ль от врагов, как тень, я?

Найду ли в пурге пути?
Увижу ль врага иль друга?
Удастся ль своих найти,
Уйти из палящего круга?

А сосны стонут вокруг,
Как женщины, стоя у гроба...
Не так-то легко, мой друг,
Встать из утробы сугроба.

Не просто смерть одолеть,
В жизнь упоённо веря,
И, когда подойдёт медведь,
Убить кровожадного зверя.

О как тяжело ползти не крича
От сверлящей боли солдату,
Омертвевшие ноги влача
По льдистым ложбинам и скатам!

И какая же сила влекла
Тебя по враждебным полесьям?
Не мать ли ту силу дала,
Чтоб подвиг свершил ты, Мересьев?

Как мог ты, безногий, опять
Отдаться военным заботам,
В ряды победителей стать
И взять штурвал самолёта?

Мересьев, Твой подвиг смел,
Как факел, в просторы манящий.
Ты смерть победить сумел,
Ты человек настоящий.

Твой подвиг в веках не умрёт,
Как песня о сказочной Трое.
Я верю: бессмертен народ,
Пока ещё живы герои!

1976

Любовь Низами

Я был в зелёных кущах Индостана,
Пересекал я Тигр и Евфрат...
Меня пленили горы Хайястана,
Евксинский понт и злачный Арарат.

Я шествовал по улицам Багдада,
Я женщин видел чудной красоты –
В их нежных взорах тонкая услада,
В их локонах запутались мечты.

Богатым этим женщинам и девам
Я песен вдохновенных не слагал,
И сладостным, пленительным напевом
Я красоте и роскоши не лгал.

Я Низами, я не моряк, не воин, –
Как все, живу страдая и любя,
Но счастлив я, что роком удостоен,
Афак, мой ангел, лицезреть тебя!

Душа моя наполнилась слезами,
Как кубок драгоценный, до краёв,
Когда в тот день печальными глазами
Взглянула ты на этот край без слов.

Ты родину, быть может, вспоминала –
Её моря, пустыни и леса,
Ты тяжкий плен безмолвно проклинала,
Ты слышала родные голоса.

Меня навек пленили эти косы,
Что обвивают стан твой до колен;
Сомненья жалят сердце мне, как осы –
Скажи, Афак, как ты попала в плен?

Я жалостью сражён. Возможно ль цепью
Сковать навек такую красоту?
Кто смелостью, кто мужественной крепью
Рассеет рабства боль и темноту?

Хозяину ты просто развлеченье,
Статья дохода, прихоть иль каприз.
Ты видишь бездну своего мученья,
Когда с высокой башни смотришь вниз...

В преддвериях гарема кто в страданьях
Тебя утешит? Кто тебя поймёт?
Кто сладкий дар любви и обладанья
Тебе, мой ангел, в жизни принесёт?

Молил я божество и провиденье,
Чтоб взгляд остановила ты на мне:
Всю жизнь я жаждал этого мгновенья,
Всю жизнь мечтал об этом в тишине.

Я золотые соберу крупицы,
Твой будет дом – персидская Ганджа,
Я выкуплю тебя, моя царица,
Я буду раб – ты будешь госпожа.

Клянусь – ты в пору соловьиных трелей
Свободной и счастливой станешь вновь;
Ты обретёшь язык моих газелей
И в них найдёшь великую любовь.

Я верю в счастье, верю в избавленье,
В грядущее моей родной земли –
Пусть разнесут ветра по поколениям:
Я твой Меджнун, а ты – моя Лейли!

1976

Чудо на Нерли

Величьем поражает Нотр Дам,
Собор Петра сияет в мире первый,
Но жажду я увидеть снова храм
Покрова Богоматери на Нерли.
Здесь князь Андрей, воитель боевой,
В лесах, болотах, по местам сорочьим,
На месте смерти сына своего
Храм этот повелел построить зодчим.
И вот он – белый, белый, словно снег,
В гармонии простого триединства.
Мне в каменной открылось тишине:
Он символ скорби, символ скорби чистой.
Он возведён, как светлый дар любви,
Как белый крин, не ведающий тленья
От рук людских, омоченных в крови,
И от сердец в раскаяньи, в забвеньи.

Неслышимый я слышу хор вдали,
Скорбящий на распутьи лихолетий –
И словно голоса родной земли
Взывают к нам из хаоса столетий.
Хотя на стенах грубая рука
Художником начертанное стёрла, –
Для русского несчётные века
Отрадой будет белый храм на Нерли.
Идёшь по травам, вольностью дыша,
Захлестнут, словно морем, синим небом –
И вдруг как будто чувствует душа,
Что жив ты в мире не единым хлебом.

1977

Умиравший раб
Микеланджело Буонарроти

Охвачено одним порывом тело,
Он изнурён, он бредит наяву,
И кажется, что мукам нет предела,
Но взор его взлетает в синеву.

И, оторвавшись от земной юдоли,
Проклятья жизни в сердце затая,
Он ждёт уже покоя, а не воли
В объятиях бессмертных бытия.

1977

На озере

Тихо, сонно, перезвонно
Волны плещут, словно ропщут,
Волны плещут монотонно,
Тихо, сонно, перезвонно.

Солнце тонкой полосой
В зыбких всплесках серебрится,
Заискрилось за косою
Солнце тонкой полосой.

Голубеют, зеленеют
Острова в дали озёрной,
Словно в томной лени млея,
Голубеют, зеленея.

Сердце просится на волю
В голубой простор озёрный,
Испытать бы эту долю –
Сердце просится на волю.

1977

Песня

Увы, отзвучала песня,
Словно из царства снов.
О чём была эта песня?
О чём эта песня без слов?

О сладких ли радостях рая
В созвездьях небесных миров?
О чём же была эта песня?
О чём эта песня без слов?

Была ль она стоном страданий
В долинах скорби и зла?
Откуда была эта песня?
О чём эта песня была?

И жизнь человека, как песня –
Пришла, отзвучала, прошла...
Откуда была эта песня?
О чём эта песня была?

И слава той жизни, той песне,
Что сердцу отраду несла!
Откуда была эта песня?
Куда эта песня звала?

1978

Гимн слову

Из ничего был создан мир,
И было слово первозданно,
Как смерч, как лава, как эфир,
И непонятно, и туманно.

Текли мильоны лет, века,
Рождались в пламени светила,
И чья-то мудрая рука
Их в рай зелёный превратила.

В эдеме том ручей журчал,
Порою там сирены пели,
Но слов – начала всех начал –
Произнести они не смели.

Казалось, небо сотряслось
И мир преобразился снова,
Когда из пепла родилось,
Как Феникс, огненное слово.

Звучала зычная гортань,
В груди рождаясь, слово пело:
О, человек, скорее встань
И обо мне поведай смело.

Неси меня во все края
Через моря, леса и воды,
Я правды лик, я судия,
Я зов любви, я клич свободы!

1978

В вагоне

В вагоне сонном полумрак,
По капле капает вода.
Мне головой кивает страх:
Откуда еду и куда?
Давно ли я вошёл в вагон
И как силён его разгон,
На полустанке ли я сел,
И долго ль мчаться мне во мгле,
И кто я, путник на земле,
Могу ли бег остановить
Иль должен голову сломя
Лететь неведомо куда?
Я не один: солдат, дымя,
Сквозь зубы сплюнул и молчит,
А поезд всех куда-то мчит...
А у окна сидит Толстой –
Две капли... – «Дедушка, постой,
Поди и ты ещё спешишь?» –
«Да мне уж близко, – говорит, –
А вот младенчик, видишь, спит,
Так он сойдёт передо мной,
А там и я, и ты, родной...»
Я от езды обезумёл,
Но верю: мудрый машинист, –
Он знает, как мне путь найти,
И где мне сесть, и где сойти.
Когда б не верил я ему,
То спрыгнул тотчас бы во тьму...

1978

Маме

Я обещал златые горы
И реки, полные вина...
Бежали годы, словно воры,
И чаша выпита до дна.

Но я за ласки и за негу
Ничем ответить не могу
И вновь к таинственному берегу
Далёкой юности бегу...

А Ты больная, Ты седая,
Ты, как иссохшая ветла...
Была когда-то молодая,
Вокруг красавицей слыла.

Меня сурово Ты растила
И пела песни лишь порой;
В грозу всегда с неженской силой
Стояла за меня горой.

Твои глаза – душе укоры,
Хоть ничего не просишь Ты.
Я обещал златые горы,
А шёл долиной нищеты.

Живу не вымысла игрою,
Но детства хочется мне вновь.
О если б, мама, всей душою
На миг постичь Твою любовь!

1978

* * *

Не забывайте стариков
Ни в день счастливого веселья,
Ни в горе, ни среди трудов,
Ни в лоне лени и безделья.

Не забывайте стариков –
Они все тяготы сносили,
Они не знали пышных слов
И о пощаде не просили.

Не забывайте стариков,
Детей терявших в те години,
Спешите к ним под мирный кров,
Лелейте чаще их седины.

Не забывайте стариков,
Своих корней не забывайте,
Тогда и вас, как их сынов,
Вас не забудут – это знайте!

1980

Чаша бытия

Тень женщины и робкий взгляд любви,
И детских глаз невинное смущенье,
И выращенный колос на нови,
И плеск знамён, и громкий гул сраженья, –
Вот чаша бытия, ты пей до дна,
Пей из неё, не зная утомленья,
И вечность будет и тебе дана!

1982

* * *

Я не за тех беспутных матерей, *
Я не за тех изысканно-холёных,
Холодных и порой самовлюблённых,
Что покидают в горести детей...

Я за других: они в бореньи дней
Всю жизнь, всю кровь, всё детям отдавали,
Хоть сыновья их часто предавали,
Но я горой за этих матерей.

О сын, остановись же у дверей,
Взгляни со всей серьёзностью мужчины
На руки мамы, на её морщины
И тёплой лаской сердце ей согрей.

Пройдёт метель, утихнет снеговой
Мы подойдем к заветной той берёзе...
И может быть, тогда мы вспомним слёзы
И огорченья наших матерей.

1983

Ольга

Перевозчица, перевозчица
На берегу Псковы, на крутом –
Разве знала Ты, разве ведала,
Что княгинею быть потом?

Возвращалась Ты с князем Игорем
Под шатёр в броне, со щитом,
Святослава-сына лелеяла
В поле ратном в седле, под копьём.

После гибели князя Игоря
Мести дань Ты сполна отдала
И с кириллицей, и с глаголицей
Веру новую приняла.

Скорбно маялась вдовьей долею,
Перед образом свечи жгла;
И постилась Ты, и молилась Ты,
Царством правила и жила.

А вокруг шумел стольный Киев-град
Над Днепром-рекой, а вдали
Святославово тело отроки
С чёрным парусом в корабле везли.

За курганами дымка стелется,
Предаёт земле сына мать.
Ольга думная, хитроумная,
Кто поднимет вновь в поле рать?

Но Владимиру – внуку милому
Ольга душу всю отдала,
И прославилась Ольга мудростью,
Дивным светочем всей Руси была.

1983

* * *

Тем, кто меня не раз продавал,
Тем я прощал и всё забывал;
Тем, кто меня, как Иуда предал,
Тем я прощал и всё забывал;

Над Ловатью

Над Ловатью прозрачно даль ясна,
Туман вечерний скрыть её не может, –
Так пусть же вечно эта тишина
Царит вокруг и горестей не множит.

Да, здесь прошла жестокая война,
Ещё о ней живут воспоминанья,
Но пусть скорей забудется она
В жестокой, горькой памяти сознанья!

А завтра снова золотой покос,
И снова запах ароматный сена.
Мне почему-то радостно до слёз:
Здесь мирен труд, земля благословенна.

Над Ловатью-рекой царит покой,
Мне этот Старорусский край не тесен.
Друзья мои, всем сердцем и душой
Хочу я слушать звуки русских песен!

1985

У Остробрамской Богоматери

Со мною детские предания,
Воспоминаний бледный блик,
Органа гулкие рыдания
И Остробрамский скорбный лик...

Оставив все дела поспешные,
С надеждой тайной глаз и лиц,
Здесь все – блаженные и грешные –
Перед Марией пали ниц.

Никто приходом не неволится,
Скупы здесь жесты и слова,
Но сердце слёзно, сладко молится
И слышит тайну Божества.

Здесь каждый нерв из плена просится,
Как солнца жаждущий цветок;
К Тебе душа моя возносится
И видит светлый Твой чертог!

И вот не стон, а ликование
Уже волнует грудь мою.
Я все невзгоды, все страдания
За миг блаженства отдаю.

Сочельник

Я вижу, Спасе, Твой чертог сияющий,
Лампад мерцающих волшебный круг.
«Придите, бедные, придите, званые, –
Христос рождается», – поют вокруг.

А за оградой буран вздымается,
И под сугробами поют поля:
«Внимай, Вселенная, и жди спасения.
Христос рождается, ликуй, Земля!»

А лики древние глядят таинственно,
И хор торжественно поёт в тиши.
Как много радости, как много благодати
И утешения здесь для души!

Старушка дряхлая свечу затеплила,
И слёзы прячутся в глубинах глаз,
И плачет женщина о тех, кто в немощах
И в заточении погиб за нас.

За сына, павшего в войну кровавую,
За муки горькие всех матерей,
Кто в час страдания и испытания
Рукой сочувственной целил людей.

За храмы русские бесколокольные,
В руинах, стёртые с лица земли...
О, Боже, Господи, в час покаяния
Нам милосердие Ты ниспосли!

Я вижу, Спасе, Твой чертог сияющий –
«Христос рождается», – поют кругом.
И вновь, как в юности, душа смиряется
И наполняется святым огнём!

1987

1812 год

Живительны памяти нашей колодцы...
Пожары Москвы, заревые снега;
К победам ведущие нас полководцы,
Знамёна, трофеи, могилы врага;

Тяжёлые пушки, обозы, солдаты,
Потерь никому сосчитать не дано,
Но скоро прогоним своих супостатов,
И им не забудется БОРОДИНО!

Пусть гибелью чёрной страшат Россию,
И смертью грозят ей иные мужи, –
Победу принёс нам в те дни боевые
Рязанский, смоленский и псковский мужик.

Так вечною памятью павших героев
Пусть славится грозный Двенадцатый год!
Тебе пантеон незабвенный построим,
Шагнувший в бессмертье великий народ!

08.09.1987

Память

Стоя на высоком берегу,
Спросил я Солнце: что ты можешь?
Сказало Солнце: всё могу!

Стоя на пологом берегу
Спросил я Море: что ты можешь?
Сказало Море: всё могу!

Я спрашиваю Землю: что ты можешь?
И молвила Земля: я всё могу!

Но ни Земля, ни Солнце и ни Море
Мне прошлое вернуть не в силах никогда:
Оно течёт и утекает как вода
И поглощает Радости и Горе, –
И только память мне былое возвращает,
И лишь она и судит, и прощает!

1987

Сила искусства

«Прости, небесное созданье» –
Пел чудно Герман в тишине.
Поверил я в его страданья,
Легко и грустно стало мне...

И я не видел эполета,
Не видел юного лица,
Но голос был из царства света,
Он лился, вился без конца.

Не для обмана иль каприза
Он силу страсти в песню влил.
И тут поверил я, что Лизу
Любовью чистой он любил.

Порою пламенное чувство
Нас поднимает в высоту,
И верим в силу мы искусства,
В любовь, добро и красоту!

1987

Масленица

По гостям пошли,
Каравай мы нашли,
Чуток маслица
Да из пряслица,
Да сметанки горшок,
Да сольцы пушок.
Ты, хозяйка, не лукавь,
Сковородку ставь.

Вот гляди, сынок,
Что за вкусный блинок.
Всю я ночь не спала,
Да блинков напекла,
А блинков – гора.

Съешь блинок, сестра,
Ты, подружка, съешь,
Ты меня распотешь!
Съешь блинок, милый мой,
Со селёдкой
И запей, дорогой,
Рюмкой водочки,
А потом закуси
И опять попроси.
Ты на пальцы подуи
И меня поцелуй!

На горе крутой
Коробок пустой,
Сани сахарные.
В саях тёща сидит
Стопудовая,
С ней на пару свекровь
Разбедовая.
Взяли сыра кусок,
Взяли масла брусок,
Едут к зятеньке,
Едут к сватеньке.
Колокольцы звенят,
Кони дружно храпят –
Сами с лентами,
С позументами.

Ой ты, масленица,
Лизоблудница!
А вокруг гуляет
Распутица.
На горах катаемся
Блинами объедаемся.
Ой, родные отцы,
Горячи блинцы
Со сметанкою!
На столах стопцы,
Дрожат холодцы,
Пиво пьют молодцы
Все лоханкою.
Ой ты, масленица,
Полизуха! –
Коли не было б тебя,
Было б сухо!

Я на масленке плясала,
В пляске юбку потеряла.
У купцов я попросила,
Купцы юбку не дают.
Морячков я попросила, –
Тоже юбку не дают.
Я милóго попросила,
Милый юбку мне вернул
И два раза мне моргнул.

Ах ты, масленица,
Ты обманщица:
Обманула, провела,
Нагуляться не дала!
А у нас лебёдки
Белые, касатые,

Молодые, хохлатые:
А и первая лебёдушка –
Свет-Татьяночка,
А вторая-то лебёдушка –
Маргариточка.
Они спать не спят,
Блины в масле варят.
А мы жуём, всё жуём,
Да им славу поём.
Нас масленица ублажила,
Да на долгий пост посадила.

1988

Сергею Есенину

Я в стране берёзового ситца,
Где прохладой дышат озера...
Я спешу душою причаститься
К памяти ожившего лица.

О, зачем ушёл Ты из Рязани,
Из густых Солотчинских лесов?
Злые думы душу б не терзали,
Словно злая свора лютых псов.

Там к Тебе среди степных раздолий
Не пришёл бы Чёрный человек;
Был бы Ты достоин лучшей доли
И продлил бы свой короткий век.

Мать перед иконой бы молилась,
Пела б песни, сына берегла,
И тогда бы ранняя могила
В холод свой Тебя не унесла...

Разве мог Ты разлюбить те сёла
В глубине сиреневых садов
И оставить песен гул весёлый
Ради шума пыльных городов?

Почему петля сломала шею,
Почему застыла в жилах кровь?
Пред загробной тайною немея,
Отзвенела песня и любовь.

Видно, всё же сердце заболело,
Что уходит та былая Русь...
Жаль, оно весельем не сумело
Одолеть убийственную грусть.

Иль Тебя убила злая сила –
Заглушила звонкий голос Твой –
Та, что обескровила Россию,
Страшный суд свершила над Тобой?

1970-1989

Радуница

*И часто я в вечерней мгле
Под звон надломленной осоки
Молюсь дымящейся Земле
О невозвратных и далёких.*

С. Есенин, 1915 г.

Горестная Радуница –
Горя не избыть;
Звонов не наслушаться,
Мёртвых не забыть...

Свечи тихо теплятся,
Стонет хор вдали,
И летят молитвенно
Вздохи от Земли.

Плачут вдовы, матери
О мужьях, сынах –
Ведь они являются
Часто им во снах.

Дремлют в белых саванах,
В огненном бою;
Жизнь родные отдали
За страну свою.

Льётся память вечная
Об усопших всех –
Пусть любой простится им
Самый малый грех.

Пусть они покоятся
В Царствии Небес,
Возгласят им Ангелы
Всем «Христос Воскрес!»

Радостная Радуница –
Несказанный свет!
Верит сердце русское,
Верит: смерти нет!

Светится лампадами
Храм – Любви чертог;
Не страшимся горя мы,
Яко с нами Бог!

Смотрит на молящихся
Строгим ликом Спас –
Радостная Радуница,
Светом будь для нас!

О мозаике Е. Е. Климова «Троица» *

И снова Псков. Я в Троицкий собор
По лестнице крутой всхожу устало;
Иконостас, бодрящий душу хор, –
И вдруг усталости моей не стало.

В соборе сонм мерцающих свечей,
И свет лампад над ракой Тимофея.
И вновь среди молящихся людей
Стою я, перед «Троицей» немея.

На ликах Ангелов небесный свет, –
Ни жёмчуга, ни золота убранства...
В чём истина? И я ищу ответ,
И забываю время и пространство...

Животворя рублёвские черты,
Художник нам запечатлел их нежность:
Слетели Ангелы с небесной высоты
И принесли нам святости безбрежность.

И снова, как полтыщи лет назад,
Сквозь кровь и смерть, и путы злодеянья
Три Ангела с надеждою в глазах
Россию призывают к покаянью.

1990

Надежда

Мой голос слаб, не слышно за версту,
Мой голос легче, чем тончайший волос.
Всю жизнь мою я славил красоту, –
И Ты пришёл на мой негромкий голос.

Кумирам я похвал не расточал,
На зло смотрел открытыми глазами,
На площадях от боли не кричал,
Но плакал незаметными слезами.

Россию оковал мертвящий лёд,
Заглохло звонов гулкое веселье;
Убитые воскресли, и народ
Встаёт от сна, от горького похмелья.

И мы идём в наш Гефсиманский сад –
Нас чаша смерти да минует, Отче!
Но Ты, как миллионы лет назад,
Ты устрояешь всё, великий Зодчий.

Россию Ты поднимешь с ложа сна,
Ты гимны возродишь любви напевной,
И вот уж к нам спешит, спешит весна,
И оживают мёртвые деревни.

И верю я: народ не умер, нет!
И не погиб он смертью позорной, –
Лишь грянет колокол и весь увидит свет
Дары трудов и мыслей плодотворных.

Тогда настанут Мир и Тишина,
В любви народы обретут спасенье.
Мой милый друг, Надежда нам дана
На эту чудотворность Воскресенья!

1990

Художнику Е. Е. Климову

Нашёл Ты в жизни радужные краски.
Ты красоту в свои полотна влил, –
В них столько теплоты и столько ласки!
Учитель, нас Ты Красоте учил.

1990

Торквато Тассо

На площадь римляне
Идут со всех сторон,
Как будто повелел
Им Цезарь иль Нерон.

Вот поднят паланкин
Могучею рукою
И мёртвый уж поплыл
Над шумною толпою...

И всколыхнулась вдруг
Вся буйная орава:
Торквато – наш поэт,
Торквато – глория, слава!

Неведомы его
Страданья для невежд,
Но все коснуться лишь
Хотят его одежд.

И в Капитолий
Вносят мёртвого Торквато,
И, усадив на трон,
Кадят ему прелаты...

На голову кладут –
Но не венец терновый,
Как прежде, на Христа, –
Кладут венец лавровый.

Но страшен мёртвый лик,
Глядит из мёртвой сени –

И падает толпа
От страха на колени.

Умолкли звуки лир,
Терцин и мадригалов,
И жёг немой укор
Сердца тех древних галлов...

Вот на Руси судьба
Поэтов такова,
Что горько на губах
Рождаются слова:

При жизни их никто
Порой не замечает,
А после смерти их
И лаврами венчают!

1990

Диалог баронессы фон Мекк с композитором П. И. Чайковским

Надежда Филаретовна

Бесценный друг мой, Пётр Ильич, примите
Горячий мой привет и поздравленье
На Новый год. Прошу, меня поймите:
Я нахожусь в отчаяньи, в смущеньи –
Двенадцать лет... и ни единой встречи,
А в письмах столько нежности, доверья...
Несчастный рок мой горечью отмечен,
Писать не в силах и больна теперь я,

Но в Вашей музыке божественной, поверьте,
Я нахожу спасение от смерти!

Пётр Ильич

По Вас я, милый друг мой, стосковался,
Живу во Флоровском, в своём уединеньи, –
Здесь черпаю покой и вдохновенье.
Быть ближе к Вам душою я старался,
Да чувствую невольню отчужденье.
Но помню я, тогда, какое счастье
Я испытал от Вашего участия.
Тому уж десять лет, но Ваши строки
На сердце наложили след глубокий:
Вы руку дружбы нежно протянули,
Вы предложили дружбу бескорыстно,
Вы жизнь и вдохновенье мне вернули.

Надежда Филаретовна

О, милый друг мой, Ваши сочиненья
Меня в восторг пленительный приводят
И отклики в душе такой находят,
Что я весь мир порою забываю;
И вот тогда приходит сожаленье,
Что Вашей музыки не слышу на концерте,
Что чувствую тогда дыханье смерти.

Пётр Ильич

Надежда Филаретовна, я знаю,
Как одиночество гнетёт, я понимаю..
И только лишь работой избавляю
Себя от этой ноющей тоски.

Пишу балет. Мне образы близки,
Я музыку пишу со всем стараньем.
Как хорошо в деревне ранней ранью,
И как прелестна русская весна –
Она так радостна и так прекрасна!
И юностью душа напоена,
И с жизнью вновь моя душа согласна!
Я жизнь люблю, я ненавижу смерть;
А жизнь моя – есть музыка, мой друг,
Прислушайтесь: она звучит вокруг,
В порывах ветра, и в зелёных парках,
В журчании ручья, и в шорохе листвы,
В моём Клину, и в этом старом доме,
В грозе ночной, и в молнии, и в громе!
Мой милый друг, мне утешенья нет,
Что Вы в театр не можете поехать на балет!
Написан он с охотой, с теплотою,
С любовью и предельной простотою!
Да, двадцать пятого апреля мне полвека –
Не верится! Решил я не тревожить
Вас письмами, пока, быть может,
Оправитесь, – но вот пишу я снова
И к дружбе сердце вновь моё готово!

Надежда Филаретовна

Как тяжело мне, мой друг, – перенесла
Я страшную болезнь, от рук которой
Исхода нет, она мне принесла
Все муки ада, горькие страданья.
Казалось мне, что я сойду с ума...
Простите, Пётр Ильич, что докучаю,
Не ведая, что говорю сама.

Но вы, бесценный, нежный друг, живите,
На благо людям музыку творите
И вспоминайте баронессу Мекк,
Ту женщину, что в свой нелёгкий век
Любила Вас всем сердцем, как могла,
И в вечность с этой тайною ушла...

Пётр Ильич

Надежда Филаретовна, поверьте,
Я смерть клянусь, стою я против смерти, –
Я не забуду Вас и клятвой стариковской
Клянусь: не долгие краткие часы разлуки –
Я горячо целую Ваши руки,
Прощайте, добрый друг –
Ваш Пётр Чайковский.

1990

Библейский гимн невесте

(из «Песни песней» царя Соломона)

О, как прекрасна, как ты прекрасна
И лучезарна ты, как гроза.
И, словно звёзды, ночные звёзды,
Свет излучают твои глаза.

Меня пленяет волос сплетенье,
Их ароматный густой каскад;
Они упали на мрамор-плечи
И ярко блещут, как водопад.

И как кораллы, как сок граната,
Как розы, алы твои уста.
Они как соты и слаще мёда,
В них упоенье и красота.

Чудны ланиты твои, невеста,
И в ожерельях твоя рука,
Как звоны цитры твои подвески,
Твоя одежда, как сон, легка.

О, как я жажду любви и ласки,
Заворожённый в твоём плену,
И только вижу, и только знаю
На белом свете тебя одну!

О, как любезны твои мне взоры:
Я обожаю тебя один –
Твои мне речи, о, милый Ангел,
Всех лучше в мире сладчайших вин.

Друзья, спасите и погасите
Пожар любовный в моей крови, –
Чтоб я не умер от ожидания,
Живым бы встретил мой час любви!

О, положи ты, моё блаженство,
Печаль на сердце своё взамен,
Любовь всевластна, сильнее смерти,
И не страшится она измен.

И это пламень от Бога данный;
Водой не смоешь поток огня.
Так кто же силой, рукою дерзкой
Любовь посмеет взять у меня?

1990

Молитва Пресвятому Младенцу

*«Свете тихий души моей...»
М. Цветаева*

В эту ночь со звездой Вифлиемской
Мы пришли из далёкой земли:
К Твоим яслям от скорби вселенской
Мы молитву Тебе принесли.

Дай терпения нам, покаянья,
Всемогущую волю яви,
Чтоб исчезли вокруг злодеянья,
Чтоб не падали люди в крови...

Дай увидеть Твой лик лучезарный,
Дай услышать Твой ангельский хор,
Да постигнем Твой рай легендарный
И небесных светил разговор!

По пустыням, по дебрям бесследным
К детским яслям Твоим мы пришли, –
Так яви всепрощенье нам, бедным,
И свою благодать ниспошли!

12.01.1991

Баррикады в Риге

Светятся кострами в Риге баррикады;
Оградить от рабства вековых пут,
Латышей и русских смелые отряды
Хрупкую Свободу защитить идут.

Ведь счастье – это дар небесный, чудо,
Особая гармония души,
Возвышенная музыка восторга,
И ей дано звучать, не умереть;
И пусть её из сердца не исторгнут
Ни горести, ни беды и ни смерть...
Такого счастья я Тебе желаю,
О милая, без горести, без бед:
Будь счастлива – свою любовь вручаю
Тебе ещё на много, много лет!

1992

Ярмарки на масленицу

Ярмарки везучие помню с детских пор –
И возы скрипучие, и цыганский хор;
Щётки, скрипки с дудками, хохот, грохот, звон;
С шуточками жуткими смех со всех сторон.

Продавцы настырные покупать зовут,
Бродят люди мирные и к прилавкам льнут.
Стойки все завалены расписным добром.
Эй, купите валенки, кепочку с пером!

Ходит доверительно с шапкою медведь,
И кидают зрители мишке в шапку медь.
Вон пельмени варятся – белы и жирны,
На жаровнях жарятся жаркие блины.

«Гей, сюда, молодушки, масла я налью,
Вот ещё селёdochка, – я за грош даю!»
Старцы вот незрячие жалостно поют;
Клоуны бродячие отвлекают люд.

Широкая, раздольная

Ах, масленица чудная!
Одна ты на Руси!
Для сердца лучше праздника
Её и не проси!

Знавали предки крепкие
Задолго до Петра,
Что это – древнерусская
Затейная игра.

Начало – встреча Масленки,
А заигрыш – второй денёк,
А в среду – любо-лакомка,
А после – четверток.

Вечёрки тёщи – пятница,
Суббота же – золовкин день;
Прощёно воскресенье –
И пояс туже вдень.

Блин первый – на окошечко –
Покойных не забудь,
И матушку, и батюшку
За ласку помянуть.

А блин второй на полюшко
Кидали за труды,
Чтоб летом тёплым, солнечным
Земля несла плоды.

Мальчишки на лошадушках
В руках блины несут,
Всё скачут по соседушкам
И песенку поют:

«Прощай, зима сопливая,
Кати от нас по льду,
Приди, весна прекрасная,
И я пахать пойду!»

А с горок сани катятся,
И говор, и смешки;
Мальчишки строят снежные
Повсюду городки.

А в избах стары бабушки
До жару топят печь;
Ах, масленица жаркая,
Мила твоя мне речь!

С бубенчиками звонкими
Кати в тесовый дом:
В блинах мы поваляемся
И брагою запьем.

Мы с горок покатаемся,
Дадим коням овса.
Ой, масленица красная,
Ой, русая коса!

Приди душой потешиться
В моём простом дому,
Попей медочку сладкого,
Тебя я обниму!

А ряженные детушки
Котом, ослом, козлом
Вопят, ревут, мяукают
С мешками под окном.

И пляшут, как безумные,
По избам до утра,
И просят у хозяйшечек
Съедобного добра.

А на полянах яркие
Трещат, горят костры,
И водят хороводы там
До утренней поры.

Соломенное чучело
Под песни, хохот жгут,
И лето, лето красное
Скорей придти зовут.

Веселье с песнетворами –
Счастливый карнавал
И бедняка последнего
В Руси не миновал!

Плясали дети малые
И старые деды;
Князья, бояре, нищие
До утренней звезды.

Петрушки балаганные
Смешили весь народ.
Так Масленица чудная
Велась из рода в род!

1993

Георгию Победоносцу посвящается

Скачет Георгий на белом коне,
Блещет восход на могучей броне;

Мимо болота, вздымаясь к лесам,
Скачет к таинственным голосам:

Зычно сквозь шорох осоки глухой
Змея разносится зов боевой.

Чудище, в кольцах свиваясь, ползёт,
Светлого всадника к битве зовёт:

«Долго, Георгий, тебя я ищу,
Впиться зубами в тебя я хочу:

Надо попробовать крови твоей –
Ну, богатырь, выступай же смелей!

Адские силы, скорее ко мне, –
Вас призываю в дыму и в огне!»

Серу из пасти тот Змей изрыгал,
Пламенем жгучим леса поджигал.

Воина меч светоносный сверкнул,
Грозно Георгий на Змея взглянул:

«Адские молнии мне не страшны,
Небом мне райские силы даны!»

Чудо-Георгий на горы скакнул,
Змея мечом светоносным рубнул,

Словно собаку, к седлу привязал
И побеждённому Змею сказал:

«Чтобы людей не опутывать злом,
Будешь сидеть у меня за седлом!»

Победоносцы и в нашей земле
Сеют добро и сияют во мгле.

Славою их ореол окружён
В древних сказаньях и в ликах икон.

Русский народ, словно стойкий гранит,
Память о подвиге их сохранит!

Русской земле, о Георгий, сияй,
Зла и невежества тьму побеждай!

Пусть прославляет родные края
Светлая песня, Георгий, Твоя!

Молитва о России

Господи, храни Россию и помилуй нас!
Будь Ты ей небесной силой в самый горький час!

Наши души Ты очисти от греха и зла,
Дай нам делать для России добрые дела!

Дай Ты юным поколениям счастья и любви
И на подвиг жизни трудной их благослови!

Мудрым старцам дай покоя и войди в их дом,
Наши житницы наполни золотым зерном!

Всех грядущих в мир тревожный светом просвети!
Господи, храни Россию на её пути!

1993

Из Евангелия от Иоанна

«Я Путь и Истина и Жизнь» –
Мне слышен зов Твой непреложный.
Ты путь мне верный укажи
И просвети меня, о Боже!

По дебрям жизни я бреду,
Борьбой и болью истомлённый,
И утешенье обрету
Перед Распятием склонённый.

И дай мне Истину постичь
В Пути, указанном Тобою,
Чтоб светоч Жизни мне найти
В борьбе с коварною судьбою.

1993

Лик Мадонны

Мне нравится волшебный сердолик,
В нём грезится мне тайны обаянье, –
Творец запечатлел своё создание –
Святой Мадонны благолепный лик.

Так из кристально-ясной чистоты
Рождается порою вдохновенье;
И сердце славит каждое творенье
И тает от любви и красоты.

1994

Моя вера

Когда вокруг холодный свет
На нас взирает нелюдимо,
И теплоты, и мира нет,
И зло вокруг непроходимо,
Когда Надежда и Любовь –
Как нищенки на бездорожье,
Когда младенцев льётся кровь,
Царит безверье и безбожье, –
Я обращаю скорбный взор
В страну обителей небесных.
О Боже, до каких же пор
Тебе щадить убийц безвестных,
Грабителей, рабов страстей,
Кровавых палачей бесчестных?
Когда услышишь плач детей
И жертв в страданьях бессловесных?..

А мне – молитва и друзья,
А мне – Любовь одна отрада,
И большего не жажду я,
Мне больше ничего не надо!
Спасибо вам – вы мой оплот,
Вы – как маяк на грозном море,
Вы – как спасенья мощный плот,
Друзья мои в беде и горе!
Я вас за всё благодарю,
Пока живу и буду петь я, –
Я вам свою Любовь дарю,
Желая счастья в многолетье!
Я верю, что Любовь пройдёт
По нашей маленькой Планете,
Что в жизни друга друг найдёт
И будет вечный мир на свете!

1994

Молитва матери

Сквозь боль и мрак летя в надзвездье рая,
На Землю я вернуться не хотел;
Меня к себе манила жизнь иная,
И я, бесплотный, к небесам летел.

Моя душа, казалось, гимны пела,
Стряхнув с себя земную тяжесть уз,
А там внизу моё лежало тело,
Как будто никому не нужный груз.

Но надо мной в палате мать молилась,
Склонив ко мне с надеждою глаза;
В тот страшный миг из глаз её скатилась
Ко мне на грудь горячая слеза.

Как молнией весь путь мой озарило,
И жалостью наполнилась душа,
Забилось сердце, мысль заговорила,
И я шептал, шептал, едва дыша:

«А как же Ты останешься, родная,
Как на ветру дрожащая свеча?
Без ласки и без помощи, больная,
Не чувствуя сыновнего плеча?»

В наш век безверья, ненависти, горя,
Твоя молитва, мать, – святой залог:
Она спасёт в огне и бездне моря,
Когда Тебя услышит Бог!

1994

Завет единства

Мир атомов, как улей пчёл, роится,
Из груды камня строится собор,
Из мудрых слов поэзия рождается,
Слияньем звуков создаётся хор.

Согласье двух – и снова жизнь резвится,
Текут ручьи и реки в океан;
В природе всё к созвучию стремится:
Из века нам закон единства дан.

И мы должны понять его значение:
Он воплощён не в злобе, не в крови,
Он как закон всемирный тяготенья,
Подвластен лишь одной, одной любви.

Велик завет духовного единства,
Он без предела времени, границ,
Он как священный подвиг материнства,
Он всех приемлет без различья лиц!

1995

Храму Христа Спасителя

Прошли безверья годы те,
Но стонут раны роковые...
Ты, как разбойник на кресте,
Покайся, грешная Россия!

Пусть даже нищий и больной,
В преддверье Вечности стоящий,
Оставит дар последний свой
На этот Храм Животворящий!

На этот дивный Храм Христа
Направят все народы взоры, –
Тогда исчезнет нищета,
Иссякнут брани и раздоры.

Копейкой строилась Москва,
А Русь алкала очищенья;
И, если совесть в ней жива,
Господь дарует ей прощенье!

1995

В церкви

В бликах солнца светлый Храм,
В нимбах праздничные лики;
Ввысь парящий фимиам –
Скрытой тайны смысл великий.

В куполах чуть слышный звон,
У святых икон лампы;
Память вечная, как стон –
Боль и скорбь, и сень отрады.

Здесь – как щит над нами Спас.
Тщеты суетные битвы;
На кресте Его за нас
Вознесённые молитвы.

Тихий Храм. Молящий взор.
Преклонённые колени.
Псалмопевный стройный хор –
Сердцу слаще нет мгновений!

Сладость проповедных слов,
Исповедь и причащенье,
Для души надёжный кров –
Покаянье и прощенье.

1995

* * *

Чудесные слова сказал Христос для нас,
Что у Отца обителей небесных много.
И вот я всей душой взываю в этот час
И милости одной прошу у Бога:

– О, Господи, Ты благ, Ты чудо сотвори,
Хоть все мы далеки от совершенства:
Усопшей душу Ты прими и водвори
В обитель райскую для вечного блаженства!

1996

* * *

По П. А. Вяземскому

Любить. Молиться. Петь,
В восторге с песней слиться
И без любви не сметь
На грешный мир явиться,
И в каждый миг успеть
Любить, молиться, петь
И с песней возродиться...

1996

Дух, душа и тело

Душа сказала телу: «Ты смирись,
Не начинай несбыточное дело!»
Но Дух сказал душе: «Приободришь
И вдохнови слабеющее тело,
Ещё покоя время не пришло,
Душа моя, от лени очнись
И соверши, что тело не успело!»

1996

Художникам

Художники, скажите, почему
Вы пишете одни пейзажи,
А то порой и красок кутерьму,
И линии бессмысленные даже?
Быть может, для туристов и продажи?
Но этого я, право, не пойму!

Конечно, есть у вас жильё и дом,
А там растут и всё взрослеют дети;
Но вот проблема: как своим трудом
Пригреть их, накормить их и согреть их?
А может быть, забыв о всём на свете,
Решили вы идти своим путём:

Лишь воспевать природы красоту
И рисовать лишь тени наслажденья?
Оставить прозу жизни, суету,
Уйти от мира – ваше убежденье,
И с мастерством писать произведенья,
Невозмутимо стоя на посту?

А были ведь у нас и Корин, и Крамской,
И Суриков, и Репин, и Васильев!
Я знаю, что в юдоли их земной
Они не упивались изобильем...
Не Бог ли дал им для полёта крылья,
Кто им сказал: «Грядите вслед за мной»?

А что сейчас, забыв про красоту,
Писали б молодые Левитаны?
Не плёсы золотые, не мечту,
А горечь жизни: кровь, страданья, раны,
И мать, от Бога ждущую охраны,
И бедную у храма сироту...

Таков удел художника: писать
Униженных судьбой и оскорблённых
И души милосердьем потрясать
Людей преуспевающе-влюблённых,
Страстями наслаждений истомлённых,
Лишь только ближе к горю бы не стать!

1996

А. С. Пушкину

Из горных ущелий, из недр каменистых
По капле пробился на землю родник;
Течёт он и плещет по склонам лесистым,
И плеск его слышен, и внятен язык.

О чистый источник, ты в зной утоляешь
Младенца и старца кристальной струёй;
Ты скорби на сердце, ты боль исцеляешь,
Ты мудрость даруешь незримой рукой!

Таков ты, наш Пушкин, поэзии сладость,
Сияние солнца, струя родника;
Ты старости мудрость, ты юности радость,
Ты Богом России был дан на века!

1996

Рождество

О этот свет, о радость Рождества!
Что в этом мире может быть прекрасней?
Нам всем открылась тайна Божества
В простом величьи этих бедных яслей!

И Ангелы, взлетая в высоту,
Свою хвалу торжественно пропели, –
Хвалу новорождённому Христу,
Лежащему в уютной колыбели.

Звучит вверху, как гимн, небесный хор:
Мир на Земле, сердцам благоволение.
Чьё сердце не смягчится с этих пор?
Кто посягнёт на ложь и преступление?

Вокруг витают радостные сны,
Минуя скорбь, отчаянье, печали –
Мы светом Рождества озарены
И смело смотрим в будущие дали!

1996

Час молитвы

Час мученья, час сомненья,
Час паденья на пути,
Униженья, оскорбленья, –
Всё пойми и всё прости.

Всё, что ты зовёшь судьбою,
Всё, как дым, исчезнет с глаз,
Но останется с тобою
Лишь святой молитвы час!

1997

Что делать?

Вернуться к благоденствию одних,
Чтобы сгноить и истребить иных?
Твердить о братстве и свободе всех людей
И подло лгать о равенстве идей?

Вернуться в лоно ложных демократов?
Попасть опять в ловушку бюрократов?
Воров и террористов пережить
Иль на кофейной гуще ворожить?

Для этого в аптеке нет рецепта,
Но бедняку нужна спасенья лепта –
Вернуть в сердца предвечные законы,
Путь истины и милости искать;

Не колебать насильно наши троны,
Но жажды Возрождения алкать,
Учить детей на благо, без гордыни, –
Они грядущего столетия твердыни;

Не льститься на минутное обилье,
Но обрести духовных взлётов крылья, –
Нам юное грядёт на смену поколение,
Оно поверит в Божье откровение.

Тогда и все народы к нам придут
И мир у нас и дружбу обретут,
Минуют страхи атомной угрозы,
И матери навек осушат слёзы!

06.06.1997

Кто виноват

Кто виноват в Российской нищете?
Она не со щитом, а на щите.
Одни твердят: во всём виновен Бог,
Ведь это он Россию не сберёт!
Другие говорят: виновен царь, –
Вот если б был как Грозный он, как встарь...
А может тот, лежащий в мавзолее,
Что верил бородатому еврею?
А может те, капиталисты, фрицы,
Что слали нам убийц из заграницы?
Быть может, эти, из мальтийской масти,
Что помышляют о всемирной власти?
А может быть, и тот грузин с усами,
Мы в идолы его избрали сами?!
Не те ли в кожанке и с пистолетом,
Что забивали гвозди в эполеты?
Иль те, что, как скотов, людей грузили,
В тайгу на смерть, в Гулаги увозили?
И кто ж поверит, что ни царь, ни Бог
Виновным в нашем горе быть не мог,

Что сами мы от веры отступили
И чашу смерти горькую испили;
Поверили посулам сатаны,
Что властвовать всем миром мы должны,
Дубиной в рай народы загонять
И истины, и жалобы не знать!
Но ныне – Возрожденья светлый час,
И он вину и грех снимает с нас!

06.06.1997

Помогите женщине!

Помогите девочке, горькой горемыке,
Сироте бездомной, бедной помогите!
Облегчите душу ей словом добрым, ласковым,
Приютите девочку, дайте ей пристанище;
Без отца, без матери доля не проста.
Помогите девочке – кто и сколько можете,
Помогите девочке – ради Христа!

Помогите девушке на распутье ветреном,
Чтоб не поддалась она на посулы щёголей,
Модников, обманщиков, жуликов, преступников,
Помогите девушке добрыми советами,
Чтоб всегда была она, как слеза, чиста.
Поведите в храм её, свечи ей затеплите.
Помогите девушке – ради Христа!

Помогите матери, подаянья жаждущей
С плачущим младенцем в немощных руках.
У дверей церковных в непогодь стоящей, –
Помогите матери, верно, неспроста
Плача, молит помощи у входящих женщина.

Не пройдите холодно мимо просьбы жалобной –
Помогите матери – ради Христа!

Помогите старице, на одре лежащей,
Страждущей, болящей телом и душой,
Горько, одиноко ей без опоры в старости.
Кто поможет немощной? Люди милосердные,
Кто возьмёт сочувственно часть её креста?
Кто согреет сердце ей тёплой заботой?
Помогите старице – ради Христа!

1997

Усопшим

Как жить нам без родного человека
И горько знать: его на свете нет...
Но в утешенье нам дано от века –
Господнего бессмертия обет!

Всю жизнь мы чаем, плотью умирая,
Подняться в царство света к небесам:
Найти приют в блаженных сферах рая,
Чтоб ангельские слышать голоса!

Дай Бог усопшим стать бессмертным Духом
И слиться с Вседержителем в одно –
И что не видит глаз, не слышит ухо,
Пусть будет им как Божий дар дано!

1997

Три креста

Однажды чёрной ночью мне
Явились три креста во сне.

И первым был огромный крест,
Каких не видел я окрест.

Второй – поменьше крест, простой,
Покрытый краскою густой.

А третий – низок был и мал,
Ничем он глаз не привлекал.

Мне должно было без пути
На гору тяжкий крест нести.

И вот со скорбною душой
Я взял на плечи крест большой...

И я на Бога возроптал:
Зачем Ты тяжкий крест мне дал?

Ведь я, беспомощный Твой раб,
Бессилен, худ и духом слаб!

И кто-то молвил с высоты:
Возьми поменьше ношу ты!

И выбрал я тот малый крест,
Чтоб донести до горних мест...

Но я его лишь приподнял
И на колени вдруг упал.

И с горечью открылось мне:
Он тяжелее был вдвойне!

И с тайным ужасом в глазах
Проснулся я и весь в слезах

Воскликнул: Боже, в эти дни
Меня спаси и сохрани!

Один Ты в мире можешь знать,
Какой мне крест по силам дать!

Молитва Пресвятой Богородице

О, Утоли моя печали,
И скорби сердца утоли;
И под конец, как и вначале
Ты лаской душу исцели!

Ты всех болящих, Всеблагая,
И всех, кто изнемог в пути,
И кто живёт изнемогая,
Ты милосердно посети!

Моли Христа, чтоб в час страданья
Наш мир, в пороках и крови,
Пришёл к престолу покаянья,
На путь божественной любви!

1997

Христос в Гефсиманском саду

Он молился в саду Гефсиманском
От земных треволнений вдали,
И обильные чистые слёзы
По лицу Его тихо текли.

Он предвидел своё Распятье,
У Креста стоящую Мать
И людей легковерных и грешных,
За которых Ему пострадать...

И взывал Он: «Отец мой Небесный,
Да минует мя чаша сия!
Но если на смерть обречён я, –
Да будет воля Твоя!»

Далёкие звёзды сияли,
И сад весь прохладой дышал,
И Ангел, ниспосланный с неба,
Молитвой Его утешал.

В тени цветущего сада
Дремали ученики,
Они, как дети, не знали
Ни бед, ни предсмертной тоски.

А там, за Иудой с огнями
Спешила предателей рать;
Он шёл, чтоб коварным лобзаньем
Христа на распятье предать.

Но Тот, подавляя тревогу,
Покорствуя тяжкой судьбе,
Молился Всевышнему Богу
«О Господи, слава Тебе!»

1997

Три Чаши

*Памяти проф. В. И. Синайского и проф. Е. Е. Климова **

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

В. А. Жуковский, 1821 г.

Три чаши бессмертия людям даны:
Одна – это радость весенняя – дети,
Когда они в мире, в любви возвращены
И будут нести эту чашу на свете,
И смогут из чаши бессмертия пить,
И страждущих братьев своих напоить!

Другая же чаша – людские дела,
Рождённые благом небесного чувства
В бессмертных
и вечных твореньях искусства,
Носители света, противники зла:
В прелюдиях Баха, в поэзии Данте,
В полотнах Да-Винчи,
в рисунках Рембрандта,
В Сикстинской Мадонне,
в твореньях Шекспира
Их доля бессмертия в памяти мира.

Последняя чаша – бессмертие духа –
Оно непостижно для глаза и слуха,
Но нам обещанье в завете дано:
Его не измерить ни весом, ни мерой,

Оно нам даётся заветом Христа,
Оно возвышается пламенной верой, –
А всё остальное на время дано, –
И в нём лишь и Истина и Красота!
А ложная пышность – сует суета.

19.02.1998

Антиреквием

Листая книгу дней минувших,
В воспоминаниях живу,
И всех, в забвении уснувших,
Я вижу, словно наяву.

Не осуждаю их деянья,
Да буду также не судим;
Перед Тобою с покаяньем
Стою я, Господи, один.

Иду в небесную обитель
С молитвой страждущей души.
Ко мне, мой верный Утешитель,
Ты в час страданья поспеши!

Да не звучит в долине смерти
Мой – брэнной плоти – реквиём;
И да услышу, Тихий Свете,
Хор Ангелов: «Тебе поем!»

* * *

Если бы мог я к земле прильнуть,
Выпить в кринице воды живой,
Тридцать растроченных лет вернуть,
Стать молодым, не с седой бородой...

Прожил бы я обновлённый срок
Так, чтобы мир не забыл меня.
Я бы для этого сил не берёг,
Жил бы, себя не щадя, не храня.

Взял бы я нежности у ветерка,
Взял бы у солнца частицу тепла,
Плавности мне дала бы река,
Гнева мне буря б ночная дала.

Взял бы у матери скорбь с лица,
Взял бы я смеха в родном краю,
Всё бы я людям вернул до конца,
Сердце вложил бы я в песню мою!

* * *

Не плачьте обо мне, кругом так много горя, –
Ведь гибнет род людской от адского огня.
А я в своём челне проплыл над бездной моря,
И верю – в свой чертог Господь возьмёт меня.

Я вечный ваш должник, друзья, жена и дети, –
Но остаются вам и неба синева,
И остаются ласковые эти
Моей любви прощальные слова...

1998

*Близким и родным
(из посвящений)*

*Стихи мои! Мгновенья озарений,
Мечты о яркой солнечной весне;
То горечь неразгаданных прозрений,
То радость, вдруг повеявшая мне!*

* * *

*Юрию Глаголеву **

Так, двадцать лет Тебе, мой друг сердечный,
Ты возмужал, возрос, как Голиаф –
И как Давид то строгий, то беспечный
Про Суламифь поёшь, тимпаны взяв.

Руке Твоей становятся покорны
Аккорды, хоры, струны, голоса,
И грудь певцов вздымаешь Ты, как горны,
И звуки песен рвутся в небеса...

Ты роешься, мой книжник, в партитурах,
Ища созвучий новых и простых.
О как я рад, что, мой дружище хмурый,
На джазе не погиб бесследно Ты!

Так пусть с Тобою будет многолетье, –
Трудись, борись с Россией на щите!
Клянусь сегодня беды все стерпеть я –
И Ты клянись напевной красоте!

14.10.1946

* * *

*В. Ф. Г. **

Всё претерпела Ты в мире страдания,
Знала лишь свет материнской любви;
Кроткой лампадой в часы испытания
В памяти нашей Ты вечно живи.

1958

* * *

Юрию Глаголеву

Мой верный друг, поверь мне, что судьба –
Вопрос ещё не вскрытого конверта...
Пусть вдохновят тебя Чайковский, Бах, –
И грянь аккордом первого концерта!

* * *

И. А. Мирской

Гортензий белые цветы
В тот день осенний помнишь ты?
Дожди упрямо шли и шли,
Потом уплыли журавли...
Но наслажденье нам несли
Гортензий нежные цветы.

Пусть иней серебрит виски,
Но нам зимой не знать тоски, –
Ведь оживут опять весной
Гортензий свежие цветы.
Ты год от года мне родней,
Я не боюсь больших путей.
Наш символ счастья и мечты –
Гортензий юные цветы.

1960

Credo, absurdum est...

И. А. Мирской

Клянусь, я поверил сердцем, что Ты
Небом самим соткана из огня,
Что Ты – как светильник красоты,
Что Ты – мой гений, что любишь меня;
Что Ты – совершенства плоть и кровь,
Что музыка Ты, и весна, и любовь;
Что чашу страданий Ты выпьешь до дна,
Что Ты для меня одного создана,
Что Ты понесёшь мой нелёгкий крест...
Но кем эта вера мне свыше дана?
Credo, absurdum est.

1960

За песнями России

*Посвящается А. М. Новиковой **

Несли ли над нивами ливни косые,
Снега ли клубились, вставала ли мгла, –
Ты поступью смело шла по России,
По торным путям – от села до села.

В аккордах волны, и в речных перегибах,
И в голосе ветра над ширью степной
Ты слышала сладость родимых мотивов
И песен неспетых восторг неземной.

К Тебе они мчались то радостным всплеском,
То душу тоскливою жалобой жгли...
И Ты к ним рвалась по густым перелескам, –
Ведь песни Тебя, словно дети, влекли.

Всю жизнь торопилась, ждала вдохновений
И юная шла Ты на их голоса;
Искала певцов затаённых селений
В Воронежских, Тульских, Калужских лесах.

С годами Твой образ украсила проседь –
Вздохнуть бы усталую грудью пора,
Но сердце всё песен, как в юности просит,
И снова Ты рвёшься в свой песенный край...

Так пусть останятся ливни косые
И солнце воспрянет в дали голубой.
Иди же, как прежде, за песней России,
А мы, молодые, пойдём за тобой!

1964

* * *

*Е. С. А. **

Нам всем, живущим жизнью тленной,
От часа смерти не уйти.
Прими же с горстью этой бренной
Моё последнее «прости»!

Ты в муках тлела и мерцала,
Как одинокая свеча,
В страданиях долго ожидала
Ты смерти тайного ключа...

Тебя мы забывали часто
И, равнодушные к Тебе,
Мы были слишком безучастны
К Твоей страдальческой судьбе.

Теперь – Твой час упокоенья,
Забыв свой плен, душа вольна.
Она летит, не зная тленья,
Как до рождения, юна.

1966

* * *

Юрию Глаголеву

Мой славный друг, уже не медли,
Уже не медли, милый друг, –
Свеча пылает за обедней,
Вино играет на пиру.

И льётся песня на ветру,
На солнышке резвятся дети
И затевают вновь игру;
Живут и гибнут люди в Лете,
И женщины нам открывают рай, –
Мой милый друг, уже не медли
И круг свершить не опоздай.
Не бесконечны годы эти
И нужно рай и ад пройти,
А у тебя ведь всё на свете
Ещё в мечтах и впереди.

1970

* * *

Сыну Сергею

Двадцать лет забот и увлечений,
Двадцать лет до поздней ночи свет,
Треволнений, лёгких огорчений
И улыбок светлых двадцать лет...

Двадцать лет бессонниц и тревоги,
Веером раскрытые года;
Двадцать лет – счастливые дороги
Солнца, размышлений и труда.

Двадцать лет – как тройка удалая,
И метель, и грозы на пути...
Я Тебе, мой милый сын, желаю
В двадцать лет свой верный путь найти!

1972

* * *

*Гале и Юре Глаголевым **

Пусть, как звезда, горит очаг,
И пусть не гаснет, не мерцает, –
Любовь тогда лишь горяча,
Когда не тлеет, а пылает.

И, раздувая горн любви,
Храните вы её от бури.
Пусть сам Господь благословит
Над Вами год своей лазури!

30.12.1975

Ко дню свадьбы друзей

Чего вам пожелать, друзья,
В счастливый день соединенья?
Сегодня вам желаю я,
Чтоб вам светило вдохновенье,
Чтоб цвёл бы этот мирный дом,
Как полная амброзии чаша;
Чтоб в сердце, вечно молодом,
Любовь с годами крепла ваша;
Чтоб вы к вершинам духа шли,
Чтоб к вам стучали чаще в двери,
Чтоб вам стихи свои несли
Петрарка, Данте Алигьери,
Гомер, Вергилий и Мильтон,
Шекспир, Гораций, Шиллер, Гёте,
Чтобы звучали здесь потом
Симфонии и «Zauberflöte».

Чтоб Пушкин жить вам помогал,
Чтоб пел вам «Славься, славься...» Глинка
И чтоб Чайковский здесь звучал
От сердца к сердцу как новинка.
Чтобы Рахманинов запел
Здесь величаво-простодушно,
И чтоб никто уйти не смел
От этих звуков равнодушно.
За ваших будущих детей
Я поднимаю тост искристый,
За шум их радостных затей,
За флейты голосов их чистых;
И чтоб за дружеским столом,
Алея, нас встречала зорька,
И чтоб кричали мы потом:
Жених, невеста, горько, горько!

1975

* * *

*А. М. Н. **

Пылай, светильник, ярко, вдохновенно,
Страницы прошлой жизни озаряй,
Рождай сплетенья мысли сокровенной
И сердце уноси в чудесный край.

При пламени свечи роятся ярче
События и лица прежних дней;
В дрожащем свете сердце бьётся жарче,
И тайны мироздания ясней...

В глазах мелькают тихие деревни,
Бегут, бегут суровые пути.
Что русской песни может быть напевней,
И где мудрей пословицы найти?

Какое счастье в звонком мире песен
Весь век свой жить и молодеть душой,
И осознать, как ярко, интересен
Весь этот мир, прекрасный и большой.

И, ничего не требуя от жизни,
Весь век в заботах ежедневных дел
Все помыслы свои отдать Отчизне, –
Вот мужества и доблести удел.

Пылай, светильник, ярко и беспечно
И пусть не меркнет твой чудесный свет.
Жизнь коротка, только искусство вечно,
И для любви и славы смерти нет.

1975

* * *

*Ю. Лишину **

Дайте младенцу звуков,
Пенящихся восторгом, –
Пусть пальцы его прикоснутся
К скрипкам и валторнам,
Пусть он слышит уже в колыбели
Песенные диапазоны,
Пусть ему сказки расскажут
Колумбы и Робинзоны!

Дайте ребёнку звуков
Самого синего моря,
Где скачет по клавишам-струнам
Храбрый воин-Егорий.
Руладу песни несите,
Не расплескав ни крупинки, –

Пусть ребёнок услышит
Ласковые смешинки,
Пусть, не знающий горя,
Сквозь полусон очнётся
И тихому голосу мамы
Радостно улыбнётся.

Дайте юноше звуков
Музыки звёзд во вселенной,
Тесно ему на планете,
И дома он полон лени.
Ему только голос любимой –
Как тайный призыв пророка,
А суета земная –
Бескрылая лишь морока.
Ему – только песня Сольвейг,
Зовущая в дальние страны,
А сам он с песнею смелой
Свои поведёт караваны.

О дайте звуков мужчине,
О дайте раздумий органа, –
Он здесь на земле остаётся,
Ему уходить ещё рано.
Он мужества полные звуки
С алмазами правды сверяет,
Он мудрому откровенью
Сердце своё вверяет.

Дайте музыки старцу,
Весёлых и радостных звуков, –
Ему бриллианты песен
Нужны для детей и внуков.

Счастлив, кто слушает песню,
Стократ счастливей поющий,
Когда он людей окрыляет
Музыкой всемогущей.

1977

Слушая «Годы странствий» Ференца Листа

Юрию Лишину в день рождения

Спасибо, Лишин, мой дружище
За то, что обитаешь тут.
Блаженны те, кто духом нищи,
Они бессмертье обретут.

Ты не портрет в пустой оправе,
Ты не виденье в пустоте;
Гордись, что служишь Ты не славе,
А лишь добру и красоте.

В прохладной зале всё молчало,
Но только за рояль Ты сел,
И всё запело, зазвучало, –
Не дух ли Телля* в зал влетел?

Вспорхнули звуков вереницы,
И я увидел наяву –
Над горной цепью взвились птицы
И долго плыли в синеву.

Вот в скалах мрачная капелла,
Где упокоен Телля прах,
Но дух свободы реет смело,
Пылая пламенно в сердцах.

А вот игриво, шаловливо
Ручей прозрачный зажурчал;
Кого жара здесь истомила,
Тот страстно жажду утолял.

Из предвечернего тумана
Роятся дивные мечты.
Стою в долине Обермана,*
И звуки льются с высоты.

И я в незримом упоеньи
На горы дальние гляжу
И за борьбою светотени,
Как зачарованный, слежу.

Как хорошо на горных склонах
Услышать песни пастухов,
По тропам сочным и зелёным
Спешить под их счастливый кров!

Увидеть горные громады,
Покров лугов, небес простор,
И в блеске солнца водопады,
И слышать грохот гулких гор;

А утром рано, что за чудо –
Женевских звон колоколов.
Куда иду я и откуда?
Ни скорбных помыслов, ни слов.

Прямой дорогой иль над бездной,
Мы в ночь пойдём иль в ранний час,
Но этот колокол железный
Всех позовёт однажды нас.

Не зря манят родные дали –
Там всё прекрасней, всё милей.
В день гнева, скорби и печали
Там всё же будет нам теплей.

Вот путь в Италию, к Милану,
От солнца знойного – в собор.
Поёт пресветлую осанну
В органных всплесках стройный хор!

О, Рафаэлева Мадонна! –
На муки Ты обречена,
И чаша скорби, слёз бездонна
И сладкой горечи полна...

Здесь все находят утешенье,
Кто знал беду, кто сам страдал,
И кто в порыве сокрушенья
Частицу сердца ей отдал.

Воспойте Данту славу, струны,
Он тайны ада отгадал
И Беатриче облик юный
Он для бессмертья воссоздал.

Звучат, как колокол, сонеты
О первой девственной любви;
Плывут в Элизию поэты, –
О Муза, их благослови!

Торквато Тассо и Петрарка
И целый сонм иных имён...
Их жизнь текла светло и ярко,
И фантастично, словно сон.

Да будет дух Лауры вечный
Для смертных, как источник, чист!
Так в «Годах странствий»
нам сердечно
Сказал великий Ференц Лист!

25.12.1977

Посвящение Н. и И. Бородиным *

ко дню серебряной свадьбы

Мы ищем в мире счастья и блаженства,
Но лишь растает солнце на стекле,
Как снова блёкло тень несовершенства
Пройдёт усталым шагом по земле.

Куда ни глянь, во всех концах планеты,
Как на пожаре, всё раскалено,
На всём лежат тревожные приметы,
И тишины народам не дано.

А Старец-время все меняет стёжки,
И не смыкает красно-сонных век;
То рушит царства, как сметает крошки,
А то ломает бег могучих рек.

Я знаю вас давно. И не случайно,
Что вам ключи от счастья даны,
Но всё гадаю, в чём же ваша тайна, –
Шепните мне, друзья – Бородины!

Как вы сумели чашу изобилья
Пить четверть века, не увидев дна?

Какая сила вам давала крылья,
И как любовь вам принесла весна?

Вы видели когда-нибудь на свете
Семью счастливых, мудрых и простых?
А если не пришлось, тогда заметьте:
Ведь это же семья Бородиных!

В их имени сиянье русской славы,
В нём музыкаю бредит старина.
Там словно Игорь мчится в бой кровавый,
И в блеске зорь сияет тишина...

Столы блестят и яства холодеют,
И вина стынут, золотясь в стекле;
Бородиным я здравиц не жалею –
Вам в мире жить на радостной Земле!

В пути и дома, в трудовых свершеньях
Пускай вас Бог десницей укрепит,
Во всех делах подаст вам поспешенья
И милостью своей благословит!

Сегодня выше чару поднимаю
И светлый тост провозглашаю я:
Любви и счастья искренне желаю
И многих лет вам, милые друзья!

1979

Двум Нинам *

Скажу вам, братцы, до поры:
Живут на свете две сестры,
Две обаятельные Нины –
Справляют вместе именины.

На свете им приятно жить,
Жить-поживать и не тужить.
Одна из них Бородина:
Всегда возвышенно-стройна,

То величаво-вдохновенна,
То остроумна несомненно.
Другая Нина Могилан –
Как капитан из дальних стран.

Она собой не высока,
Зато находчива, крепка,
Всегда умна и симпатична,
И хороша, и эстетична.

Так вот у этих самых Нин,
У каждой, есть наследник сын.
Их каждая скребёт и моет
(Пускай сынуля громко ноет),
И одевает, и поит!

Порою гладит против шёрстки,
Порой берётся за напёрстки,
По-русски правила долбит,
То географию столбит.

То «инглиша» предмет тяжёлый
Зубрит всю ноченьку для школы,
И с просвещением наравне
Живут две Нины, как во сне.

Что Вам дарить? Какой гостинец?
Мой лёгкий стих для именинниц
Пусть будет, как зимой цветок
Иль как шампанского глоток...

Ах, Нины, Нины, будьте здоровы,
И как всегда юны и бравы.

1980

Дань острословию и улыбке

Куплеты в духе Беранже – Курочкина

Когда вхожу я в магазины,
А в них и пусто и темно,
Стою я, глупо рот разинув, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Когда в поганые квартиры,
Где обитать нам суждено,
Проводят новые сортиры –
Мне не смешно, мне не смешно!

На рынке чёрные торгуют,
Три шкуры драть разрешено.
А государство в ус не дует, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Когда весь день сижу в собрании
И слышу снова всё одно,
Я вижу головы бараньи, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Когда студент мне отвечает
И вижу я, что он бревно,
Наверно, он не замечает –
Мне не смешно, мне не смешно!

Когда в театре вижу пьесу,
Где муж бросается в окно,
Я в кресле сплю без интересу, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Когда я с лестницы спускаюсь,
А на дворе черным-черно,
Я нос расквасить опасуюсь, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Я пса веду, мрачнее тучи,
Углы он нюхает умно.
А чёрный кот как замяучит, –
Мне не смешно, мне не смешно.

В газету просьбу я клепаю, –
Зачем же мне перо дано, –
Я воду лишь сливать желаю, –
Мне не смешно, мне не смешно.

У нас собачки-забиячки
В день свадьбы торту съели дно,
Потом сожрали всё, без драчки, –
Мне не смешно, мне не смешно!

Будь я важнецким генералом,
Купил бы я «пежо», «рено»...
Полезней ездить пешедралом, –
Мне не смешно, мне не смешно!

В России свежий ветер веет,
Пропали водка и вино,
Мужик час от часу трезвеет, –
Мне не смешно, мне не смешно.

Одну лишь кнопку недотёпа
Нажмёт – и мы пойдём на дно,
И пропадёт тогда Европа, –
Мне не смешно, мне не смешно!

* * *

*Виктору Клевецкому **

Хоть Муза редко посещает
Мой скромный дом на старость лет
И рифмами не угощает,
Но всё ж я кой-какой поэт,
И не писать мне невозможно,
И промолчать порой безбожно:
Возьму ли рондо иль сонет –
Уж это, право, мой секрет.

Но изменённая октава –
Вот плод свободного ума.
Нет преступления состава,
За это не грозит тюрьма:
Пиши октавой или терцей,
Но пусть побольше будет перца;

Рассудит Муза уж сама,
Что здесь – стихи иль кутерьма.

Нам даты лет уж не исправить,
Перевалило за полста, –
Позволь же мне Тебя поздравить.
Но юбилейная черта
Пусть будет только символична,
Пусть Муза радостная лично
Тебя похвалит неспроста
И расцелует во уста.

А был Ты, Витенька, счастливец
И, как дитя, забот не знал,
Ты пил бульон, и чашку сливец
Со вкусом поутру глотал;
Тебя мамуля не томила,
А на убой тебя кормила,
И Ты, как Зевс и как Тантал,
Премудрым звездочётом стал.

Забыв вседневные предметы,
Взглянул на небо в телескоп –
И стал за хвост ловить кометы.
Ты сможешь предрекать потоп,
Светил небесных столкновенья,
Чуму, пожары, наводненья,
Мудрить над жизнью, как Эзоп
Иль острословить, словно сноб.

И, не заботясь о карьере,
Ты, словно мудрый Галилей,
В своей квартире, как в пещере
Живёшь, ну право, веселей,

Чем паладины или шахи,
Что остаются без рубахи.
А Ты, как Лев, как Водолей –
Иль как на воле воробей.

Ты не Алёхин, и не Портиш:
За пёстрой шахматной доской
Ты нервов играми не портишь;
И не орёшь Ты день-деньской
На заседаниях с дураками,
И не грозишь им кулаками.
Дай Бог, чтоб справил, словно Ной,
Ты юбилей столетний свой!

24.11.1980

* * *

*Г. Н. Смирнову **

Будь я Франциск, король французский,
Ковёр в Брюсселе б заказал,
А то и, как раджа индусский,
Тебе б построил Тадж-Махал,
Невольниц дал для развлечения,
Тебя жезлом бы увенчал;
Вручил бы, право, без сомненья
Тебе сокровища Ключни;
Старинных мастеров творенья;
Принёс бы в дар я гобелен
И дивный рог слоновой кости;
Сто арапчат я взял бы в плен;
Портрет бы я принёс в подарок –
Как Карл Великий восседал
Ты б на коне под римской аркой;

Принёс бы меч, как сарацин,
Но лучший дар, поверь дружище –
Всего лишь несколько терцин.
Как реликварий обуюнный,
Ты береги мой скромный стих!
Порой фаянса блеск туманный
Иль древний мастера триптих
Обманет золотом сусальным,
А стих, в пыли лежащий, тих.
Но лишь найдёшь его случайно,
Прочтёшь – и снова вспомнишь Ты
И нашу юность, и мечты...

1980

На смерть А. И. Шершунова *

Лёгкой жизни не моли у Бога
И покорно тяжкий крест неси;
Если ж неизбежность у порога,
Ты хоть лёгкой смерти попроси.

Добрый друг покойный, испытанья
Тяжкие лежат в Твоих руках.
Не прощай, а только до свиданья,
До свидания в иных веках.

Пусть пока вокруг гудят метели,
Память вечную Тебе поют,
За Тебя молились, как умели,
Чтоб нашёл в раю Ты свой приют.

1981

Другу Ю. Глаголеву

в лето от сотворения мира 7489 (1981)

Пусть музыка Твоя высекает
Огонь из сердец людей!
Пусть ангелы от неё засмеются,
И пусть заплачет злодей...

Пусть льются божественные звуки, –
Нам Богом музыка дана!
И счастье, и радости, и муки, –
Всё возвышает она!

А Тебе уважение и слава,
Быть может, в веке ином.
Так крепче держись, мой Глаголев,
И всегда оставайся Львом!

Милому другу Лишину

*ко дню рождения
в канун Нового 1982 года*

Ублажи меня мелодией Шопена,
Власть Тебе над звуками дана.
В мире всё как дым, как пар, как пена, –
Лишь всесильна музыка одна.

Услади меня аккордами ноктюрна,
Чтоб внимал я звукам, как Толстой!
Пусть Шопен звучит и радостно, и бурно
И пленяет песнею простой!

Не играй мне траурного марша,
Лишин, – друг, ещё нам жить с Тобой,
И ещё не спета песня наша,
И ещё не кончен спор с судьбой...

Вот Тебе, пожалуй, пожеланье:
Ты на ленту запиши игру,
Чтобы внуки слышали звучанье
Струн Твоих на радостном пиру.

1981

На юбилей Л. М. Черфас *

*преподавателя античной литературы
ЛГУ им. П. Стучки*

Стих Ты наш скромный прими,
о многомудрая Лия!
Будем Твой слух услаждать
гекзамером сладостных слов.
Тебя чародейственный маг
принёс к нам на землю с Олимпа,
Чтоб Ты просвещала наш ум
сказаньями древних богов.

Дивно рожденье Твоё:
знаем – Ты дочь Прометея,
Ты научилась сердца жечь благородным огнём;
Со Шлиманом Твою открыть
была Твоя тоже затея, –
Мне б на минуту побыть
умным Троянским конём!

Пусть Тебе счастье дадут
Вергилий, Овидий, Гораций,
Пусть Тебе силы дадут Цезарь, Ахилл и Титан!
Пусть наслаждение дадут
ответы на сессии граций,
Пусть Тебе отдых дадут Кафедра, Зам и Декан.

Прежде венчали героев
праздничным лавром и лентой,
Мы же в Твой день торжества
дарим наш скромный венец.
Будь же Ты юной всегда
на радость доцентам, студентам, –
Лия, Ты наш образец, Лия – большой молодец!

24.09.1981

* * *

К пятнадцатилетию сына Андрея

Прекрасное всегда даётся нам трудом,
И счастье создается работой.
Послушай, сын, меня: трудись, учись до пота,
И полной чашею Твой будет мирный дом!

19.10.1982

* * *

*Юре Глаголеву от чистого сердца
со щепоткой перца*

Глаголик мой, глагольный,
Глаголющий глагол –
Глаголющий глаголет
И глаг его не гол!

Глаголом разглагольно
Глаголюще глаголь!
Глагольцы не глаголят
И безглагольна голь!

Безглаго-неглагольны,
Мы изглаголились;
Безгласно-безглагольно
Глаголы не лились...

Глаголь, глагол глагольный,
Глаголь – не глаголей;
Глаголь на безглагольных
Глаголею своей!

Глаголь же Ты глагольно,
Ведь Ты Глагол и Лев,
И будь всегда глаголен,
Глаголец – Глаголёв!

08.10.1982

* * *

*На добрую память
Юрию Лишину*

Люблю я звуки серебрястых струн
И пение шопеновской сонаты,
Широкие аккорды, как бурун,
И за роялем профиль Твой крылатый –
Надежда музыки! – созвучьями объятый...
Гармония, подвластная руке,
Есть в мире в звонком птичьем хоре,
Она гремит органом в бурном море,
Звучит она вблизи и вдалеке.
Гармония, – пускай она царит
И властвует над чуткими сердцами
И мир, и наслаждение дарит.

Мы музыку Твою с восторгом слышим,
О менестрель, о наш волшебник, Лишин!
Ликуют клавиши, под пальцами звеня,
Они поют и радуют меня.
Дела проходят – музыка бессмертна,
Её мы жаждем – лейся вновь и вновь:
Цели нам сердце, пой нам про любовь!

06.05.1983

* * *

*К юбилею Людочки Розен **

Со славным юбилеем, милый друг!
Тебе букет стихов я посвящаю.
Я по цветку собрал его не вдруг,
И вот его сложить я обещаю.

Растерянные рифмы я возьму,
Чтобы воспеть стихами Люду Розен –
Ведь не под силу дару моему
О Люде рассказать смиренной прозой.

Ты ласкова, добра и хороша,
И как всегда проста и остроумна,
А в горестях упорна и разумна, –
Ты в радостях – компании душа.

Ты дружбы перл сумела сохранить,
И, лаской мамы сердце согревая,
Смогла Ты в этом мире мудро жить,
Себя любви и долгу отдавая.

Живи ж, заботой сердце не губя
И жизни день и час благословляя.
И помни, как мы любим все Тебя,
Как счастья и добра Тебе желаем!

17.06.1983

* * *

На юбилей милой мамочки
*В. Ф. Бергман **

Ты всех теряла, всё теряла,
Ты сердцем лишь одним жила,
Ты людям силы отдавала
И ничего Ты не брала...

В степях Казахских Ты мужала,
Где стыла в горестях душа,
Ты перед бурей не дрожала,
На пальцы мёрзлые дыша.

Была Ты в детстве ярче розы,
Сияла нежной красотой;
Но в годы грозные морозы
Дух не сломили юный Твой!

Тепло Италии прекрасной
Ты поменяла на тайгу.
Чего искала в час опасный
На этом мрачном берегу?

Иль эта степь и кустик тощий
Тебе родней, чем Колизей?
Милей Тебе глухие рощи
И тени прошлого милей?

Но зло Ты в жизни победила.
Людей несчастных возлюбя,
Ты мимо горя не ходила, –
Так поживи же для себя!

Пусть будет полон благолепия
Твой мирный отдых от работ!
Тебе желаем многолетья
И райской жизни без забот!

26.01.1984

* * *

*Посвящается И. А. К. **

«И пошёл дождь,
и разлились реки,
и подули ветры,
и устремились на дом тот,
и он не упал:
потому что основан был на камне»

Еванг. от Матфея, гл. VII, ст. 25

Два человека строили дома.
Всю жизнь они корпели денно, ночью –
К тому вела природа, жизнь сама, –
Они хотели жить счастливо, мощно.

Раздался голос, будто вдалеке, –
Столпы Земли неожиданно пошатнулись:
«Домов не стройте, люди, на песке,
Как бы они от бури не погнулись!»

То говорил Великий Зодчий им:
«На камне веры нужно строить, люди,
Тогда и дом велением моим
Стоять века твердыней грозной будет!»

И вот один разумной воле внял,
Все силы он на страшный труд направил:
С уступов скал он тяжкий камень брал, –
И вот на камне он свой дом поставил.

Но что же мне сказать о том другом?
Да, рассчитал он всё поспешно, скверно,
И свой великолепный, пышный дом
Он на песке построил, легковерный.

И вот он всех своих друзей собрал,
Затеяв пир пышнее Валтасара,
Но в доме этом царствовал Ваал
И люди задохались от угара.

И налетел стихии грозный шквал,
Разбили стену яростные волны,
Дом на песке построенный упал,
Веселья, скорби и страданья полный.

А дом на камне, словно дивный храм,
Стоит твердыней и сияет светом –
Он служит высшей благодати мирам,
Он верен высшей мудрости заветам.

Иван Андреич! Ваш прекрасный дом
На камне твёрдой веры сохранится.
Минёт гроза, поверьте, а потом
В нём мир и счастье снова водворится!

1984

* * *

*Дорогим сестрам Азеевым *
с добрыми пожеланиями
в канун Нового 1985 года*

Я у Азеевых за каменной стеной,
Укрыт я от дождя и снега прочной крышей.
Здесь так уютно всё и веет стариной,
Здесь пёсик, птички –
всё покоем сладким дышит.
И всякий званный гость здесь принят, как родной:
Его ведут к столу, он резвый говор слышит.

Здесь острый винегрет, здесь соус заливной,
Селёдка с водочкой
здоровьем свежим дышит.

На масленице здесь обильные блины –
На угощение сестрички не скупятся!
Кто говорит теперь, что больно мы бедны, –
Изволит тот бессовестно смеяться.
Какие речи за столом порой слышны:
Они в умах фонтаном бьют, искрятся!
Здесь гости остротой ума блеснуть должны,
А то над глупостью порой и посмеяться!

Париж и Рим, Варшава и Берлин,
Китай, Афганистан, Перу и Куба,
И кто в тех странах первый властелин, –
Здесь обо всём в гостях послушать любо:
Как там японцы влезли на Памир,
Как ядерный запас на свете вырос вдвое...
Бушует всё, но мы стоим за мир,
Бескровный мир и время золотое!

И так в кругу друзей проходит Старый год
И Новый год уже глядит в оконце.
И мы поднимем тост, пусть хор наш запоёт
За дружбу, за любовь, за счастье и за солнце!
Пусть новолетье мир сестричкам принесёт,
В бокалах их пускай не обнажится донце.
Здоровье в Год Быка пусть будет целый год,
И небо чистое – как говорят японцы!

Мы у Азеевых – как в гавани речной,
Мы здесь забот и горестей не знаем.

Здесь море не штормит губительной волной,
Здесь сладость прошлых дней

мы часто вспоминаем!

Спасибо вам, сестрички, за уют,

За доброту, за ласковые речи!

Пусть Музы вам стихами запоют,

Что счастливы они

при каждой новой встрече!

1984

Торжественная ода

*Герою дня Сергею Дауговишу **

Любимец Аполлона и Киприды,
Ты, как Тесей, свой подвиг совершил,
И в лабиринтах пламенной Колхиды
Ты Минотавра снова задушил.

И, оглушённый шумом диссертаций,
На Север возвратился Ты домой.
Тебе не нужен хор пустых овец,
Милей всего Тебе очаг родной.

Всё суета сует, но, как писал Гораций,
Тебе – герою – честь и лиры звон.
Взгляни: вокруг улыбки юных граций,
И полон Муз Твой светлый Пантеон.

Пусть неземные и земные боги
Тебя весь век, мой милый друг, хранят,
Украсят золотом Твои чертоги,
Чтоб стал Ты в жизни славен и богат.

Но славен человек не мишурую,
Иная похвала ему нужна:
Он наделён душевной добротой,
И мудрость в колыбель ему дана.

Что пожелать мне в кратком послесловье?
Всё бледно кажется, что ни пиши:
Желаю, милый друг, я крепости здоровья,
Удачи дел и бодрости души!

Февраль 1985

* * *

*Наталье Линёвой **

Из поэзии новой,
Из затверженных строк
Для Наташи Линёвой
Слов собрать я не мог.

Разве смертному можно
Красоту описать?
Нужно быть осторожным,
Чтоб не льстить и не лгать.

В поиск трудный по мелям
Не легко ведь пройти:
Нужно быть Рафаэлем,
Красоту чтоб найти...

Ведь писал Леонардо
Красоту на стене;
Только в век авангарда
Уж она не в цене.

Но назло предрассудкам,
Я хочу начертать:
Счастье в том, чтобы чутко
Красотою дышать.

Что сказать в послесловье
Тут в Задвинской глуши?
Я желаю здоровья
И задора души.

Вечно жить молодою,
Никогда не скорбеть,
С красотой, как с сестрою,
И работать, и петь.

13.02.1985

* * *

*Нине Лишиной **

Когда Ты, Ниночка, захочешь невзначай
Воспоминаньям прошлого предаться
Лет этак через десять или двадцать,
Укромно сядь Ты в платье голубом
За свой вечерний и уютный чай
И в этот старый загляни альбом;
Переверни ушедших дней страницы,
Взгляни на карточки, увидишь наши лица –
Мы вместе здесь, как дружная семья.
И если вспыхнет на лице Твоём
Луч радости былых воспоминаний, –
Поверь, в тот час так буду счастлив я,
Что нет для вечной дружбы расстояний!

12.08.1985

* * *

*Маргарите Азеевой **

Добродетелью прекрасной,
Словно розой ярко-красной,
Ты судьбой одарена!
Будто милая харита,
Ты на счастье, Маргарита,
Миру в светлый день дана.

Будь я рыцарем Айвенго,
Я на знамени мгновенно
Твой бы образ написал.
И назло молокососам
У врагов мечом под носом
В честь Твою я б потрясал!

Маргарита из Наварры,
Пел бы я под звон гитары
И искал бы перлы слов.
Королева всем приятна,
А краса её невнятна
Разве только для ослов.

Я для славной Маргариты
Откопал бы хризолиты
И страну б завоевал;
В честь её, как рыцарь честный,
Я бы край тот неизвестный
Маргаритою назвал.

Ты, однако, не испанка,
Ты же истая славянка
С яркой глаз голубизной.

Слов и красок не жалея,
В день счастливый юбилея
Посвящаю гимн я свой!

Будь Ты счастлива, здорова,
Огонёк родного дома, –
Всех улыбкой согревай.
И своею красотой,
И своею добротою
Зачерстветь нам не давай!

1985

Моему сыну Андрею

в день празднования совершеннолетия

Ой ты, милый друг, свет Андрюшенька,
Восемнадцать лет Тебе минуло,
Восемнадцать лет, как единый час...
А давно ли Ты бегал в чепчике,
А давно ль сидел Ты за партою,
В волейбол играл да и в шахматы?
А теперь уже школа кончена,
И науки все вроде пройдены.
Ну а ныне Ты наш рабочий,
Славно трудишься Ты на фабрике.
Ой Ты, милый друг, свет Андрюшенька,
В день рождения Твоё славное
Не дарю Тебе чисто золото,
А несу Тебе слово доброе,
Слово мудрое, слово верное:
Будь с друзьями Ты честным, доблестным,
Нежным, ласковым будь Ты с женщиной,

Уважай, люби отца с матерью,
Крепко стой Ты за правду-истину,
Крепко стой, сынок, за обиженных,
За обиженных, за униженных,
Чти душою всей старых-неможных.
Всё, что сделал Ты для других людей,
Возвратит Тебе всё судьбинушка!
Убеждай людей Ты не силою,
Наставляй Ты их словом искренним;
Не ленись – трудись до семи потов –
Лень липучая – всех пороков мать.
Ты к богатству, сын, не стремись душой,
Не в богатстве ведь наше счастье.
Будь же счастлив Ты, наш Андрюшенька,
Развивай свои силы мощные,
Ты расти-крепчай умом-разумом,
Ты найди свою путь-дороженьку,
С той дорожки Ты не сворачивай,
Сил напрасно Ты не растрчивай.
Бойся, милый друг, Ты безверия:
Как цветок водой наливается,
Так и верой дух наш питается.
Ты надежды, друг, в жизни не теряй,
Ведь с надеждой мы входим в светлый рай,
А любовь к Тебе и сама придёт,
А любовь Тебя и сама найдёт!

19.10.1985

* * *

*На девятый день кончины незабвенной А. М. Розен **
На добрую память дочери Людмиле

Ах Ты, милая моя матушка,
Ах Ты, милая, желанная,
Полечу я к Тебе малой пташечкой,
Полечу к Тебе на могилушку,
Как вскричу я тут громким голосом:
Поднимитесь вы, ветры буйные,
Вы разroyте мать сыру землю.
Ты откройся же, гробова доска.
Разлетитесь вы, белы саваны,
Вы откройтесь же, очи ясные,
Отомкнитесь вы, уста сахарные,
Уж Ты встань-восстань, моя мамонька
На свои на ножки то резвые:
Ты довольна же належалася
Во глубокой во могилушке...
Ты взгляни-ка, моя мамонька,
Как мне жить одной сиротинушке
Без Тебя, родной, тяжёлёшенько,
Тяжелёшенько и грустнёшенько.
Как и скажет тут моя матушка:
«Ой, и доченька моя милая,
Моя маленькая веточка,
Ты не плачь по мне дни и ноченьки:
Согревает меня Солнце яркое
И лелеют меня часты Звёздочки,
Не болят мои ручки-ноженьки,
Нет печали здесь, воздыхания,
Нет болезней здесь, горя горького».

07.11.1985

* * *

В сороковой день смерти А. М. Розен

Кто в памяти людей пристанище найдёт,
Тем не нужны ни плач, ни воздыханья.
О смертный! Пусть тебя страданье не гнетёт:
Жива я, стала я частицей мирозданья!

Не плачьте обо мне, блаженство обрела
Как птица я – лечу, свободная сквозь грозы,
Покой душе и счастье я нашла:
Не плачьте обо мне, не плачьте обо мне –
О милые, мне горьки Ваши слёзы!

1985

* * *

Юрию Лишину в день славного юбилея

Ты сыграй нам, Юра, радостное скерцо
И рассеяй печали серебристый дым,
Чтоб сильнее забилося радостью сердце,
Чтоб оно, как прежде, стало молодым.

Ты сыграй нам, милый, томную балладу,
Чтоб запели струны о житье былом;
Принеси нам в звуках чудную усладу,
Чтобы мы забылись в счастье неземном.

А потом исполни Ты ноктюрн влюблённо,
Чтоб сияли звёзды в темноте ночей.
Пусть благоухает райский сад зелёный,
Песни распевает сладкий соловей.

А затем мы жадно ждём Твоих прелюдий,
Пусть они к победам и мечтам зовут.
Ты ведь знаешь, друг мой, что на свете люди
Сердцем и душою в будущем живут!

Из-под клавиш льётся мощная поэма
И бурлит, грохочет, словно водопад.
Музыка такая – не дитя эдема –
Это бурной страсти и тоски каскад.

А сегодня песни мы услышим звуки,
Пусть её на струнах пропоёт рояль:
В этой песне чудной радости и муки,
И зовёт та песня в розовую даль.

Знаешь, меня, Юра, трогают этюды,
Весь бы день я, право, слушать их хотел:
Словно вижу горы – каменные груды
Замыслов великих, несвершённых дел.

Пусть же льётся, Юра, звук Твоих мелодий,
С ними Ты душою, сердцем молодежи.
Звук Твоих мелодий – это дар свободе,
Отданный навечно радости людей.

Музыке чудесной нет пределов, края, –
Словно море, льётся, нет ему конца;
Значит, есть в ней сила, есть и сладость рая,
Коли ей внимают детские сердца.

28.12.1985

* * *

*Татьяне Тополевской **
по случаю защиты диссертации

Хоть угасает вдохновенья жар,
Мы всё же вестники добра и мира.
Прими, Татьяна, словно яства с пира,
Слова любви, как наш прекрасный дар.

Свершился чудный миг в Твоей судьбе:
Сил молодых прилив Ты ощутила,
Свой долгий труд с упорством защитила, –
Так слава, Таня, и хвала Тебе!

Мы верим: Ты для дел великих создана
И расцветёт теперь Твой скромный гений,
Мы верим, что для сладких вдохновений
Пришла Твоя чудесная весна.

Всегда весь день спеша, едва дыша,
Ты жить и отдыхать не успевала;
Теперь же Ты весь мир завоевала, –
Так веселись, свободная душа!

Мне кажется, сказал премудрый Блок,
Что на земле покой нам только снится.
Но всё же хорошо, когда спокойно спится
И манит нас уютный уголок!

07.04.1986

* * *

Татьяне Тополевской

Бывают в жизни памятные даты,
И мы забыть об этом не спешим.
Ты, наша Таня, стала кандидатом,
А это светлый праздник для души.

Могу ль Тебе сказать я что-то лестней:
Ты, как пчела, сбирала сладкий мёд,
Трудилась, восхищаясь русской песней, –
И вот трудов Твоих счастливый плод.

Гармонию напева постигая,
Сегодня, вероятно, Ты поймёшь,
Что тернии в пути преодолевая,
Ты песен тайны новые найдёшь!

Ты знаешь, всё проходит в этом мире,
Но остаётся лишь одна любовь.
Восхвалим же её на ветхой лире
И воспоем её сегодня вновь!

Поверь, Танюша, мы желаем, право,
Тебе успехов в жизни и в труде –
Цвети, трудись Отечеству на славу
И верь своей заманчивой звезде!

* * *

Юрию Лишину в день Ангела

Накрапывает дождь, осенний ветер веет, –
Но слышно мне: в окне поёт роаль.
Я знаю: Шуман сердце мне согреет
И унесёт меня в мечтательную даль...

Но вот зима идёт с печалию неброской,
Вхожу на Крузес я в Твой музыкальный дом;
И вот уже звучит пленительный Чайковский
Во всём очаровании своём.

И вновь природа просыпается от плена,
Весна капелью звонкою поёт,
А в этом доме музыка Шопена
Мне силы к жизни новые даёт.

Вот солнце летнее играет и искрится,
Всё расцветает в сладостном тепле,
И вместе с Моцартом душа моя стремится
К извечной юности и к счастью на Земле.

Да, счастлив тот, кто музыкой богато
Людские души щедро одарит,
И тот, кто сердцем Лунную сонату
Для скорби и любви животворит.

О милый друг, играй проникновенно,
Как прежде, умиляй и вдохновляй,
И с благодарностью мы скажем, несомненно,
Что Ты открыл гармонию и рай!

06.05.1986

* * *

Наташе Линёвой

Желаем мы Тебе прекрасной доли:
Произвести младенчика без боли,
Потом ещё роскошней расцвести,
Потом в хозяйство с головой уйти,
Такой же быть, как мама, хлопотливой,
Заботливой и доброй, и пытливой,
И жить до ста, не зная в мире бед,
Готовя мужу праздничный обед,
Учить читать дочурку по складам
И быть всегда приятнейшей из мам.

1986

* * *

*Лиане **

Не было б разлуки – не было бы встреч;
Не было б несчастья – счастья не сберечь;

Не было б захода – солнце б не взошло,
Не было б победы – победило б зло;

Не было б улыбки – не было бы слёз;
Не было бы лета – был бы лишь мороз;

Значит, будет с сыном встреча впереди;
И сынок вернётся – только подожди.

Не текут же даром слёзы матерей –
Сохранят молитвы юных сыновей!

1986

* * *

Людмиле Розен в день Ангела

В век всеобщего смятенья
Размышляя, я порой
Заявляю без смущенья,
Что важней всего покой.
Мы должны благодаренья
Возносить за каждый день,
Что прожили без смятенья...
Скажем мы спасибо небу –
Мир душе важнее хлеба...
Так не будем предаваться
Мы печалям и утратам,
И не плакать, а смеяться!
Прожит день – и мы богаты
Солнца яркого сияньем,
Звёзд полуночных мерцаньем
И блаженной тишиной
Над юдолею земной!

29.09.1986

О вере, надежде, любви

*Надежде Гавриловне Меньшиковой **
в день Ангела

В течение жизни скоротечной
В нас день и ночь бушует кровь.
Своею силой бесконечной
Даёт нам право жить ЛЮБОВЬ.

Но есть на свете жизни мера,
Что строго мерит все дела,
И это чудо – наша ВЕРА –
Она спасает нас от зла.

Но посещает нас, как прежде,
Светла, ясна, как солнца свет,
Великолепная НАДЕЖДА –
И с ней печали, скорби нет.

НАДЕЖДА ВЕРУ нам приводит,
А ВЕРА к нам ведёт ЛЮБОВЬ,
И дух наш лучше не находит
Трёх этих благодатных слов.

С НАДЕЖДОЙ, ВЕРОЙ и ЛЮБОВЬЮ
О дай нам, БОЖЕ, век прожить,
И не предавшись суесловью,
Тремя дарами дорожить!

30.09.1986

* * *

*На крещение Машеньки Мирской **

Во храме ангелы согласно пели
И свет свечей торжественно светил,
Когда священник Машеньку в купели
Водой святою благостно крестил.
Стояли мы вокруг в немом смущеньи
И чудный храм нас тишиной пленил,
И Божий дух при таинстве крещенья
В сердца и души наши нисходил.

13.12.1986

* * *

Юрию Лишину

Начнётся дождь ли проливной,
Иль затрубит метель трубою, –
Мы на концерт очередной
Помчимся следом за Тобою.

О друг мой Юра, счастлив я,
Что путь наш радостен и ровен, –
Пополнится Твоя семья –
В неё войдёт теперь Бетховен.

Люблю звучание сонат
И струн божественное пенье.
Твой слух и чуток, и крылат,
В нём бурь и натиска кипенье.

Как тот великий чародей,
Буди, мой друг, живые струны.
Кто отдал сердце для людей,
Тот пребывает вечно юным.

25.12.1986

* * *

Ко дню именин Ниночки Лишиной

Мы пришли на праздник Нины,
Праздник светлый и большой.
Эти сердца именины
Мы отметим всей душой.

Нашей Ниночке желаем
Всех чудесных в мире благ,
От неё пусть отступает
Хоть любой на свете враг.

Дождик пусть не каплет с крыши,
Снег не веет на порог,
Не шалют за стенкой мыши,
Печки греют Нину впрок.

Пусть её любимчик Юра
Ублажает Нинин слух,
Для неё стрела Амура
Будет так легка, как пух.

Мы желаем много света
И здоровья для Тебя,
И споём мы «Многи лета»,
Нашу Ниночку любя!

14.01.1987

* * *

*К 80-летию дорогой В. Ф. Б. **

Крепчал мороз январский, свирепея,
А я поздравить базеньку хочу
И с самого утра в день юбилея
На электричке в Слоку я лечу.

Хочу приподнести два-три цветочка,
Горячие слова сказать, любя.
Взгляни вокруг себя: какая дочка
И зять какой, о базя, у Тебя!

Потом взгляни опять: какие внуки –
Их голыми руками не возьмёшь;
Поверь теперь, что, право же, от скуки
Ты, базенька, наверно, не умрёшь!

А правнуки Твои – о, сколько шуму! –
Они шумят, как юрмальский прибой.
Лианочка Твою рассеет думу,
А тут ещё Гавриловна с Тобой...

О котиках Тебе хлопот немало,
А поливать рассаду и цветы!..
Скучать Тебе, ну право, не престало,
И, как писатель, пишешь письма Ты.

В Твои года Ты бодрая такая –
У телефона, словно на посту:
О всех заботится душа Твоя большая,
А память у Тебя – дай бог, в цвету.

Мир для Тебя теперь довольно тесен,
Но ты всё интересное возьми:
Сегодня в звуках наших дружных песен
Ты пожеланья счастья прими!

Как хорошо, что есть любовь на свете, –
Пусть будет жизнь исполнена любви,
И люди на любовь Тебе ответят,
А Ты их всей душой благослови!

26.01.1987

* * *

В день именин В. Ф. Б.

Вечно беспокойная,
Вечно говорливая,
Вечно суетливая,
Вечно энергичная,
Очень политичная,
Очень симпатичная,
Очень хлопотливая,
Очень хлебосольная,
В меру богомольная
И любвеобильная,
Очень музыкальная,
Тёща идеальная;
Чуть сентиментальная,
В меру меркантильная,
В меру горделивая,
И чуть-чуть игривая,
И слегка ревнивая;
Очень терпеливая,
Очень бережливая
И многоязычная,
И писать привычная;
Вот какая базенька, –
Сушная проказенька...

* * *

Наталии Мирской

Ты Беатриче, Ты Мадонна,
Ты милосердная сестра,
Ты, как Вселенная, бездонна,
И как природа, Ты мудра.

Ты успеваешь всем на диво
Всю жизнь мечтами облекать,
Растить дитя и быть красивой,
Отца и мужа приласкать.

Дорог великих средоточье –
Ты для мужчины свет и цель.
Ты лунный свет кромешной ночью.
Ты – наслаждений колыбель.

Одно Твоё прикосновенье –
И сердцу горя нет как нет.
Наташенька, Ты – вдохновенье,
Тебя прекрасней в мире нет!

13.02.1987

Сонет

Моей дорогой, любимой Ирочке

«Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз»

Франческо Петрарка
сонет 41 из «Канцоньере»

Я отмечаю день благословенный,
Когда Тебя я встретил, Ангел мой –
Рок сжалился над бедным надо мной –
В Тебе обрёл я бисер драгоценный:

Ты мне была подругой несравненной,
Ты согревала дух, объятый мглой,
Ты возжигала мой очаг зимой
И к счастью Ты вела от жизни брэнной...

Тебе в любви стократ я признаюсь,
Ты отвечаешь женственною лаской,
И высказать всех чувств я не берусь, –

Но как хочу Тебя я сделать сказкой
И, взяв у солнца радужные краски,
Тебя воспеть я всякий день клянусь!

29.04.1987

* * *

На добрую память Юрию Лишину

«День уходит за днём,
чтобы старости срок приближать;
год за годом идёт,
но весна возвратится опять!»

Ван Вей

Я желаю Тебе, дорогой, не стареть
И, как в юности, помнишь, не тлеть, а гореть!

День уходит за днём и весна за весной,
Но ты будь, как всегда, как везде, молодой.

Пусть порой за метелью не видно ни зги, –
Ты подругу-супругу свою береги:

Это любящий, верный и ласковый друг, –
Ты в пустыне такого не сыщешь вокруг,

Недостатки Ты людям, дружище, прощай, –
Ведь мы сами порою не мёд и не рай...

Обиталище музыки, дом свой храни –
Пусть витают здесь юные Музы одни.

Воспевают они пусть одну лишь любовь,
Чтобы верил в неё Ты, как в юности, вновь.

Чтоб страданья людей понимал Ты быстрее, –
Ты душою, мой друг, никогда не старей.

Милосердие нам ведь дано постигать,
Чтобы силы за счастье людей напрягать.

Коль восходишь к вершинам, не катишься вниз,
Бескорыстье пусть будет Твой первый девиз.

Чтобы музыкой радовать бедных людей, –
Услаждай их гармонией, мой чародей!

06.05.1987

Памяти друга

*Памяти Георгия Николаевича Смирнова **

Чем дальше Ты уходишь в вечность,
Тем подниматься мне трудней –
Перед Тобою бесконечность
И Южный Крест, и Водолей.

Так в мироздании витая
В Пространстве, Времени ином,
Ты видишь ли, душа святая,
Наш утлый мир, свой прежний дом?

И если всё доступно зренью,
Всё в нашей маленькой судьбе, –
Утешься, друг, в своём бореньи
Мы не забыли о Тебе!

В пылу разгара жаркой битвы
Минули годы как во мгле,
Но за Тебя свои молитвы
Мы воссылаем на Земле!

15.09.1987

Гимн новобрачным *

Для светлых подвигов любви
Родился ты, венец творенья.
Живи же, счастливо живи
Для торжества и вдохновенья!
На жизненном пути твоём
Пусть солнцем светит свод прозрачный;
Друзья, мы хором воспоем
Союз счастливых новобрачных!

припев: Два ручья – и вот река,
А две реки сольются в море;
Любви могучий океан
Течёт в бессмертье на века,
Сияя в царственном просторе!

За тучи прячется звезда,
И волны вдаль бегут седые;
А вы на свете никогда
Не разлучайтесь, молодые!
Идите об руку рука
Пустыней, степью, ночью, новью;
Вам жизнь покажется легка,
Не расставайтесь лишь с любовью!

Как две серебряных струны
В созвучьи звуков стройно вьются, –
Так ваши души в день весны
Пуškai в гармонии сольются.
Гроза и ночь не омрачат
Сиянья ваших лиц счастливых,
И песни пусть всегда звучат
В часы приливов и отливов.

Пусть будет мир и красота
На нашей маленькой планете,
А вы трудитесь лет до ста
И будьте счастливы на свете!
Вам перл любви отцами дан
И вы его не променяйте,
И дар любви, чудесный дар,
Вы детям, внукам завещайте!

1987

* * *

Юрию Глаголеву в день рождения

Когда порой я жизнью скверной
Бываю в думы погружён,
Ты часто шуткой эфемерной
Меня несёшь на Геликон.

И я, от смеха содрагаясь,
Забыв удары жизни вдруг,
От всех недугов исцеляюсь
Твоим весельем, милый друг.

Справляю самый светлый праздник
Я в день восьмого октября:
Ты родился тогда, проказник,
Наверно, всё ж таки, не зря!

Ты не слышал такого тоста,
Какой я нынче изреку:
Чтоб Ты упал скорее с моста
Не в Лету, в шумную реку.

И чтоб потомкам в назиданье
Сухим бы вышел из воды,
Чтоб шторм Твоё разрушил зданье,
А Ты бы избежал беды;

Желаю я Тебе потопа
И чтоб она Тебя спасла.
Уже у Мильтона и Поппа
Сия история была.

Желаю я Тебе крушенья
В морских пучинах далеко,
Но чтобы Ты без промедленья
На берег выплыл, как Садко.

И чтобы Ты пиратов встретил,
И чтоб остался бос и наг,
И чтоб Тебя в бою заметил
И в плен забрал жестокий враг.

Чтоб ночью Ты бежал из плена
И прибежал бы во дворец,
И чтоб в подвале тень Шопена
Тебе явилась наконец.

И чтоб палач стоял над глоткой
С одним вопросом: «Будешь петь,
Чтоб украшала век короткий
Твоя торжественная медь?»

Хочу, чтоб не было причала,
И гроз Тебе желаю я,
Чтобы в конце, как и сначала,
Звучала музыка Твоя.

Наперекор земным тревогам
И каменной гряде сердец,
Как соловей в раю у Бога
Запой, мой милый, наконец!

08.10.1987

* * *

*Маргарите Васильевне Салтупе **
в год её славного юбилея

Не о Венере пою иль златокудрой Харите,
Не об Афине мой гимн в день торжества прозвенит;
Звуком гомеровских струн песню пою Маргарите,
Пусть её силой своей славный Антей осенит!

Должно сказать о Тебе, славная дочь Гиппократы:
Мудростью Ты превзошла многих разумных людей;
Не возносила себя Ты по завету Сократа,
И Вседержитель открыл суть Тебе тайных вещей.

Сколько несчастных больных
в жизни своей исцелила,
Сколько утетила Ты, сколько с одра подняла!
Могут больные сказать: есть животворная сила,
Что укрепляет наш дух, став против смерти и зла!

Кроме полезных наук,
любишь Ты тайны искусства,
Ездишь в Канаду и Псков, о расстояньях забыв;
С юности Ты бережешь к Учителю добрые чувства,
Теплится в письмах Твоих
сердца нетленный порыв!

О Маргарита, прими скромную песню поэта,
Все мы Тебе отдаём дар уваженья, любви,
Бодрой и радостной будь МНОГАЯ, МНОГАЯ ЛЕТА,
С дочкою милой своей вечно счастливой живи!

15.11.1987

* * *

*Сергею Бородину **

Конечно, трудно осознать,
Что заберут тебя в солдаты,
Что будешь Ты в казарме спать
И петь в походе: «Аты – баты!»

Что Ты Овидия зубрил,
Что путь к наукам был Твой долог,
И что цирюльник лоб забрил
Тебе, мой милый брат-филолог.

Сегодня же назло судьбе
Будь полон радости и смеха.
Защитник Родины, Тебе
Мы пожелаем все успеха.

И право, восемнадцать лет
Один раз в жизни лишь бывает,
И, как давно писал поэт,
И роза раз лишь расцветает.

Мужайся же, мой милый друг, –
Дух закаляется борьбою.
Гори, сияй, как солнца круг –
Вся жизнь ещё перед Тобою!

* * *

*Андрею Голикову **

Твои стихи в душе моей нашли
Ответное звучанье.
Я кланяюсь поэту до земли –
Прими моё посланье.

Полна пусть будет чаша доброты,
Пусть ненависть остынет,
И пусть любовь с небесной высоты
На мир безумный хлынет.

Тебе желаю счастья в Новый Год
И мира в Новолетье,
Пусть всем Вам радость музыка несёт
И крепнут, зреют дети!

1988

Раздумье о неизбежности бытия *

Что прошлое? Всё то, что прежде было:
Сверканье осенних позолот,
Зима и лето – всё нам в прошлом мило:
И горести, и радости забот;
Друзей счастливых жаркие пожатья,
Врагов насмешки, злость и клеветы,
Прощанья, встречи, слёзы и объятия,
И нищета, и жажда красоты;
И вопль души, и страшные увечья,
Страдания поверженной страны,

В сибирских тундрах горе человечье,
Предательства и грозный лик войны...

Что в будущем? Движение Планеты
Мильоны лет в порыве скоростей,
Среди людей гармонии приметы
Или пожар убийственных страстей?
Рожденье и расцвет цивилизаций,
Забвение вражды в людском уме
Иль вспышки смертоносных радиаций
И гибель жизни в прахе и во тьме?

Что настоящее? Всего одно мгновение,
В которое мы дышим и живём.
Так пусть оно как символ просветленья
Зажжется ярко на пути Твоём!
Пусть этот миг продлится многи лета,
И Ты его, мой друг, благослови,
Благодари Всевышнего за это
И для любви и счастья живи!

1989

Кафедре русской литературы ЛГУ

Собрание талантов и умов,
Хранительница света просвещенья,
Родительница вдохновенных слов,
Очаг наук, труда и вдохновенья;

В простор небес манящая звезда
И узкая тропа к вершинам рая;
Ты кузница терпенья и труда,
И перл, что блещет, гранями играя;

Ты светлый храм, где дух животворит,
Витают тени Пушкина, Толстого, –
Где наше сердце гордостью горит
За волшебство божественного слова;

Былых времён суровая гроза
И сумрачные прежние години,
И молодости юные глаза,
И стариков блестящие седины...

О, Кафедра, в твой славный юбилей
Пишу Тебе восторженной рукою:
С Тобою жить и легче, и светлей –
Так будь навек, так будь навек такою!

17.03.1989

Перезвоны

Ю. В. Глаголеву и хору «Перезвоны»

Перезвоны – эхо лихолетий,
Гимн России, теплота сердец,
Голоса исчезнувших столетий
И победных почестей венец.

Перезвоны – музыка земная,
Таинство небес и божество,
Русская душа в преддверьях рая,
Памяти народной торжество.

Перезвоны – это лики древних,
У Распятья свет свечей и глаз,
Слёзы, вздохи возгласов напевных
И святых, молящихся за нас.

Кто же вас, родные перезвоны,
Кто ваш звонкий голос заглушил?
Кто молитвы и глухие стоны
Грозною пятою задушил?

Кто разрушил сонмы колоколен,
Чтобы звоны к небу не неслись?
Наши храмы, вопия от боли,
Руки к небу поднимают ввысь!

Русь моя! Ты край долготерпенья,
Ты воспрянешь от жестоких пут,
Новые родятся поколения,
Перезвоны снова запоют!

Нелегки порою заблужденья,
Ранят сердце остриём секир.
Перезвоны – символ Возрожденья,
Пусть же потрясут они весь мир!

Раздавайся, «Перезвонов» пенье,
Красотой спасительной дыша!
Тяжки покаяния ступени, –
Но воскреснет русская душа!

1990

* * *

Юрию Глаголеву в День Ангела

Пусть Лермонтов Тебя стихами вдохновит
И принесёт Тебе мгновения блаженства! –
Был крестный путь его не лаврами увит,
И всё ж трудом своим достиг он совершенства.

06.05.1991

* * *

*Маре 3. **

Дань поздравленья от нас Ты прими,
достоцитмая Мара,
Бодрой душою своей будь, как прежде, юна.
Высшей гармонии Ты
и искусства сладчайшего дара,
Чувства земной красоты и мудрости не лишена!

Краски полотен больших, миниатюры Востока –
Всё ты познала теперь, всё тебе радость даёт;
Ныне желаю тебе жизни счастливого тока
В лоне сплочённом семьи без суеты и забот!

27.03.1992

* * *

*В память Г. В. Г. **

В Царстве небесном премного обитателей,
Нет там ни горя, ни зла, ни тревог;
Души усопших, блаженных, святителей
Входят там в светлый небесный чертог.

Сила молитвы к престолу священному
Души умерших в сияньи лучей
Высь поднимает к Неизреченному,
К первопричине и цели своей.

Силой молитвы душа очищается,
Словно прозрачный горный хрусталь.
Выше, всё выше она направляется
В синий эфир, в светозарную даль.

В пламени плавятся цепи греховные,
Тени земные все блекнут вдали,
К ярким созвездиям Силы Верховные
Душу возносят от грешной Земли.

И не забыты благие творения,
К нищим, обиженным, слабым любовь, –
Дар милосердия, дар всепрощения
Ныне душе возвращаются вновь!

Ангелы в новые ризы торжественно
Душу спешат молодую облечь.
Дай же ей, Боже, к престолом божественным
Лучиком светлым у ног Твоих лечь!

31.03.1992

* * *

*Георгию Смирнову **

Несу цветок благоуханный,
Кладу на холмик по весне;
В стране далёкой, богоданной
Хоть мельком вспомни обо мне!

А я так часто вспоминаю
Молитвы в храме и цветы,
В Твоей семье сиянье мая
И наши юные мечты...

Полно на свете драм и оргий,
И постоянства в мире нет;
Но Ты, мой светлый друг, Георгий,
Оставил в мире добрый след.

Какая дивная отрада –
Сказать Тебе: «Христос Воскрес!»
И Ты живёшь: Твоя рассада
Взрастёт и будет новый лес!

06.05.1992

Романс

М. В. Салтупе

Осенние цветы нам всех цветов дороже,
И всех милей они – осенние цветы.
Они всегда свежей, душистее и строже,
Они предвестники весенней красоты.

Им суждено будить в сердцах воспоминанья,
И счастье прошлых дней, и юные мечты,
И светлый рай любви, и нежные признанья, –
Всё, всё нам говорят осенние цветы.

Осенние цветы заблещут желтизною,
Но не горюй о них и не печалься ты, –
И верь, в руках твоих грядущую весною
Роскошно расцветут весенние цветы.

1992

Воспой Россию!

Посвящается Юрию Глаголеву

Как ропот моря, затихает зал,
И зрители застыли в тёмных ложах.
Вот пауза; оркестр заиграл,
И сладкий холодок бежит по коже...

Взметнулся занавес, и вся в огнях
Сияет сцена, а на ней артисты
Поют о верности, любви, мечтах,
О подвигах и устремленьях чистых.

Рыдают скрипки и кипит слеза...
Поют о прошлом, о войне и смерти.
Гремит на Волге чёрная гроза,
Хор беженцев в неслетной круговерти.
Среди мольбы, прощаний навсегда
Два сердца молодых любовь находят,
Но их война, жестокая беда,
Навек путями разными уводит.

Взывает хор. Любимую свою
Герой зовёт со страстью молодою:
О ней мечтал он в яростном бою,
Назвал её небесною звездою.
Сильна любовь – её лазурный свет
От дальних звёзд на Землю долетает,
И ничего любви прекрасней нет!
Вот занавес, аккорд и скрипки тают.

Мой друг, сидишь Ты в ложе, как Гораций
И думаешь: «Мне быть или не быть?»
Но тишину взрывает гром оваций,
Цветы летят. Ты на коне судьбы.
Хоть Ты созрел, но лет до девяноста
Ты сможешь десять опер написать,
Хотя, конечно, знаю я – не просто
В наш век сердца и души потрясать!

Какие бы ни веяли стихии,
Куда ни разбежались бы пути,

Мой друг, воспой любимую Россию
И к миру звуки лиры обрати!
Твой час настал и Ты дремать не волен.
Хочу, чтоб каждый человек сказал:
Да, оперу прекрасную Глаголев
Для радости и славы написал.

Гимн друзьям

Друзьям посвящены посланья и тирады,
Друзей лицейских дней наш Пушкин воспевал;
И слаще для него и не было отрады,
Когда друзей он снова вспоминал.
Их искра дружбы всех не зря воспламенила,
И провидение в Лицей их привело;
Поэзия навек сердца соединила
И породнило Царское Село!
Воспеты Кюхля, Корф, Матюшкин и Комовский,
Данзас и Дельвиг, Пуцин и Тырков,
И не забыты Илличевский и Вольховский,
И Яковлев, и гордый Горчаков.
Из Царскосельского мы тоже поколенья:
Гимназия нам свой – для дружбы – ключ дала;
Она взрастила нас и наше вдохновенье,
И мудрость, и познания нам несла.
Так не забудем же мы дружеских заветов,
И пусть в небытие идёт за годом год;
Но наше сердце дружбою согрето,
Её как лучший дар по жизни пронесёт!

Май 1993

Песни Марии

*М. И. Булгаковой в день её концерта **

Слышу песни твои, Мария,
Голосистый наш соловей,
И мне видится снова Россия
И весенняя зелень полей;

В песне звон бубенцов издалёка
И русская наша печаль,
И ямщик среди стéпи широкой,
И тёмно-вишнёвая шаль...

Я вечерней тиши не нарушу,
Ты на плечи накидку надень
И согрей своей песнею душу,
И рассея нашу русскую лень!

26.05.1993

* * *

Юрию Глаголеву в день рожденья

Свете тихий святых славы,
Мир сияньем своим озари!
Моему драгоценному другу
Благодать и любовь подари!
Ты не дай подступиться недугу
И согрей его благостный кров,
Чтобы не было жгучей печали,
Чтоб стройнее ещё зазвучали
Голоса его звонких хоров!
Предзакатный свете вечерний,
Одиночества горьких плодов

Пусть мой друг никогда не узнает.
И любовью сыновней, дочерней
Пусть его на земле озаряет
Свете тихий в стремнине годов!

08.10.1993

* * *

*Н. Н. Крейеру **

Брат добрый по перу, Тебе мой тост застольный:
Будь, как и прежде был, цветущ и краснощёк,
Будь звонок и певуч, как колокол престольный,
Ведь духом молод Ты и полон сил ещё!
Брат по перу, пиши, как летописец Нестор!
Над Русью, как и встарь, призывно бьёт набат...
Нам плакать и рыдать не время и не место –
Ты людям всё отдай, чем был всегда богат!
А россыпи Твоей души неисчислимы,
В ней нет обид и зла, и чёрной мести нет.
Утраты прежних лет, увы, непоправимы,
Но всех врагов прощать – вот добрый Твой завет!

22.10.1993

Сонет любимой

И. А. Мирской

Хотя тебя я обожаю жарко,
Но у меня даров богатых нет,
Зато я вместо ценного подарка
Тебе, мой Ангел, сочинил сонет.

Его Лауре посвящал Петрарка,
Для Беатриче Дант его хранил;
Я верю, что в судьбе моей неяркой
Твою любовь я тоже заслужил.

– Сонет? – Пустое, – скажет обыватель:
На рынке за него – ни полгроша!..
Но есть во мне любовь и есть душа,
И я клянусь, устроил так Создатель:
Не золото – я в жизни нищ и наг, –
Твой поцелуй милей мне всяких благ!

02.06.1994

* * *

*Юрию Глаголеву
в день его славного Дня рождения*

Я знаю все Твои утраты,
Я слышу крик Твоей души,
Но жду концерта и сонаты, –
Мой друг, садись же и пиши!

Пиши, твори не для оплаты
И не за бранные гроши,
Пиши для вечности крылатой
И для спасения души.

Мы живы не единым хлебом,
И в жизни всё должны успеть, –
Должны перед землёй и небом
Мы песню до конца пропеть!

08.10.1994

* * *

Н. Н. Крейеру

Моя душа прекрасного алкала
И жаждала любви и красоты,
И пробил час: она не замечала
Ни пошлости, ни грязной суеты;
Она искала горной высоты,
К сияющим вершинам возлетала
И слушала небесный звёздный хор,
Струй родника чуть слышный разговор;
И шелест трав, и листьев сладкий лепет, –
Всё мило ей: и лёгкой зыби трепет
На голубой искрящейся реке,
И лунный свет, разлитый вдалеке;
Улыбка милой, звонкий смех детей,
И старца умудряющие речи,
И тесный круг испытанных друзей,
И редкие прощания и встречи...
Любовь и красота – несметный дар Творца, –
И я нашёл его как камень драгоценный.
Чего же мне искать и жаждать без конца? –
Ведь он мне дан, Творцом благословенный!

21.10.1995

Поэту Юрию Максиму *

В чём Тебе найти бессмертие, поэт? –
В плеске похвалы, в удачливом улове,
В блеске мишуры легко бегущих лет?..
Но Твоё бессмертье – только в Слове!
Пусть оно сердца к сиянью звёзд несёт,
К истине пускай ведёт с пути земного;

Вот Твой лучший дар и Твой орлиный взлёт –
Ключ бессмертия – божественное Слово!
Не скрывай, поэт, его и не таи,
Как наш Тютчев написал в задоре;
Чувства добрые и перлы Слов Твои
Нам помогут и в беде, и в горе!

09.03.1996

В день св. Георгия

Юрию Глаголеву

Поэма жизни – праздничная чаша –
Разбилась вмиг на множество кусков;
Так появилась тысяча стихов
И в них душа запечатлелась наша.
Но счастлив тот, кто выразить сумел
Полёт души в божественных высотах,
Кто в ежедневных жизненных заботах
К бессмертью причаститься захотел;
К кому слетала музыка незримо,
Кто таинства гармонии постиг, –
Кому любви блаженство подарила
И озарила чей печальный лик!..

06.05.1996

Художнику А. И. Мисюрёву *

Волшебной кисти повелитель,
Чудесный Севера певец,
Российской красоты ценитель,
Земной гармонии творец!

Минуют годы, и столетья
Сотрут ступени к старине,
Но красок яркие соцветья
Заблещут вновь на полотне.

Певец Всевышнего творенья,
Ты воплотил свою мечту;
И не забудут поколенья
Тебя за эту красоту!

26.07.1997

* * *

Юрию Глаголеву

Уж сколько лет я посвящаю
Тебе стихи – не хватит слов;
Но ради дружбы возвещаю:
Мой ямб Тебе уже готов.
О, милый друг, взгляни вокруг:
Мы вдруг свершили жизни круг,
Но Ты и счастлив, и здоров;
Не сетуй, что Тебе не дали
За долголетний труд медали.
Ты благоденствуешь с женой,
Живёшь, как будто за стеной;
Друзей Ты верных избираешь,
Врагов предательства не знаешь.
Твоё спасение – рояль,
За ним Ты Менестрель и Граль!
Какое счастье – с Мариной
Подсесть к клавиру, к пианино,
Восторгом звуков быть объятым,
Играть сонаты и кантаты,
Фрагменты опер разбирать,
И вновь играть, играть, играть...

Когда такая благодать,
То трудно что-то пожелать!

Наш Блок сказал:

«Покой нам только снится, –
Он лишь один нас может исцелять...»
Но дай нам Бог покоя сторониться
И музыкой сердца людей пленять!

08.10.1997

* * *

*Посвящение для Марины Глаголевой **

Марина – «ля», Марина – «соль»,
Марина – сладостная боль:
Марина – море чудных снов,
Марина – музыка без слов!
Марина – «си», Марина – «ми»,
Марины лучше нет, пойми!
В её руках поёт рояль,
И звуки нас уносят вдаль!

Марина,
тебя во сне и наяву
Своей любовью я зову:
Ты жизнь мне новую дала
И все печали унесла!

Марина – «до», Марина – «ре»,
Полна заботой о добре,
Марина радости полна,
Всегда игрива, как волна!
Марина – «соль», Марина – «фа»,
Как в песне стройная строфа!

* * *

Юрию Глаголеву в День Ангела

Явился Ты на белый свет
Для жизни мирного течения,
И понял Ты Творца завет
И жизни всей предназначенье.

Тебе судьбою суждено
Искусство сладостного пенья,
Чтобы сердцам людей оно
Несло любовь и наслажденье.

Мой друг, любовью Ты гори
И звуки музыки твори,
Нам двери счастья открывая!

Ведь лишь гармония дана
Для пробуждения от сна,
Для счастья и блаженства рая!

06.05.1998

А. И. Мисюрёву

Сегодня счастлив я, что не иссякли
Таланты дивные в отечестве моём –
Сегодня гимн искусству мы поём.
Пусть обнищали мы, пусть мы поглощены
Объятями густой и серой мглы, –
Но есть опора нам, но есть духовный кров,
Пока животворит художник Мисюрёв,
Пока волшебной кистью его оживлена
Манящих нас полотен белизна.

Спасибо ж Вам, пленённый красотой, –
Вы боретесь с бесплодной нищетой
Во имя торжества не слабой плоти,
А Царства Духа за неведомой Чертой!

Стихотворение передано художнику 27.08.1998

* * *

Другу Ю. В. Глаголеву

Дыханья роз лишь тот достоин,
Кто их возделывал в саду,
Кто был на поле битвы воин,
Кто знал вражду, кто знал беду;
Кто содрогался от ударов,
Кто жизнь за друга положил,
Кто жил не для себя, не даром,
Кто людям честно послужил;
Кто, не скопив себе сорочки,
Трудился в поте день и ночь,
Кто лжи не написал ни строчки,
Кто не зевал на мир в окно;
Чья жизнь была одно горенье,
Кто пламенем зажѐг сердца, –
Вот, кто рождает вдохновенье,
Вот, чей не гаснет свет лица.
Зажгись, гори могучей страстью
И в труд свой пламя воплоти,
Не жди похвал, не жди участия, –
Ведь в острых терниях пути:
Пусть будет труд твой незаметный,
Как в шторм незыблемый гранит, –
Среди ушедших слав несметных
Тебе он память сохранит.

Гимн Надежде

Посвящается Н. Г. Меньшиковой

Пусть удивляются невежды
И пусть не верят никому:
Есть в океане мыс Надежды –
Шли открыватели к нему.

Трещали льды и ветры выли,
Никто не видел той земли,
И всё же люди гнули выи
И к той Надежде шли и шли...

Они под снегом замирали,
Брели, не ведая куда;
Порой сбивались, умирали,
Но их звала к себе звезда...

Забыв уют, свой дом и нежность,
Они к Надежде шли святой!
Как хорошо, что есть Надежда,
Что можно жить своей мечтой!

Порою луч Надежды светлой
Бездонный чёрный мрак пронзит,
И смотришь: человек над смертью
С Надеждой радужной скользит.

Порой мы жаждем встречи страстно,
Мы ждём далёких и родных,
Живём Надеждою прекрасной,
Что скоро вновь мы встретим их!

Так даруй нам тепло и радость,
Надежда, – Ты оплот людей!
Неси нам в бедной жизни сладость
И сердце в горести согрей!

*Латышские дайны и песни **
(в переводах В. В. Мирского)

* * *

Я в дорогу провожала
Дорогого за пригорком,
Чтобы мама не видала,
Чтобы горько не рыдала.

* * *

Я росла, росла, родная,
Для чего росла – не знаю:
То ль для милого росла я,
То ль росла я для могилы.

* * *

Я у мамы одна дочка –
Самая красивая,
Ни к кому я не пойду,
Своего я подожду, –
Своего я подожду
Молодца любимого.

* * *

На меня взгляни, молодчик, –
Ты взгляни и я взгляну;
На мою взгляни работу,
Я – на мудрый твой совет.

* * *

Красивая красивому росла, –
Не подлому на радость рождена:
Красиво свои ноги обувала,
Красиво свой веночек одевала.

* * *

Вдовцу руку подавала –
И на камушке стояла;
Парню руку подавала –
Добрым словом привечала.

* * *

Чёрт, возьми друга на час,
Коли нет друга на век, –
Коли нет друга на век,
Кто бы мудрый дал совет...

* * *

Кому хочешь отдай, мама,
Не отдай лишь пьянице:
Ведь невеста пьяницы
Каждый вечер горько плачет.

* * *

Ель длинна, длинна сосна,
Лето красное длиннее;
Длинна жизнь у матушки,
А в замужестве длиннее.

* * *

Пекла мама каравай, –
Я сидела плакала;
Обещала каравай, –
Я сидела плакала;
Обещала мне платок, –
Я сидела плакала;
Обещала мне корову, –
Я сидела плакала;
Обещал коня отец, –
Я сидела плакала.

* * *

Смело брёл я по речушке,
Где крутые камушки;
Смело брал я ту девицу,
Что росла у матушки.

* * *

Ты красива, девушка,
Да была бы ты добра.
А была бы ты добра,
Стала бы моей невестой.
Стала бы моей невестой,
Коль хорошей выросла.

* * *

Кто поёт на свете лучше,
Чем поёт соловушка?
Кто меня полюбит крепче,
Чем мой добрый молодец?

* * *

Не дай, боже, в поле иве
Белым цветом отцвести,
Не дай, боже, пьянице
Мой веночек унести, –
Ведь невеста пьяницы
Каждый вечер горько плачет:
Плачет о своём пьянчужке,
О его лошадке плачет.
Кому хочешь отдай, мама, –
Кузнецу не отдавай:
У него черна рубашка,
Не отмыть, не отбелить.
Кому хочешь отдай, мама, –
Рыбаку не отдавай:
У него штаны в чешуйках,
Их не снять, не отстирать.
Плачет, ноги разувая,
Одеялом накрывая.
Кому хочешь отдай, мама, –
Лишь портному не давай:
У портного кратки ночи,
Мне не спать, не ночевать.

* * *

Я в саду, саду зелёном
Розы алые растила,
Но одна лишь роза пышно
В саду выросла на диво.
Также выросла на счастье
В мире девушка красива.
Из-за этой алой розы
Нужно мне забор плести,

Из-за девушки чудесной,
Нужно в дальний путь спешить
И лошадку торопить:
Пот с неё ручьём течёт,
Каплют слёзы у меня.
Одеяло я беру, –
Я с неё стираю пот.
Беру шёлковый платок –
Горьки слёзы осушаю,
Мою в утренней росе,
А потом сушу платочек
На макушечке берёзы.
Три годочка та берёза
Не росла, не зеленела,
На четвёртый расцвели
Цветы золотые.

* * *

Взял меня холостячок.
Место я ему стелю
Белыми простынками,
Мягкими подушками.
Я ложусь к нему, дрожу,
Как осиновый листочек.

* * *

Куда скачешь, батрачок,
В пору тёмную, ночную?
Ты ко мне скачи скорей –
Дам, дружок, ночлег тебе я,
Дам конюшню для коня,
Дам овса ему в кормушку.

Петуха молю отцова,
Чтоб он раньше зорю пел.
Парень замуж взял меня, –
Место я ему стелю
На старой бороне,
Куль соломы в головах.
Я ложусь скорей к нему,
К золотому моему
И молю я петуха,
Чтобы рано он не пел.

* * *

Пой иль плачь ты, девушка,
Но сама ты виновата:
Где своих коней поил я,
Там своих коров пасла ты;
Где пахал и боронил я,
Там ты на поле стояла;
Где я вешал плёточку,
Там ты вешала веночек.
А когда снимал я плётку,
Ты веночек свой снимала.
Пой иль плачь ты, девушка,
Но сама ты виновата.

* * *

«Ты придёшь ли, не придёшь ли?
Приходи в субботний вечер.
Показалась мне неделя
Очень долгой без тебя.
Мне бы два крыла орлиных,
Мне бы легкость голубя, –
Я б к своей невесте милой
Каждый вечер прилетал бы.

Ты больна или здорова,
Иль другому обещалась?»
«Не больна я, а здорова,
Никому не обещалась.
Бела клевера поверх
Постелю тебе местечко
Белоснежной простынёй,
Пуховой подушкой,
Одеялом с розами, –
Лягу я сама с тобой».

* * *

Вы, подруженьки, ведите
На пригорочек меня,
На пригорочек меня.
До зелёной рощицы.
Там с тобой мы говорили,
Милый, ласковы слова.
Ты жениться обещался
И купить колечко мне.
Не женился, не купил ты,
Лживы речи у тебя.

* * *

Спойте песню, девушки,
С вами тоже я спою.
Привяжите жеребёнка
Вы зелёной лентою.
Коль порвёт её, возьмите
Вы серебряну цепочку.
Коль цепочку разорвёт он,
В садик вы его пустите.
Конь в саду мой щиплет листья,
С девушками говорю я.

Не успел мой конь наестся,
Девушку я сговорил.

* * *

На болотине берёза
С девятью верхушками.
Ах, пойдём мы, три подружки,
На берёзке покачаться.
«Где ты, девушка, росла?
Я нигде тебя не видел.
Может, ты росла в лесу,
Или на опушке леса?»
«Нет, я не в лесу росла,
И не на опушке леса,
Я у матушки была,
На руках её росла».

* * *

За лесами, за болотом
Много ягод спелых.
Там ходили девушки,
Собирали ягоды,
Цветочки срывали,
Кудри украшали.
Вот стучится в двери парень
В шляпе разукрашенной:
«Девушка,пусти меня».
Двери девушка открыла,
Парня в дом к себе пустила.
Привечала, угощала,
До вечера задержала.
Шапку он схватил в охапку,
Зеркало разбил он.

От того ли грому, звону
Матушка проснулась.
«Что за шум тут, что за гром?
Кто тут провинился?»
Тот, родная, провинился,
Кто за дверью скрылся.

* * *

За горою девушка
Белокурая живёт.
Добрый молодец проходит,
Ей привет сердечный шлёт:
«Будь здорова, белокура».
Та невеста у вдовца.
Как у младшей у сестрицы
Без верхушечки берёзка, –
Быть невестой ей вдовца.

* * *

Раз поехал я за Гаюю
Посмотреть невесту.
Вижу: девушки в саду
Рвут и полют розы.
«Вам, красавицы, удачи.
Не пойдём ли погулять?»
«Мы пошли бы все с тобою,
Но венки куда девать?»
«Вы повесьте-ка веночки
На дубову веточку,
Пусть их ветром овевает,
Пусть посушит солнышко,
Пусть посушит солнышко
Эти девичьи веночки».

* * *

Я вдоль поля колосистого
Провожала милого.
Провожала, наказала:
«Молодец, ты возвращайся.
Молодец, ты возвращайся, –
Ты речей людских не слушай;
Ты речей людских не слушай, –
Пропадёт наша любовь...»

* * *

Гнитесь вы, верхушки леса, –
Пусть над ним звенит мой голос.
Ой ты, жаворонок сельский,
Как чудесна твоя песня.
Далеко ли или близко,
Но ищу себе невесту.

* * *

«Напои ты мне коня».
«Я поить не стану клячу,
Ноги босы у меня».
«Вот тебе платок шелковый,
Оберни босые ноги».
«Ни к чему платок мне этот,
Я сама себе куплю».
«Напои же мне коня ты,
Тебе туфельки куплю».
«Ни к чему они, их купят
Батюшка да матушка».

* * *

Добрый молодец тоскует,
В одиночестве живя.
Вот совета он послушал,
Стал искать себе невесту.
Но на ком ему жениться
И кому дарить колечко?
Вот идёт одна с пригорка,
Машет шёлковым платочком.
На её холёных пальцах
Золотые перстенёчки.
И спесива и богата,
Только сердцу не любя.
А другая вышла с песней –
Златовласая девчонка.
«Будешь ты моей невестой?
Ты без золотых нарядов,
Без коня я вороного.
За меня не хочешь выйти?»
Знать другому обещалась...
Вырою себе могилу,
Ты отдашь кольцо другому.
Буду я лежать на горке,
А другой уйдёт с тобою...
«Отчего сказали парни,
Что пою для них я песни?»

* * *

Через Даугаву мне мама
Жениха перевезёт.
Чудно, чудно, мило, мило,
Лето красное приходит.
С песней девушки ликуют
И звенят верхушки леса.

* * *

Я у матушки богата,
Девять юбок у меня.
Три сниму я, три одену,
Три под голову возьму.
Я у матушки богата,
Вьются девять женихов.
Трёх зарежу, трёх повешу,
Трёх до нитки разорю.
Я у матушки богата,
У меня девять коней,
Трёх гоню я, трёх веду я,
Три на привязи идут.

* * *

Шла я рощей серебристой
И пруточка не задела.
А задела бы пруточек,
Так и слёз не собрала бы...
Я юна была, плясала,
Только с песнею жила.
Впереди ведь те денёчки,
Когда буду горько плакать, –
Когда буду горько плакать,
Когда буду лить я слёзы.
Слёзы горькие утру я
Тонким шёлковым платочком.
Я платочек вымою
В свежей утренней росе.
Вымою, потом повешу
На верху берёзы стройной.
Года три уж та берёза
Не росла, не расцветала.

На четвёртый, на годочек
Расцвела чудесным цветом.
Золотистый цвет на счастье
Бесприютной сироте.

* * *

Три девицы похвалились
За Даугаву переплыть.
Две девицы переплыли,
Третья канула на дно.
Где та третья утонула,
Дерево там выросло.
Там берёза выросла
С золотыми листьями.
Мимо той берёзы стройной
Добры молодцы прошли.
Веточку одну сорвали,
Клали в шёлковый платок,
В кладь с приданым да на дно.
Сколько крышку поднимали, –
Столько слёз и проливали.

* * *

Всходит солнышко высоко
Над лесом сосновым,
Красна девушка вернулась
От гостей далёких.
Как ты, девушка, красива.
Кто тебя растил, лелеял?
Солнышко на небе ало,
Щечки у тебя алее.
Двое, двое, кто те двое,
Кто не спит в ночную пору?

Добру молодцу не спится,
Размышляет он о милой.
Да не спит и девушка,
Варежки ему всё вяжет.
«Ни за что не выйду замуж,
А тебя дождусь я, милый,
Лишь тебя дождусь, мой милый,
Добрый молодец хороший;
Лишь тебе отдам я руку
И колечко золотое».

* * *

У черёмух цветы белы,
Только ягоды черны.
Как у мамы славны дочки
И зятя все хороши.
С братцем я пошла на танцы,
Золото кольцо на пальце.
Стала я плясать, а с пальца
Золото кольцо упало.
А упавши, покатилося
К добру молодцу под ноги.
И сказал он поднимая:
«То кольцо моей невесты.
Ты приди на ранней зорьке –
И верну тебе я перстень».
Вот пошла я ранней зорькой.
Просит он: «Ты посиди».
Я присела на минутку,
Задрожала, как листок.
Как листочек, задрожала,
Словно роза, расцвела...

* * *

Хоть бы знать мне человека,
Кто тебя растил, лелеял?
Хоть узнать бы матушку
С дочками красивыми.
У неё тогда просил бы,
Чтоб одну мне отдала.

* * *

«Где, мой милый, ночевал ты –
Под сосною иль под елью,
Иль у красной девушки?»
«Не под елью и сосною,
Не у красной девушки.
На поляне возле дуба
Вместе с вороним конём».
«Если бы я знала это,
То тебе бы я послала
Две пуховеньких подушки,
Расписное одеяльце».

* * *

Лети, пчёлка, в ту деревню,
Где живёт мой суженый.
Отнеси ему привет мой
Под медовым крылышком;
Ему варежки украшу
Я цветочками лесными,
Чтоб меня он так любил бы,
Как пчела лесной цветок.

* * *

Пойте, девушки, со мною,
Я немало песен знаю.
По чужим ходил я странам,
Эти песни собирал.
Клад богатый этих песен
В моей памяти хранится.
Все родные мы сестрицы,
Все в дубовых мы веночках,
Да одна их носит с честью,
А другая на бесчестье.
Той, что носит с честью, Лайма
Розочки в венок вплетает;
Той, что носит на бесчестье, –
Той шипами украшает.

* * *

Ала роза расцветала
У края дороженьки;
Расцветала эта роза
Красно-белыми цветами,
Привлекала эта роза
Добрых молодцев всё лето.
«Ах, зачем росла, цвела ты,
Привлекала молодцев?»
«Вольно мне расти, цвести,
И всё лето привлекать
Молодцев удаленьких».

* * *

Моя любя за рекою –
Молодец о ней тоскует:

«Ты скажи одно словечко:
Мне брести иль плыть к тебе?»
«Можешь плыть или брести,
Иль не плыть из-за меня,
Не пойду я за тебя.
Я милого подожду
Удалого молодца,
Пока милый подрастёт...»
Не успел пропеть одну я,
Девять новых уж готовы.

* * *

Серебристых три реки
Вдоль двора брата текли;
В одной коровушка пила,
В другой пили жеребцы.
А сестрица в третьей речке
Свой веночек полоскала, –
Свой веночек полоскала,
На камыш повесила.
Щучка лихо выплывала
И веночек тот срывала.
Тут дохнул суровый ветер
И унёс его на море.
«Сделай, милый братец, лодку,
Привези мне мой веночек».
Тяжела дубова лодка
И сейчас пойдёт на дно.
«Сделай ты из липы лодку,
Привези ты мой веночек».
Эта лодочка легка,
Мне веночек привезла.

* * *

О мужчинах не тужила,
Ни о юных, ни о старых:
Старых в печку я засуну,
Юных паром я запарю.
Старых я на ель повешу,
Юных всех – на веточки;
Старых заклюют вороны,
Юных сгложут муравьи.

* * *

На волнах река колышет
Раззелёненький веночек,
По реке с весёлой песней
Девушку дружки везут.
Скот пасла я у ручья,
В волны кинула венок:
Пусть его возьмёт волна,
А не молодец лихой.

* * *

Мне родимая сказала:
«Ты парней не привлекай».
Парни сели по рядам,
Среди них один желанный.
Дам ему свою я руку,
Золотой свой перстень дам.

* * *

По волнам ладья скользила,
К дочкам пахаря плыла.
У него красивы дочери,
Ткут для лодок паруса.

Ткёт одна, прядёт другая,
Третья шьёт себе платок.
«Дай мне, матушка, ту дочку,
Что шелковый шьёт платок.
Если ты не дашь ту дочку,
Я от жалости умру.
Где схороните тогда вы
Горемычного меня?
Вы в саду меня заройте
Под кустами алых роз».
Расцвела одна там роза,
Девять алых лепестков,
Там гуляли три девицы
И плели себе венки.
Вот одна: «Сорвём мы розу».
А другая: «Рвать нельзя».
Третья молвила девица:
«Это молодца душа».

(«Латышские Дайны», 1022 г., т. II, №1381)

Из латышской поэзии
(переводы)

Янис Райнис
(1865 – 1929)

Из поэзии «Солнечные годы. Эпос детства» *

*О страна родного детства!
Ты являешься в мечтах мне.*

Годы детства – годы солнца:
А оно ведёт ребёнка, –
Вырастает и уходит
Он от солнца к ночи лунной!

Лунный свет прозрачно-нежен;
Ярко юноше он светит;
А мужчине светят звёзды,
Звёздный век – мужская зрелость.

Но и звёздный путь недолог,
Беспредельна бесконечность;
Старец тянется к вершинам,
Годы старца – мир нездешний.

Годы детства – солнца годы:
Света ласково сиянье,
Красоты чудесна правда, –
Счастья дочь сплетает песни.

Годы солнца пролетают,
Нега юности уходит, –
Проза жизни побеждает,
Вдохновенье угасает.

...

Недоволен мой читатель –
Это я давно заметил:
Требует он сроков ясных –
«Ты в каком году родился?»

«В тыща восемьсот (родился)
Шестьдесят году я пятом,
Как в свидетельстве крестильном
Говорится ясно, точно.

...

Далее уже известно:
Кришьян – мой отец, мать – Дарта.
Дед Андрей, моя бабуся, –
Никогда я их не видел...

Так из Плиекшанов отец мой –
Мать из Старого имения
Одыньмай, – но оба славны
Древним племенем земгалов.

...

Были у меня два брата
До меня, что в мир явились,
Но ушли вдруг, не дождавшись
Моего они рожденья.

По всему, скажу вам, видно
Были мудры оба брата –
Лишь взглянуть на жизнь успели
И ушли скорей из жизни.

После них ещё явилась
До меня сестра Элиза,
Осталась она на свете,
Но без радости, как видно.

...

Сказано в моей крестильной
И заверено печатью:
Я крещён в Калдабруннской церкви
Точно «neunzehnten September».

Значит, я из Таденавы
Путешествовал малюткой
Двух недель впервые в церковь,
Чтоб добыть права гражданства...

И рукою мокрой пастор
Голову мою погладил,
Ну а я – скажите право, –
Укусил его за палец.

...

В распашонке-рубашонке
С веткою в руке играл я,
С непонятной детской песней
Я в песочке ворошился.

Вдруг петух, певец здесь первый,
Кинулся ко мне на плечи:
Отчего его наседок
Криком я своим пугаю?

Вырвал пух волос с головки,
Заклевал мне щёки, шею, –
Чем бы кончилось, не знаю, –
К счастью, вышла тут сестрёнка.

...

В трёх верстах от Даугавпилса
Взял отец себе именье
Рандене, гласит в том запись;
Люди говорят: Михновка.

...

Даугава разбушевалась,
Залила луга волною.
Вот вода крадётся к грядкам,
Веткою я путь измерил.

Волны хлещут через берег,
Мальчик – в дом, вода – за домом:
«Мама, Даугава к нам в гости
Погостить пришла, должно быть!»

Старый дом мы скоро срыли:
Где же только жить телятам?
Ведь земля пуста и гола,
А дома встают нескоро.

Что ни день – вздымалось чудо,
Пахли доски смоляные –
Здесь вот дверь, здесь будут окна,
Здесь вот крыша над стеною.

Вот столы уже накрыты:
Мясо, вдоволь хлеба, пиво.
За столами – домочадцы,
Под столом – сидят собаки.

И теперь собак я помню –
Ростом был я с них, пожалуй,
Люди взрослые нас часто,
Малышей, не замечали.

Мой дружок был старый Мардан,
Он в лесок со мною бегал,
Да его заели волки,
И о нём я долго плакал...

Майская песня

Пусть дождь поёт с пургой органной,
Пусть воды мчат, леса шумят,
В ущельях, в вихре ураганном
Пусть грянет гром, ударит град.

Пусть преградят нам путь все черти,
Но им назло весна придёт,
А с ней воспрянет дух свобод
И май порвёт оковы смерти.

Пусть палачи казнят рабочих,
Пусть мучат, колят и грозят,
Пусть точат кровь с утра до ночи,
Пусть градом пуль толпу разят,

Пусть города спалят огнями,
Пусть бьют и жгут, у матерей
Пусть жадно вырвут их детей, –
Но и народ на них восстанет...

Хоть сотый раз мы в битве пали, –
Мы снова станем впереди,
И взяв оружие мстящей стали,
В последней битве победим!

Рабочим нет пути иного,
Как только счастье с бою взять –
Семьёй свободной в мире стать,
Тельца повергнуть золотого.

Былое

Всё в ярком сияньи там чарами блещет,
Волшебные звуки в созвучьях трепещут.
Над долом, над лесом там девичьи песни
И дымы весенних костров там чудесны.
Безмолвен вокруг заколдованный лес,
Там замки подводные, россыпей блеск.
Русалки там в омутах грустно смеются
И в лунном сияньи у берега вьются.
Там скорбные песни сиротки поют,
На барщину вновь к господам идут.
А в поле всё мелет Змея муку
Для тех, в чьей власти продлить тоску...
И всадник там скачет с рассветом кровавым,
Свой меч закалит он отмщением правым.
И сказочный замок тогда на рассвете
Из мрака восстанет сквозь дымы столетий.
И радугой солнце заблещет на нём
Зелёным, и синим, и красным огнём.

Человек и страданье

Душа человека, душа полунищая,
Тебе ли сравниться с природою вечной?
В борьбе и страданиях, в грызущих сомненьях
Душа человека, безжалостно рушится.

Природа живёт красотой безразличной
И ей ли нужны человек и страдания?
Спокойно-прекрасная, вечно холодная,
Как звёздная даль легендарного рая!

Блудный сын

Пронесятся дожди среди долин,
Где он бредёт в лохмотьях, босоногий...
Вы мыслите сейчас, что блудный сын
Униженным предстанет на пороге?

Не ясно ли вам всем, что он один
Не сломлен, горд и взгляд простой и строгий
Горит, как солнца луч среди долин?

«Нет, голову свою под игом не склоню –
Как судия вернусь, из храма изгоню!»

Вилис Плудонис
(1874 – 1940)

Фрагмент из поэмы «Сын вдовы»

На мхи опираясь гранитных плит,
Веками таинственный замок стоит,
Он верен науке, добру, красоте,
И крыша прозрачна на золоте стен.

У сказочных сводов дрожит полумгла,
Блестящие солнца встают без числа;
Лучи будто в ясных озёрных водах,
И млеют и гаснут в хрустальных полах.

В синеющей бездне небесных высот
Тот сказочный замок как рыцарь встаёт,
Высокие башни волшебно горят,
Лучи над землёю от них скользят.

А башни взметнулись в небесный простор,
Напрасно за ними стремится взор:
Ни света, ни воздуха – мрак лишь и страх,
Пространство и время застыли в веках;

У стен в ослепительно-сладкий сон
Весь остров цветущий давно погружён;
Там праздник у граций и муз без конца,
Навстречу прекрасному бьются сердца.

Как Сириус блещут цветы от огня,
Там лилии дремлют, головки клоня,
И музыка нежно звучит в лепестках,
Горя поцелуем на жадных губах.

Проворно янтарные реки текут,
И в разные стороны мира бегут;
Кто в бурных струях искупается раз,
Тому открывается мир тотчас:

Дороги он звёзд и планет объяснит,
Он мёртвых искусством своим воскресит,
Надежду и силу он в сердце вдохнёт.
Немой говорить оживлённо начнёт:

«О, странник, зачем ты у входа стучишь?
Зачем нарушаешь волшебную тишь?»
И юноша молвит во власти мечты:
«Я тот, кто желает достичь высоты!

Горит моё сердце и ищет пути, –
Я в замо́к, я в замо́к хочу войти!» –

«Страданья, сомненья известны ль тебе?
Нужду испытал ты в горючей судьбе?
Ты знаешь, что значит болотом брести,
Сквозь бури надежду в душе пронести,
Ты в жизни трудился ль, терпел, создавал,
Кто в детстве твою колыбельку качал?..»

«Кто в детстве твою колыбельку качал», –
Несётся лишь эхо к нему через зал,
И море бушует, и ветер шумит,
И чёрная птица ему говорит:

«О, юноша, юноша, – сердца мечты
С годами схоронишь в могилах и ты!» –
«Нет, ветер холодный морозит меня,
И жребий отцовский, молчанье храня,
Я нёс, и нужда с незапамятных дней
Кумою была у постельки моей!

Я в низкой, скосившейся хижине рос,
В ней мать омывалась в потоках из слёз,
Я видел, как горе, страданье и зло
Морщинами ей искажали чело.

Когда в тишине золотых вечеров
Устав я ложился под лёгкий покров,
Садилась и пела мне часто она, –
Та песня была точно стоны, грустна.

Заботы её на себя я возьму
И к самому солнцу её подниму,

Давно уж скитальца родимая ждёт, –
Откройте, пустите в таинственный вход!» –

«Ты сможешь ли смело достичь глубины,
Где воды морские всегда холодны,
Где вечная мгла поглотила свет,
Где звуков, пространства и времени нет?
Ты сможешь ли перл драгоценный найти,
И людям как солнечный дар принести?

О юноша смелый, дойдёшь ли один
До дальних и снежных познания вершин,
Где дух коченеет, кружит голова,
Где в миг на губах застывают слова,
Где верной дороги никто не сыскал,
Где северный ветер веками гулял?..»

«Где северный ветер веками гулял...» –
Несётся лишь эхо к нему через зал;
И море бушует, и ветер шумит,
И чёрная птица над ним кричит:

«О юноша смелый, подумай-постой, –
В снегах ты застрянешь ночью порой!..» –
«Вершин я достигну в далёких горах,
Меня не вернут ни бессилье, ни страх...
Пусть буря бушует, пусть ветер ревёт,
Я путь мой направлю лишь вверх и вперёд!

В холодные недра морей я спущусь,
Я глубь разрезать и любить научусь
И жемчуг блестящий найду я в ней,
Мерцающий радугой синих морей.

Потом я очищу его о волну,
Чтоб ярче алмаза мой жемчуг сверкнул,
А если и смерть усыпит на пути –
Я в замо́к, я в замо́к хочу войти!»

И медленно падают цепи ворот,
И белый лебедь над ним поёт:
«О дух окрылённый, за мною войди, –
Тебе улыбнётся весна впереди!»

Арвид Григулис
(1906 – 1989)

Сонет о море и любви

Сосна в жару одна над морем млеет.
В руках твоих струя прозрачных вод.
Кто полюбил, тот счастье узнаёт,
И сердце ждёт его и пламенеет.

Волна дробится в искры и синеет,
И судно по волнам вдали плывёт,
И море нас умчаться вдаль зовёт,
И ветер с новой силой с моря веет.

Ты брызги в воздух кинула руками,
И воздух облаками расцвечён, –
Я верю в жизнь сильнее всё с годами:

Труд с красотой будет обручён,
И пусть земля украсится трудами,
И вечен будет мирный бег времён.

Янис Зиемельниекс
(1897 – 1930)

Поцелуй

Случилось это в час полно́чи тёмной;
Когда блуждают звёзды в небесах –
Ко мне вошёл так тихо кто-то скромный,
Как ветер в очарованных лесах.

Невидимый в любовном исступленьи
Меня в объятья крепкие схватил,
И с уст моих, не зная утоленья,
Любовь глотками жадно пил...

И с этих пор постыл мне труд любимый.
В огне мятежном суждено гореть;
Гнетёт печаль меня неодолимо,
Я жду – как будто должен умереть.

Андрейс Балодис
(1908 – 1987)

Родина

Ты вечно в мечтах всё та же:
Небес ярко-синий покров,
Озёра, как взоры, влажны
И розов шёлк облаков...
Всё та же, всё та же, всё та же
Ты, Родина, вечно всё та же!

Ты, гордо стоящая, та же –
И меч, закалённый в огне;
И дуб величавый на страже
Свободнее вырос – и даже
Вершиной шумит в вышине!
Всё та же, всё та же, всё та же
В боях ты, Родина, та же!

В цветах ты воспрянешь всё та же,
Светло небеса расцветут;
Ты выйдешь из бури вражьей,
Украсится скирдами пажить,
Огнём горизонты мелькнут.
Всё та же, всё та же, всё та же
Ты, Родина, – встанешь всё та же!

Карлис Скалбе
(1879 – 1945)

Рыбка

По воле струй качаясь,
Гляжу в морскую гладь...
Мечтая, собираюсь
Всю моря глубь обнять.

Сквозь синь волны стеклянной
Я в вечность посмотрю –
Уж ею несказанно
Я с детских лет горю.

Так светлы лилий лица –
Текут ко мне с волной;
Вот рыбка серебрится
Меж ила подо мной.

Чешуйками сверкая,
Она со дна плывёт;
Я жадно наблюдаю
Её свободный ход.

И тянет губы рыбка
Лазоревые мне,
Но ветер гонит зыбкий
Мой парус по волне.

Мирдза Кемпе
(1907 – 1974)

Моцарту

В скорбное мгновенье
Боль уйми скорей,
Звуком вдохновенья
В сердце свет разлей.

Льётся в вихре снежном,
Слёзы затая,
В чашах лилий нежных
Музыка твоя...

Прошлое искрится
В дымке голубой,
На моих ресницах
Свет алмазный твой.

В радости сердечной
Мне весь мир светлей.
Сердце жаждет вечной
Ясности твоей.

Озеру

К пескам твоим не добежать волнам,
Тебя не окропит небесною росой,
Но корни влагу пьют твою в полдневном зное
И мёртвая земля тобой оживлена...

Клокочут под землёй холодные ключи
И тёмною водою шумят в твоих глубинах,
И ты несёшь струи по омутам, ложбинам,
И к солнечным лучам ласкаясь, ты журчишь.

В тебе, как в зеркале большом, отражены
Роскошный круг цветов, деревья, полдень жаркий.
Ты как источник, полный солнцем ярким
И хором звёзд, и месяцем ночным...

Гимн весне

Слава весне!
Шумные ливни в полях оживлённых,
Тонкие стебли смарагдов зелёных,
Пламенный солнечный взлёт.
Почки и листья, дрожащие тайно от счастья,
Розовый свет над водою, волнами шумящей,
И мотыльков хоровод.

Славьтесь леса, что раскинулись пышно на воле,
Славься ты, пахарь, трудящийся в поле,
Славьтесь и вы, серебристые зори,
Ветка берёз в вышине!
Славься, ты, сердце, зажжённое радости хмелем,
Жизнь, мне объятая открывшая в вихре веселья –
Слава весне!

Венок

День молвит: я быстротечен,
Уйду по мосткам серебристым
И пламенем с утром мгlistым
Сольюсь. Не хочу навечно
В болотной остаться трясине.
Мрак ночи стираю я синий
Во славу великого солнца.
В янтарные гляну оконца
И кину себя как венок я
На пламя костров высоких...
Пылая, сгорая в мгновенья,
Я вечно цвету в поколениях!

Милда Лосберга
(1923 - 2011)

Гранит

Я та женщина,
Которую нужно ещё воссоздать –
Мой прообраз живёт в твоей любви.

Ещё я камень, –
Меня обнимает сырая земля,
Но холодна моя грудь,
Когда надо мною звёзд лучи пролетают.

Ещё я камень, –
Я дружу с корнями деревьев
И с краем серо-голубого неба.
Иногда я слышу весну,
У неё необычайный голос
И у тебя тоже.

Я не знаю, придёшь ли ты,
Отсечёшь ли мою тяжесть,
Отдашь ли солнцу розовость гранита,
Воспламенишь ли ты меня,
Чтобы я стала живой и ясной,
Чтобы огнём я стала,
Чтобы жила я свободной.

Не хватит мне поцелуев,
Не хватит рук тепла,
Не хватит обычного голоса весны, –
Ты должен быть камнетёсом,
Чтобы труднейшую делать работу:
Создать из гранита любящую женщину.

Ты придёшь?
В мире так много удобнейшего материала,
И всё же я тебя жду.
Мой прообраз живёт в твоей любви.
Я стану живой и ясной,
Я стану огнём,
Я буду свободной...

Валдис Гревиньш
(1895 – 1968)

* * *

Зажги светильники, зажги,
Быть может, сердцу легче станет, –
Когда во мраке нет ни зги,
Тебя их пламень не обманет.

Когда электросвета нет,
Когда нужна нам снова сказка, –
Быть может, этот тёплый свет
Для сердца станет тёплой лаской.

Быть может, пламя – свет и тень –
Расскажут нам, что будет, было,
Или с мечтою новый день
Вдруг засияет с новой силой.

Зажги светильники, пусть вновь
Живое пламя сердце греет.
Быть может, песня про любовь
На мир волшебный сон навеет.

Альфред Круклис
(1921 – 2003)

Планеты

Люди перед своим стартом
Словно планеты, кружатся.
У каждого из нас –
Свои Помпеи, Спарта
И – в блеске океана – Атлантида.
У каждого из нас –
Свои вёсны, лета,
Осенние ураганы
И тихие белые зимы.
Все живём мы
В своей эре, в своей атмосфере,
И только некоторые,
Словно планеты мёртвые,

Кружатся в эфире
Вокруг своей оси.
У них всё в прошлом –
Помпеи, Спарта и
Атлантида,
Они мерцают в забвенья свете;
Их вёсны, их лета,
Их осени, их ветры,
Их белые зимы –
Всё у них в прошлом,
Всё замерло без следа,
А может быть –
Ничего и не было никогда...

Зиедонис Пурвс
(1923 – 1989)

* * *

Мы все – и ты, и я, и он –
Мы строим жизнь, как можем, как умеем,
Как говорится, куй металл скорее,
Пока ещё он раскалён.

И пламень мы в самих себе
Должны разжечь и выносить до срока,
Чтоб жизнь от равнодушного порога
Не замерзала на тропе.

Пылай же, сердце, молодежи,
Люби неистово и исто,
Дроби металл, пусть брызжут искры,
И вечно бейся для людей!

Скайдрите Калдуне
(1922 – 2013)

Дорога

В детстве меня ты манила, большая дорога,
Но по зелёным холмам за собой не вела.
Часто глядел я, припав к затуманенным стёклам,
Как над тобою летала вечерняя мгла.

Часто молил я у счастья проворные сани,
Огненным полозом рвущие звончатый лёд.
Грезил я мчаться по Видземским тощим болотам,
В жизни узнать, далеко ли дорога ведёт.

Тщетно у счастья молил я коней быстролётных,
Но не стоял, а шагал, догоняя мечту.
Годы прошли, и навеки мне стала дорога
Другом большим, что надёжно ведёт в высоту.

И не молю я у счастья саней быстролётных,
Слушаю сердцем дороги я скрытую речь:
«Смело иди, если путь ты наметил далёкий,
Если для подвига сил ты не хочешь беречь!»

Иные Музы

(переводы с иностранных языков)

* * *

*Над стихами склонённый поэт
И свечи одинокий круг...
Письмена через много лет
Я читаю, как старый друг.*

*Ты писал на чужом языке,
И иные Музы в тот час
Диктовали Твоей руке
Эти дивные строки для нас.*

*Возвестил уж о смерти орган,
Но творенья Твои сильней
И вольней, чем степной ураган
Прозвучали в душе моей.*

*И теперь в отдалённом краю,
Над писаньями дух затая,
По словам огневым узнаю:
Ты страдал и любил, как и я!*

Джордж Гордон Байрон
(1788 – 1824)

* * *

Мой дух угрюм. Настрой скорее струны,
Лишь арфы звон меня ещё смягчит.
По ним пройдишь ты с негой пальцев юных,
Пусть шелест струн мой слух заморозит.
Я жив ещё. Своих надежд не скрою:
Ты разбуди их силой сладких чар.
Пусть слёзы с сердца чёрный пепел смоят,
Чтоб боль унять и потушить пожар.
Но в песне струн не тронь былые грёзы,
Былой любви напрасно не буди.
Певец, певец, нужны мне эти слёзы,
Иначе сердце сломится в груди.
Оно лишь билось в тягостном страданьи,
Вздыхая, свой свершало скорбный путь,
И вот должно в печальном ликованьи
Погибнуть или в гимнах потонуть...

Роберт Бернс
(1759 – 1797)

* * *

В горах моё сердце, моё сердце не тут,
В горах моё сердце, леса где растут,
Где я за оленем стрелою лечу,
В горах моё сердце постичь я хочу.

О север, о горы, уйду я от вас –
Простите, вы силы мне дали не раз!
В каких бы краях ни скитался один –
Нигде не забуду я горных вершин.

Простите же, горы, снега́ и льды,
Долины, овраги, теченья воды,
И выступ, что мохом седым порос,
И море, гремящее век об утёс.

В горах моё сердце, моё сердце не тут,
В горах моё сердце, леса где растут,
Где я за оленем стрелую лечу,
В горах моё сердце постичь я хочу.

Томас Моор
(1779 – 1852)

* * *

Приди, отдохни у меня, мой любимый,
Мой милый, мой странник, судьбою гонимый.
Тебе здесь улыбки сияющий свет,
И верное сердце здесь бьётся в ответ.

Я знаю: любовь тебе ясною силой
В печали, тревоге и скорби светила, –
Расспросами сердце твоё не томлю,
Тебя я, виновного, тоже люблю.

Ты ангелом добрым назвал меня летом,
Так буду тебе я тропюю и светом.
Теперь мы поборемся вместе с судьбой.
Тебя я спасу – иль погибну с тобой!

Генри Лонгфелло
(1807 – 1882)

Эксцельсиор *

На кручах мгла уже парит
И в Альпах, в вечном царстве льда...
Лишь юноша несёт свой щит,
Над ним сияет как звезда:
«Эксцельсиор!»

Серьёзен взор, горят глаза,
И меч сверкает как гроза;
Как звон меча тот звук летит,
Когда он грозно говорит:
«Эксцельсиор!»

В степи нагорной виден свет,
Огни костров его манят,
Но воин небу дал обет –
И вот уста его твердят:
«Эксцельсиор!»

Вот старец молвит: «Берегись,
В горах так холоден туман,
Тебе грозит паденьем высь».
Но воин грянул как орган:
«Эксцельсиор!»

И молвит девушка: «Приди,
Останься у моей груди!»
Но он с печалью синих глаз
Твердит в ответ, как много раз:
«Эксцельсиор!»

И путники кричат с полей:
«Беги, о юноша лавин,
Истлевших листьев и корней!»
Но им ответ летит с вершин:
«Эксцельсиор!»

И в Сан-Бернард – монастыре –
Монахи в церкви на заре
Молитвы шепчут впопыхах;
И где-то слышно в куполах:
«Эксцельсиор!»

С утра на склоне ледяном
Замёрзший путник найден псом.
Сдувает ветер снег с ланит,
А мёртвый крепко держит щит:
«Эксцельсиор!»

Лежит он в утренней заре
Прекрасен, нем и недвижим, –
Как звёзды в неба алтаре;
И всё звучит, звучит над ним:
«Эксцельсиор!»

Стрела и песня

Из лука стрела моя вдаль понеслась, –
Упала ли в море, иль в землю впилась?
Она улетела в далёкий предел,
Следить же за нею мой взгляд не успел.

Я смелую песню пропел от души,
И эхо носилось за песней в тиши,
Но глазом за нею нельзя поспеть,
А цели не зная, зачем же и петь?

И вот через год посчастливилось мне:
Стрелу я нашёл уцелевшей в сосне,
А песня звучит уже много дней
Всё с новою силой в сердцах людей!

Из французской поэзии

Огюст Барбье
(1805 – 1882)

Микеланджело

Усталый взгляд, лицо морщинами изрыто...
Великий Анджело – ты раб и царь труда!
Никто не видел слёз, в забвении пролитых,
Не улыбался Ты, как Данте, никогда...

И Муза строгая не знала сожаленья,
Лишь для неё одной Ты в мире был рождён,
Душа великая жила в плену мученья,
И Ты не чувствовал объятий нежных жён.

Буонарроти, гордый! Мощные стремленья
Ты в белый мрамор вдохновенно влил
И в них витал, как гений величавый;

Когда же грянуло последнее мгновенье,
Как лев, Ты гривую могучий стан обвил
И гордо умер, скорби полн и славы.

Теофиль Готье
(1811 – 1872)

Луксорский обелиск

Я страж таинственных развалин,
Над ними ходит солнца диск,
Средь них, на воле меря дали,
Стою, высокий обелиск.

И солнца луч так жгуч и долог;
Под ним, куда лишь взор ни кинь,
Протянут светло-жёлтый полог –
Пески безжизненных пустынь.

И обращён к земле песчаной
Свод неба, синий как река;
Давно в дали его туманной
Уже не вились облака.

И Нил, колышась без заботы,
Скользит вдоль берега светло,
Кой-где морщинят бегемоты
Воды свинцовое стекло.

А хищных крокодилов стая
Из жаркой вылезла реки, –
От зноя жалобно вздыхая,
Легла в палящие пески.

Вдали шакал над кем-то стонет,
Несётся гулкой смех гиен;
В лазури неба ястреб тонет,
Влача свою добычу в плен.

И Сфинкс, томясь на тверди синей,
Так полон тайн и тишины...
С чем я сравню тебя, пустыня,
Печаль полдневной стороны?

Леконт де Лиль
(1818 – 1894)

Сон кондора

По эту сторону скалистых Кордильеров,
Где среди туманов вьются чёрные орлы –
И выше кратеров, дымящих тучей серы,
Откуда лавы катятся валы

И массой огненной уносятся в ложбину –
Большая птица, напрягая злобный взор,
Глядит на солнце, сонную долину
И всей Америки безжизненный простор.

Пьер де Ронсар
(1524 – 1585)

Сонет

Под звуки лиры тихострунной
Мы колыхались на волне,
И прелесть ночи сребролунной
Нас убаюкала в челне.

Ты мне свила венок из лилий,
По лёгкой зыби мы неслись,
Душа была полна идиллий,
А над челном пылала высь...

И я над речкою вечерней
Угадывал твои черты,
Тебе вверял мои мечты
О южной ночи, нашем счастье,
О плеске волн и вечной власти
Твоей волшебной красоты.

Французские народные песни

* * *

Я в поле вязал снопы
И сорвал три белых цветка,
К ленте на шляпе своей
Их прикрепил слегка.

Три девы навстречу идут
Вдохнуть прохладу полей.
Впереди королева сама
В алмазной короне своей.

Вторая красива, стройна,
Одна из придворных дам,
В атласе и кружевах
Идёт по душистым полям.

А третья красивее всех,
Одега в наряд простой.
Она, как любовь моя,
Как алая роза весной.

Вот первая молвит: – Косарь,
Ты мне цветы подари.
– Прости, но для милой в полях
Собрал я цветы свои!

Вторая: – Ну дай хоть цветок,
Ведь знатная дама я!
– Прости, но сердце моё
Не поделишь между двумя!

А третья лишь подошла,
Заалев, как цвет красоты,
И отдал смущённо я,
Белые отдал цветы.

* * *

Клонился к вечеру день,
Вокруг затихали поля.
В тот тихий час на меже
Встретил девушку я.

За белую руку взяв,
Её повёл я в лесок, –
Я милую девушку ту
От слёз удержать не смог.

– Отчего же так плачешь ты?
– Мне слёз, увы, не сдержать:
Страшно невинной, юной
В лесу с тобою стоять.

За руку взяв, её
Из лесу вывел я,
Но только лишь вышли мы,
Запела красотка моя.

– Скажи, чего ты поёшь? –
Я спросить у неё посмел.
– Да я о растяпе пою,
Даже обнять не сумел.

– Тогда, красотка, пойдём
Со мною в лесок опять.
– Хоть перепёлка в руках,
Не тебе её ощипать.

* * *

Пернетта рано встаёт,
За два часа до зари,
Надевает платье она
И украшенья свои.

Но на каждом шагу
Льются слёзы рекой,
Мать задаёт вопрос:
– Что такое с тобой?

У тебя болит голова
Или жар в крови?
– Не болит у меня голова,
Это всё от любви.

– Не плачь, Пернетта, не плачь,
Сбудутся все мечты.
Выйдешь за принца
 иль, может быть,
За бароном окажешься ты.

– О нет, мне не нужен барон,
И принц не надобен мне, –
Желанен мне друг мой Пьер,
Сидящий сейчас в тюрьме.

– Вот как, повесят его тогда,
Не будешь с ним всё равно!
– Раз повесите Пьера вы,
То казните меня заодно!

Но осыпьте розами нас
И схороните вдвоём,
Опустите в могилы нас
На Сен-Жака пути большим.

Осыпьте же розами нас, –
Богомольцы мимо пройдут,
Пусть они возле могил
Молитвы за нас вознесут.

Прохожие там не сорвут
Ни цветочка жадной рукой,
Но попросят, чтоб даровал
Бог нам вечный покой.

Немецкие народные песни

* * *

Прощай, уж ночь кругом,
А мне в лесу ночном
Блуждать без крова.
По клеверу в летний зной,
По снежным полям зимой
Приду я снова.

В горах печален дол,
Где я любовь обрёл,
Где жил я часто.
Что сделала ты со мной? –
Наполнила мой покой
Ты жгучей страстью.

Течёт, журчит ручей.
С тобой среди ветвей
Сидели здесь мы.
Забыла ль ты ту весну,
Как сердце к сердцу прильнув,
Звенело песней?

Красотки в цвете лет
Фальшивее монет –
Не верь их слову.
Прощай же, уж ночь кругом,
Я буду во мраке ночном
Блуждать без крова.

* * *

Перед колодцем липа
Ветвистая росла,
В её тени прохладной
Мечта моя цвела.

В коре слова к любимой
Я вырезáть любил,
И в радости, и в горе
Я к липе приходил.

Уйду отсюда ночью
В далёкие края,
Перед уходом молча
Глаза прикрою я.

Здесь кажется, что ветви
Всё шепчут надо мной:

«Иди ко мне, мой милый,
Ты обретёшь покой».

Срывает ветер шапку,
Путь преграждая мне,
Но всё ж иду упрямо
Я к чуждой стороне.

И где бы ни скитался
Я по стране чужой,
Всё слышу шёпот липы:
«Ты обретёшь покой».

Польские народные песни

* * *

– Соскочил с коня неладно,
Вывихнул я ногу,
Не могу, Марысенька,
Отправиться в дорогу.

– Ты за лекарем иди
Иль иди за паном.
– Коль мне лекарь не поможет,
Сама лечи, кохана!

Постели-ка, милая,
Мне в каморке ложе:
Ляг со мною рядом ты,
Это мне поможет.

– За врачом могу послать я,
Лечь нельзя, ей-богу,
Чтобы пламень не ударил
В ту больную ногу!

– Ты огня того не бойся,
Марысь, дорогая, –
Обнимать и целовать
Буду до утра я!

* * *

Ясь на лугу, на лужочке лежит,
Горячая кровь из раны бежит.
Вот видит Ясек отца своего, –
Он плачет, молит, корит его:
«Отец мой, отец мой, уйди от меня,
Ведь всё равно умираю я!»

Ясь на лугу, на лужочке лежит,
Горячая кровь из раны бежит.
Вот Ясю явилась мама его,
Жалеет сыночка она своего:
«Ах, мамочка, мама, уйди от меня,
Ведь всё равно умираю я!»

Ясь на лугу, на лужочке лежит,
Горячая кровь из раны бежит.
Вот милая к Ясю пришла его,
Жалеет она жениха своего.
«Ты сядь, любимая, возле меня,
Теперь не умру уж, наверно, я!»

Из испанских песен

* * *

Ты расцвела, малютка, пышно,
Настала, видно, любви пора, –
Ты колокольчик кристально-звонкий,
Вылитый мастером из серебра.

* * *

Я робко взор свой опускаю,
Когда ты смотришь на меня.
Твои глаза горят, как солнце,
И я пугаюсь их огня.

Из болгарской народной поэзии

Ночью блещет ясный месяц,
Днём светлеют небеса,
Лучше нет на целом свете,
Чем твоя, мой друг, краса.

Ты, как белый ангел с неба,
Так мила – я твой певец.
Ты царица, ты девица,
Женской прелести венец.

Только лишь тебя увидел –
Весь горю я, как в огне;
Я не знаю с той минуты,
Что я, где я, кто ты мне.

Я тобою словно брежу
И вздыхаю о тебе,
Грустно руки простираю
С мыслью о твоей судьбе...

Коль умру, вздохни, сердечко,
На могиле ты моей.
Чтоб мою утешить душу,
Хоть одну слезу пролей.

Биографические данные

Владимир Владимирович Мирский родился в Одессе в 1920 году (21 декабря). Его отец, польского происхождения, окончил Варшавскую консерваторию по классу фортепиано, а позже инженерное училище; будучи офицером царской армии, принимал участие в Первой мировой войне, затем в белом движении. Мать, Нина Валериановна Бочковская, русская, певица, обучалась в Одесской консерватории.

После рождения сына семья нелегально переезжает в Польшу – в Вильно (Вильнюс), где вскоре, в 1923 году, умирает отец. В 1929 году мать с сыном переезжают в Латвию, в Ригу. В. Мирский поступает в 6-ю основную школу. Вместе с матерью поёт в церковном хоре, слушает русские песни в её исполнении, проявляет интерес к народному творчеству. Вскоре из-за тяжёлой болезни матери попадает на полтора года в приют, а позже квартируется у знакомых.

1930 – 1941 гг. – учёба В. Мирского в 9-й рижской русской основной школе, а затем (с 1936 г.) в Рижской Правительственной русской гимназии, где ему была выделена стипендия от архиепископа Иоанна Поммера. Первые публикации стихов в рукописном школьном журнале «Досуг», участие в хоре под руководством К. Е. Климова, знакомство с Юрием Глаголевым (1941), дружба с которым продлится всю жизнь (см. комментарий к стр. 175).

1944 – 1947 гг. – учёба в Латвийском Педагогическом институте по специальности «русский язык и литература» с получением, по окончании его, квалификации учителя средней школы.

С 1947 г. – преподавание русского языка и литературы, а также латышского языка, логики, психологии и истории искусств в школах Риги.

В 1951 г. В. В. Мирский вступает в брак и в Свято-Троицкой церкви (в Задвинье) венчается с Ириной Альфонсовной Осис.

1952 г. – рождение сына Сергея.

1954 г. – рождение сына Александра. С этого времени В. Мирский, наряду с педагогической деятельностью, занимается поэтическими переводами, публикуется в газетах и журналах. Одна из первых публикаций – в «Антологии латышской поэзии» в 1955 году – поэма В. Плудониса «Сын вдовы» в переводе В. Мирского.

1959 – 1963 гг. – В. Мирский является аспирантом-заочником Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской.

1964 – 1992 гг. – преподаватель кафедры русского языка и литературы Латвийского государственного университета им. П. Стучки (ЛГУ).

1966 г. – защита кандидатской диссертации по теме «Русские народные семейные песни».

1967 г. – рождение сына Андрея.

С 1978 г. В. Мирский, получив учёное звание доцента, читает лекции в ЛГУ по истории древнерусской и русской литературы XVIII – XIX веков, по русскому народному творчеству и фольклору; ведёт семинары «Выразительное чтение»; руководит курсовыми и дипломными работами студентов, их фольклорной и педагогической практиками, пишет научные статьи. В. В. Мирский является автором отдельных учебных пособий, монографии «Сравнительная поэтика

лирических песен разных народов», составителем хрестоматии «Древнерусская литература» (изд.: Рига, Звайгзне, 1982).

1991 г. – выход сборника стихотворений и поэтических переводов В. В. Мирского «О вере, России, душе», изданного Рижским культурным центром «Улей».

В последние годы жизни В. В. Мирский выступал с лекциями по искусству от общества «Знание» на темы «Андрей Рублёв», «Илья Глазунов», «Сокровища Лувра», «Шедевры итальянской живописи» и другие, а также с 1993 года читал лекции по древнерусской литературе в Рижской Духовной семинарии и в Воскресной школе при Свято-Троицкой Задвинской церкви.

В 1998 году – в год смерти В. В. Мирского – была издана вторая книга стихотворений – «Ступени», а позже, в 2001 г., автобиографическая проза «Молитва матери, или Горькие и сладкие плоды» (издательство «Улей»).

Ушёл из жизни 20 сентября 1998 г. Похоронен в Риге на Ивановском кладбище, недалеко от церкви во имя Св. Пророка Иоанна Предтечи.

И. А. и В. В. Мирские

Чаша бытия.

Тень женщины и робкий взгляд любви,
И детских глаз невинное смущенье,
И выращенный колос на нови,
И плеск знамен, и громкий гул сраженья, —
Вот чаша бытия, ты пей до дна,
Пей из нее, не зная утоленья,
И вечность будет и тебе дана !

В. Мирский
Стихотворения.

Чаша бытия.

Тень жемчужки и робкий взгляд любви,
И детских глаз невинные слезинки,
И вращающийся колесо на колесе,
И плеск знамен, и грохот гуд стрелы,
Вот чаша бытия, тапей до дна,
Тепи из нее, не знав утробных,
И вечность будет и тебе дана!

Текст – печатный и рукописный – стихотворения
В. В. Мирского «Чаша бытия». 1982 г.

Комментарий

Стр. 7

Стихотворения, дата создания которых не установлена, размещены в книге без учёта хронологии.

Стр. 24

«Вербное воскресенье»

Первая публикация стихотворения состоялась в газете «Русский вестник» № 45, 18 апреля 1944 г.

Стр. 25

«**Воскресение**» – это стихотворение, посвящённое в 1970 г. Рижскому Кафедральному собору, создано было в 1944 г. и в первоначальной рукописи называлось «Голгофа» (различия в тексте выделены курсивом):

В мерцающих огнях стоял я у Распятъя,
И над Голгофою курился дым кадил...
С какой любовью Ты в широкие объятья
Весь этот грешный мир, *казалось*, заключил!

И над крестом Твоим сияли ясно звёзды,
Не смертью веяло, а благостью кругом...
Ты снова умирал... кровавые борозды
Зияли на лице страдальческом Твоём.

Звучали в храме стройно ангельские гимны,
Рыдала вновь душа в скорбящей тишине.
У бледных ног Твоих так розы были дивны,
Что эти явь и сон смешались вдруг во мне.

«Христос Воскрес» – вокруг стоусто зазвучало,
И тысячью огней зажётся храм в тиши.
То было исцеления начало, –
То было воскресение души!

Стр 27

«Легенда о белом цветке» – это стихотворение В. В. Мирского, как и ряд следующих из этого собрания – «Колыбельная», «Мечта», «Солнечная девушка», «Поёт океан голубой», «Кто же ты?» (стр. 29 – 31), «Плавно кружится осенний жёлтый лист...» (стр. 40), «Я счастлив» (стр. 42), «Думы война» (стр. 44), «Молодые, молодые...» (стр. 50), «Я иду по России» (стр. 51), «Русский солдат» (стр. 77), – вдохновили композитора Ю. В. Глаголева на написание вокальных циклов песен, романсов, а также произведений для смешанного хора (см. комментарий к стр. 175).

Стр. 28

«Сиротинушка» – текст стихотворения печатается в соответствии с рукописью. Впервые стихотворение было опубликовано в газете «За Родину» №11, 17 янв. 1944 г., а затем в брошюре «Посвящение. Лирика» (РКЦ «Улей», Рига, 2002 г.), – опубликованный текст приводится ниже (отличия выделены курсивом):

Гаснет лампада моя разноцветная,
Тихо вблизи и вдали;
Спи, сиротинушка, спи, беспросветная,
Гостья далёкой земли.

Кудри рассыпались струйками хрупкими,
Щёчки пылают зарёй;
Шепчешь ты *тонкими, нежными* губками:
«Мама, *останься со мной*».

С ясной улыбкой, малютка любимая,
Маму свою не зови:
Рано в скитаньях погибла родимая,
Полная светлой любви...

Ну а теперь она в райских обителях,
В ярком сиянье лучей
Молит святых о своих же мучителях
И о малютке своей.

*Встанешь ты утром и с ветхой котомкою
В школу снегами пойдёшь,
С детскою радостью песенку звонкую
В классе с детьми пропоёшь.*

*Зимнее солнце закатными красками
Глянет в узоры окна;
Скажет учитель так тихо и ласково:
«Будь ты добра и умна».*

*Спи безмятежно, моя сиротинушка,
Спи и расти поскорей:
Знаю: отдаст тебе в жизни судьбинушка
Родину... счастье... друзей...*

Ниже фрагмент авторского оригинала:

Гаснет лампада моя разноцветная,
Тихо вблизи и вдали;
Спи, сиротинушка, спи беспросветная,
Гостя далекой земли.

Кудри рассыпались струйками хрупкими,
Щеки пылают зарей;
Шепчешь ты жаркими, тонкими губками:
"Мама, побудь же со мной."

Я не за тех ~~счастливых~~ ^{беснувшихся} матерей,
Я не за тех, изысканно-жёлтых,
~~И не за тех, всегда самовлюблённых,~~
~~В ульсской покидающих детей...~~
~~Что покидают в горькие детства.~~

Я за других: они в бореньи дней
Всю жизнь, всю кровь, всё детям отдавали,
Хоть ~~дочери~~ ^{свои} ~~переводили~~ ^{своей им, давая},
Но я горой за этих матерей.

О сын, остановись же у дверей,
Вгляни со всей серьёзностью мужчины
На руки мамы, на её морщины
И тёплой лаской сердце ей согрей.

Пройдёт метель, утихнет снеговой
~~И мы придём~~ ^{мы пойдём} к заветной той берёзе,
Пусть будет свет и пусть не дуют слёзы
За прежние обиды матерей.

~~И пусть тогда же уйдёт та боковая дорога
За то, что обижали матерей...
И нас тогда также не жалеют слёзы
И пусть тогда же не ударит слеза
За то, что обижали матерей.~~

И, может быть, тогда мы вспомним
И огорченья наших матерей.

Тест стихотворения В. В. Мирского
в последней авторской редакции

Стр. 44

«**Думы воина**» – монолог из кантаты Юрия Глаголева «Во имя Родины» (см. комментарий к стр. 175).

Стр. 45

Иван Алексеевич Спасский – друг В. Ф. Бергман, матери И. А. Мирской; знакомство с ним состоялось в 30-е годы в Риме. В. В. Мирский в книге воспоминаний «Молитва матери, или горькие и сладкие плоды» пишет о нём со слов И. А. Мирской: «...это был нежнейшей души человек: он трогательно пел под гитару старинные русские романсы, был хорошим хозяином», а также отмечает, что будучи в Испании, И. А. Спасский сражался против коммунистов, затем в рядах итальянского корпуса в звании офицера; видя бессмысленную гибель итальянцев в России, он сумел разоружить свою часть и привести её на советский командный пункт; не был расстрелян, но оказался в плену, в сибирской ссылке, после чего с подорванным здоровьем вернулся в Киев; советского подданства так и не принял, оставшись “нансенистом”, лицом без гражданства.

Стр. 124

Стихотворение было напечатано в книге «Ступени» (РКЦ «Улей», Рига, 1998 г.) в своём первоначальном виде (1983 г.) до авторской редакции (текст приводится ниже, различия в тексте выделены курсивом):

Я не за тех *счастливых* матерей,
Я не за тех, изысканно-холёных,
Я не за тех, *всегда* самовлюблённых,
С *улыбкой* покидающих детей...

Я за других: они в бореньи дней
Всю жизнь, всю кровь, всё детям отдавали,
Хоть *дочери порой их* предавали,
Но я горой за этих матерей.

О сын, остановись же у дверей,
Взгляни со всей серьёзностью мужчины
На руки мамы, на её морщины
И тёплой лаской сердце ей согрей.

Пройдёт метель, утихнет снеговой
И мы придём к заветной той берёзе...
Пусть будет свет и пусть не душат слёзы
За прежние обиды матерей.

Стр. 137, 139

Е. Е. Климов (1901 – 1990) – известный латвийский художник, график и искусствовед, автор мозаики «Троица», установленной в послевоенные годы в нише над воротами наружной стены Псковского Кремля. Евгений Евгеньевич Климов родился в Митаве (ныне Елгава). В 1926 году окончил Латвийскую Академию художеств. До 1940 года преподавал рисование и историю искусств в русских гимназиях г. Риги – в Ломоносовской, а затем в Правительственной, где в юношеские годы учился В. В. Мирский. Автор нескольких десятков картин, книг о русском искусстве, двух альбомов литографий: "По Печерскому краю" и "Городские пейзажи". С 1949 года эмигрировал в Канаду, где в возрасте 89 лет погиб в автокатастрофе.

Стр. 147

Ирина Альфонсовна Мирская – урождённая Ирена Осис, супруга и вдохновительница поэта В. В. Мирского.

Родилась в Париже в 1927 году. Детские годы прошли во Франции, Италии и Латвии. 1933 – 1939 гг. – учёба в Рижской 13-й русской основной школе, занятия в частной балетной студии А. А. Фёдоровой. 1939 – 1941 гг. – учёба в Риме в колледже «Мариа Сантиссима Бамбина». 1943 г. – учёба в Ереванском и затем с 1946 г. по 1950 г. в Рижском педагогическом институте. Более полувека И. А. Мирская преподавала в рижских средних школах, как русских, так и латышских (в 5-й, 12-й, 14-й, 53-й), французский, английский, немецкий и латышский языки. Ей В. В. Мирский посвятил многие свои лирические стихотворения и сонеты, а также несколько глав автобиографической прозы «Молитва матери, или Горькие и сладкие плоды» (<http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/mirskij-vozpominanija-pub/>).

Стр. 172

В. И. Синайский (1876 – 1949) – профессор ЛГУ – Латвийского государственного университета; ведущий специалист по римскому и гражданскому праву, председатель Общества ревнителей искусства и старины «Акрополь»; изучал русский и латышский фольклор, древнерусскую иконопись, сотрудничал с газетами «Сегодня», «Слово», журналами «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», «Daugava», «Jurists» и др., владел несколькими иностранными языками, состоял членом научных обществ США, Италии, Франции.

Стр. 175

Юрий Владимирович Глаголев (1926 – 2013) – друг В. В. Мирского со времени учёбы в гимназии. Член Союза композиторов Латвии, России, Международного Союза музыкальных деятелей, академик Российской Петровской академии наук и искусств. Создатель ряда

фортепианных пьес и симфонических произведений, лирических песен и романсов. В течение многих лет являлся художественным руководителем и дирижёром хора «Перезвоны». Похоронен в Риге на Ивановском кладбище (справа от церкви Иоанна Крестителя).

Начиная с 1945 года творческим содружеством поэта В. В. Мирского и композитора Ю. В. Глаголева было создано около 30 песен и романсов, среди них – «Легенда о белом цветке», «Я счастлив, как прежде», «Поёт океан голубой», «Солнечная девушка», «Песня молодых», «Я иду по России», «Школьный праздник» (премия Республиканского конкурса, 1953 г.), «Русский солдат», а также для смешанного хора «Русская песня», две части кантаты «Во имя Родины» (1958 г.) – «Думы воина» и «Подвиг», вокальный цикл «Звонкое детство» из 10 песен, – из них Мечта», «Колыбельная», «Кто же ты?». Песни на стихи В. В. Мирского звучали во многих концертах хора «Перезвоны» под руководством Ю. В. Глаголева. Композитор посвятил своему другу-поэту симфоническую поэму «Сердце Данко» (по Максиму Горькому).

Стр 176

В. Ф. Г. – Валентина Филипповна Глаголева, урождённая Благушко – хоровая певица и учительница, мать композитора Ю. В. Глаголева; отец его – Владимир Григорьевич Глаголев, хоровой дирижёр и композитор, регент церковного хора, учитель пения (см. коммент. к стр. 175).

Стр. 178

Анна Михайловна Новикова – профессор Московского университета кафедры русской литературы, вела подготовку аспирантуры В. В. Мирского.

Стр. 179

Е. С. А. – адресат посвящения «Нам всем, живущим жизнью тленной...» не установлен.

Стр. 181

Стихотворение посвящено супругам Галине Васильевне и Юрию Владимировичу Глаголевым (см. комментарий к стр. 175). **Галина Васильевна Глаголева** окончила Московский педагогический институт. Работала заведующей детским садом. Также служила певчей в церковном хоре церкви Иоанна Предтечи в Риге.

Стр. 182

А. М. Н. – Анна Михайловна Новикова (см. комментарий к стр. 178).

Стр. 183

Юрий (Георгий) Николаевич Лишин – друг Мирского, преподаватель музыки (фортепиано) в Рижской 1-й музыкальной школе им. Язепа Медыня. Его бабушка – Олимпиада Лишина (1875 – 1961), основательница частной русской гимназии в Риге. Его отец, Лишин Н. Н. (1899 – 1941), бывший морской офицер, автор книги «На Каспийском море. Год белой борьбы» (Прага, 1938), несколько лет жил в Китае, по возвращении в Ригу возглавил сокольское движение, был арестован и расстрелян.

Стр. 185, 186

Тель Вильгельм – легендарный народный герой Швейцарии, борец за независимость.

«**Долина Обермана**», Lento assai / e-mol. – центральная пьеса цикла Ференца Листа «Годы странствий»; музыка

навееяна композитору романом «Оберман» французско-го писателя Этьена де Сенанкура (1770 – 1846).

Стр. 188

Н. и И. Бородины – супруги Нина и Иван Бородины, друзья семьи Мирских. Нина Бородина (в девичестве – Рыжова) – бывшая соученица В. В. Мирского по гимназии. Иван Бородин долгие годы являлся служащим (дьяконом) Рижского Троицкого собора.

Стр. 190

Стихотворение посвящено двум Нинам: одна из них – супруга Ивана Бородина (см. предыдущий коммент.); другая – **Нина Робертовна Гусенцова**, по мужу – Могилан – преподаватель русского языка в 53-й средней школе г. Риги, её сын Фёдор Могилан является крестником И. А. Мирской.

Стр. 193

Виктор Клевецкий – астроном, открывший звезду, названную впоследствии его же именем – «Звезда Клевецкого». В годы юности В. Клевецкий являлся соучеником В. В. Мирского по гимназии. Его мать, Надежда Ивановна Клевецкая – воспитатель детского лагеря в Дубулты, в котором в детстве проводил лето В. В. Мирский; впоследствии была дружна с семейством Мирских.

Стр. 195

Г. Н. Смирнов – **Георгий Николаевич Смирнов** (1924 – 1987) – друг семьи Мирских, по профессии – зубной техник. Его дочь, Ариадна Георгиевна – жена среднего сына В. В. Мирского, Александра. Его отец, Николай Смирнов, был законоучителем В. В. Мирского в русской 9-й начальной школе. А также, в течение 40

лет являясь настоятелем Троицкой церкви в Задвинье, 2 сентября 1951 года провёл обряд венчания для В. В. и И. А. Мирских. С юности В. Мирский вместе с матерью часто посещал семью Смирновых, пел вместе с ней в церковном хоре Троице-Задвинской церкви. Младший брат Георгия Смирнова, Николай Николаевич Смирнов (1928 – 2015), долгие годы являлся настоятелем храма св. мученика Иоанна Воина в Москве.

Стр. 196

А. И. Шершунов – соученик В. В. Мирского по гимназии, друг семьи. Был в ссылке. Преподавал ф-но в 3-й рижской музыкальной школе, служил регентом в Покровской церкви в Риге, в Лиепайском Свято-Троицком соборе. Его отец – Иван Шершунов (1881–1970), выпускник Рижского Духовного училища (1898), а затем Рижской Духовной семинарии (1904), где он преподавал пение и чистописание. С 1922 г. по 1940 г. был директором Рижской 6-й русской основной школы (на Матвеевской улице), где в начальных классах учился В. В. Мирский.

Стр. 198

Л. М. Черфас – Лия Моисеевна Черфас, профессор, преподаватель латыни и античной литературы в Латвийском государственном университете им. П. Стучки, коллега В. В. Мирского.

Стр. 201

Людмила Даниловна Розен, подруга И. А. Мирской, обе (с 1941 г.) учились в Ереванском педагогическом институте на факультете иностранных языков. После переезда семьи Розен из Сочи в Ригу Людмила давала частные уроки английского языка, работала переводчиком на Рижском вагоностроительном заводе (РВЗ).

Её отец, Даниил Георгиевич Розен, был известным в Риге доктором.

Стр. 202

В. Ф. Бергман – Валерия Фёдоровна Бергман, родилась в 1907 г. в Митаве (Елгаве), мать И. А. Мирской (см. комментарий к стр. 147). По документам: Валерия Альфредовна Бергман. Её родители по происхождению обрусевшие немцы: отец Альфред Бергман; мать Анна Бергман (урождённая фон Кун), бывшая выпускница Смольного института благородных девиц в Санкт-Петербурге. Она владела несколькими языками и сумела передать своей внучке знания французского языка. Отец И. А. Мирской – Альфонс Осис; родители его Янис и Минна Осис (во втором замужестве – Минна Страутынь) латышского происхождения.

Стр. 204

И. А. К. – **Иван Андреевич Карпушин** (1923 г. рожд.), друг семьи Мирских. Участник Великой Отечественной войны, имел боевые награды; после войны нёс послушание Архиерейского иподиакона, посошника, исполнял обязанности личного шофёра митрополита Вениамина, архиепископа Филарета, архиепископа Никона, митрополита Леонида, митрополита Александра, вначале его Архиерейского служения. Последние годы являлся почётным псаломщиком церкви св. Александра Невского в Риге. Награждён медалью св. сщмч. Иоанна Рижского I степени (2009), а также, по представлению Митрополита Рижского и всея Латвии Александра Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, был награждён орденом св. благоверного князя Димитрия Донского II степени (2015).

Стр. 205

Сёстры Азеевы – Маргарита и Тамара, дочери генерала Константина Азеева и Лидии Романовны Азеевой. Сёстры трудились на Кузнецовской фарфоровой фабрике, – Маргарита работала телефонисткой. В их доме часто проходили музыкальные вечера, собиралась русская интеллигенция. До 1978 г. Маргарита Азеева являлась церковным старостой церкви св. Иоанна Предтечи, в 1981 г. она была награждена медалью преподобного Сергия Радонежского в связи с ее 65-летием и 35-летием деятельности при храме.

Стр. 207

Сергей Николаевич Дауговиш (1948 г. рожд.) – директор 79-й школы в Риге, друг семьи Мирских. В 1972 году окончил Латвийский государственный университет. С 1977 г. по 1979 г. – учёба в заочной аспирантуре филологического факультета ЛГУ. В последующие годы – преподаватель кафедры русской литературы в Латвийском университете, автор более 40 научных публикаций.

Стр. 208

Наташа Линёва – в замужестве Мирская – жена Сергея, старшего сына В. В. Мирского. Её мать в юности была соученицей В. В. Мирского по Ломоносовской гимназии.

Стр. 209

Нина Лишина – преподаватель русского языка в Рижской 1-й музыкальной школе им. Язепа Медыня, жена Юрия Лишина, друга В. В. Мирского.

Стр. 210

Маргарита Азеева – см. комментарий к стр. 205.

Стр. 213, 214

Александра Михайловна Розен – супруга доктора Даниила Георгиевича Розена. Их дочь – Людмила Розен. Семья была дружна с семейством Мирских. (См. комментарий к стр. 201).

Стр. 216, 217

Татьяна Васильевна Тополевская (1951 – 2019) – доктор филологии, профессор кафедры русского языка филологического факультета Латвийского государственного университета. Была студенткой В. В. Мирского в период своей учёбы на отделении русского языка и литературы филологического факультета ЛГУ.

Стр. 219

Лиана Григале – сводная сестра И. А. Мирской по отцу (отец – Альфонс Осис, мать – Влада Дзендолет). Лиана Григале имела двух родных братьев – Бернарда и Рудольфа. Родилась в 1941 году, накануне гибели отца, сражавшегося в рядах Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Стр. 220

Надежда Гавриловна Меньшикова – подруга матери И. А. Мирской. В течение нескольких лет проживала вместе с матерью, В. Ф. Бергман, в Каугури.

Стр. 221

Маша Мирская – внучка В. В. Мирского, дочь старшего сына Сергея.

Стр. 223, 225

В. Ф. Б. – Валерия Фёдоровна Бергман (см. комментарий к стр. 202).

Стр. 229

Георгий Николаевич Смирнов – см. комментарий к стр. 195.

«**Гимн новобрачным**» – адресат данного посвящения не установлен.

Стр. 233

Маргарита Васильевна Салтупе (1917 – 2006), врач. Урождённая Морозова. Окончила Рижскую русскую гимназию им. Ломоносова, затем училась на физико-математическом факультете Латвийского государств. университета, окончила курсы медсестёр (1943), затем Рижский медицинский институт (1951). Известна в Латвии как популяризатор творчества художника Е. Е. Климова, написала о нём книгу, способствовала изданию как письменного наследия Е. Е. Климова, так и статей о его творчестве, организатор персональных выставок художника в Пскове (1989) и Риге (1990), собрала коллекцию репродукций работ художника.

Стр. 234

Сергей Бородин – близкий друг семьи Мирских, сын Ивана Бородина, церковного служащего при рижском Троицком монастыре.

Стр. 235

Андрей Голиков – священник, клирик рижского Свято-Троицкого храма в Задвинье, был дружен с семьёй Мирских, писал стихи.

«**Раздумье о неизбывности бытия**» – адресат данного посвящения не установлен.

Стр. 239

Мара З. – полное имя: **Мария Павловна Табульская**, в замужестве **Закке**, главврач кардиологического отделения Университетской клинической больницы им. Паула Страдыня г. Риги. В. В. Мирский являлся крёстным отцом её старшего сына, а И. А. Мирская в бытность своей учёбы в балетной школе жила какое-то время в доме у Табульских (см. коммент. к стр. 147).

Г. В. Г. – стихотворение написано в память о покойной Галине Васильевне Глаголевой (см. коммент. к стр. 181).

Стр. 240

Георгий Смирнов – см. комментарий к стр. 195.

Стр. 244

М. И. Булгакова (1924 – 2019) – Мария Ивановна Булгакова (Замниборщ по рождению) – филолог, экскурсовод, писатель – автор четырёх книг. Родилась на Киевщине (в 1924 г.), окончила Черкасскую среднюю школу, затем курсы медсестёр. Участница Великой Отечественной войны в звании гвардии старшины медицинской службы. После тяжелого фронтового ранения была признана негодной к строевой службе, направлена в качестве солистки в полковой ансамбль, выступающий на передовой линии фронта в часы затишья. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, несколькими медалями. После войны окончила вокальный факультет рижского музыкального училища им. Язепа Медыня, а затем в 1955 г. филологический факультет Латвийского университета. С 1956 г. преподавала русский язык в вузах Риги. С 1970 г. была штатным сотрудником Рижского бюро путешествий.

Стр 245, 247

Н. Н. Крейер – Николай Николаевич Крейер, 1918 г. р., друг семьи Мирских. В 1936 г. окончил рабфак и поступил в Ленинградское Высшее военно-морское училище им. Фрунзе, из которого вскоре был отчислен из-за ареста и расстрела отца, бывшего офицера царской армии. Сидел в «Крестах», затем отбывал срок в ГУЛАГе, после был отправлен на фронт в штрафную роту. Участвовал в боях на Финском перешейке, в Восточной Пруссии, в Маньчжурии. Инвалид войны. 1946 г. – приезд в Ригу, встреча с матерью и братьями. В 1956 г. окончил Латвийскую государственную консерваторию им. Язепа Витола, работал лектором-музыковедом Белорусской гос. филармонии, художеств. руководителем Днепропетровской, Ульяновской и других филармоний страны. В 1960 г. реабилитирован. Автор ряда музыковедческих работ, очерков, статей рецензий, книг на латышском и русском языках: «Элегия памяти юноши», «Сестры Крустыньсон», «Прокажённые» и др.

Стр. 247

Юрий Максимов – рижский поэт, в течение многих лет являлся участником хора «Перезвоны» под руководством Ю. В. Глаголева.

Стр. 248, 252

Александр Иванович Мисюрёв (1936 – 2002) – мастер пейзажа и портрета, график, книжный иллюстратор, участник многочисленных художественных выставок. Его картины вошли в коллекции многих музеев мира, отмечены международными премиями. В юности обучался в рижской художественной школе им. Яниса Розенталя. Окончил Московский полиграфический институт, был распределён в Киргизию в г. Фрунзе.

Являлся главным художником Художественного фонда Киргизии. Совершил творческие поездки на Дальний Восток, Крайний Север, Каспийское море, побывал в разных странах мира. В 90-е годы переехал в Латвию, где работал и над пушкинской темой. Представил в Латвии несколько персональных выставок. Создатель живописного портрета В. В. Мирского, друг семьи.

Стр. 250

Марина Глаголева – преподаватель музыки (ф-но); в течение многих лет была концертмейстером хора «Перезвоны». Разделила судьбу Ю. В. Глаголева после того, как он овдовел, став его женой и творческим единомышленником. В 2014 году, после ухода из жизни Ю. В. Глаголева, приняла на себя руководство хором «Перезвоны» и до настоящего времени является его художественным руководителем и дирижёром (см. комментарий к стр. 175).

Стр. 255

Ярчайший собиратель латышских песен и дайн – Кришьянис Баронс (1835 – 1923), – является составителем самой полной антологии **латышских народных песен**, опубликовал шесть сборников и восемь книг, содержащих более двухсот тысяч текстов народных песен.

Стр. 274

«Солнечные годы. Эпос детства». Автобиографический эпос Я. Райниса (1925 г.) представлен в переводах В. В. Мирского фрагментарно.

Стр. 297

Стихотворение Г. Лонгфелло «Эксцельсиор».

Excelsior – латинское слово, означающее «всё выше».

*Комментарий большей частью
составлен по предоставленным материалам
из семейного архива и со слов **И. А. Мирской***

*Стихотворные посвящения Ю. В. Глаголеву
а также стихотворения, послужившие основой
для написания композитором песен и романсов
предоставила для данного издания
Марина Глаголева*

Алфавитный указатель

Струны

Авдотья Рязаночка	89
Андалузская серенада	18
Андрей Первозванный	37
Анна Ярославна	87
Антиреквием	173
Аринушка	56
А. С. Пушкину	163
Баллада о настоящем человеке	112
Баррикады в Риге	146
Библейский гимн невесте	144
В вагоне	121
Вербное воскресенье	24
В заволжской стороне	101
Власть рифм	50
Воскресение	25
Всадник	20
Всё дождь и дождь, мутны ручьи в траве.. ..	74
В столицу	34
В тени старинных лип.. ..	53
В церкви	160
Георгию Победоносцу посвящается	153
Гимн слову	120
Грусть о весне	10
Грядущим людям	78
Данте и Беатриче	14
Девятый вал	17
Диалог баронессы фон Мекк с композитором П. И. Чайковским	141
Думы воина	44

Дух, душа и тело	162
Душа и любовь	14
Дыханье ветра	58
Евпраксия	98
Если бы мог я к земле прильнуть... ..	174
Если ты устанешь на путях блужданий... ..	12
Желание	32
Живая вода	72
Завет Единства	159
Запредельное	19
Зачем грустить, зачем печалиться... ..	80
Змея	70
Знакомому незнакомцу	45
Из глубины небесного покоя... ..	25
Из Евангелия от Иоанна	155
Из полевых цветов сложи букет простой... ..	49
Как свой путь находят птицы	67
Клянись, о женщина-мать!	32
Когда бы ты была как юная весна... ..	16
Колокол-сердце	7
Колыбельная	29
Костры	68
Ксения	81
Кто виноват	166
Кто же ты?	31
Легенда о белом цветке	27
Легенда о колоколе	75
Лесная драма	20
Лик Мадонны	156
Лучина	79
Любить. Молиться. Петь.	161
Любовь	47

Любовь блеснёт и скроется капризно...	68
Любовь Низами	114
Мадонна	109
Макарьевский собор	55
Мальчишка	52
Маме	122
Масленица	131
Мать	27
Мечта	29
Молитва матери	158
Молитва о России	155
Молитва Пресвятой Богородице	170
Молитва Пресвятому Младенцу	146
Молодые, молодые...	50
Морю	72
Моя Вера	156
На Волге	103
Надежда	138
Наде Рушевой	111
Над Ловатью	127
На желтеющих плёсах - солнца радостный блик...	6
На могиле	26
На озере	118
Не забывайте стариков...	123
Не плачьте обо мне, кругом так много горя...	174
Новогоднее	69
Оглянулся я назад...	41
Ода равнодушному	65
Ольга	124
О мозаике Е. Е. Климова «Троица»	137
Осень	11
Осенние листья	33
Отдай младенцу свет улыбки...	108

Пава	43
Память	130
Песня	119
Песня о море	46
Песня рыцаря	13
Плавно кружится осенний жёлтый лист.. ..	40
Поёт океан голубой	31
Покинутый храм	23
Помогите женщине!	167
Последняя годовщина	35
Поэма о Турайдской Розе	60
Поэту Сергею Есенину	102
Праздничное	110
Прелесть любви мгновенье длится.. ..	10
Призвание	52
Пробуждение	53
Радуница	135
Раздумье	48
Разлука	42
Расулу Гамзатову	112
Реквием	43
Реквием по усопшим	22
Родной край	39
Рождество	164
Романс	15
Русская ночь	21
Русский солдат	77
Сергею Есенину	134
Сила искусства	131
Сиротинушка	28
Совесьть	74
Солнечная девушка	30
Соломония	91
Сосна	18

Сочельник	128
Статуя	15
Струны	17
Ступени скорби и бессмертия	66
Тем, кто меня не раз продавал... ..	125
Тишина	80
Торквато Тассо	140
Три креста	169
Три Чаши	172
Уверение	147
Умиравший раб Микеланджело Буонарроти	117
У Остробрамской Богоматери	127
Усопшим	168
Фаусту	71
Феврония	84
Феи	8
Феникс	70
Христос в Гефсиманском саду	171
Храму Христа Спасителя	159
Художникам	162
Художнику Е. Е. Климову	139
Художнице	11
Час молитвы	165
Чаша бытия	123
Человеку	45
Что делать?	165
Что на свете без горя, без боли... ..	7
Чудесные слова сказал Христос для нас... ..	161
Чудо на Нерли	116
Широкая, раздольная	150
Юлиания	83

Я другом стал голодным псам...	9
Я иду по России	51
Я не за тех беспутных матерей...	124
Ярмарки на масленицу	148
Я счастлив	42
1812 год	129

Близким и родным

А. И. Мисюрёву	252
Ах Ты, милая моя матушка...	213
Брат добрый по перу, Тебе мой тост застольный...	245
Будь я Франциск, король французский...	195
Бывают в жизни памятные даты...	217
В век всеобщего смятенья...	220
В день св. Георгия	248
Вечно беспокойная...	225
Воспой Россию!	241
Во храме ангелы согласно пели...	221
Всё претерпела Ты в мире страдания...	176
В Царстве небесном премного обитателей...	239
Гимн друзьям	243
Гимн Надежде	254
Гимн новобрачным	229
Глаголик мой, глагольный...	200
Гортензий белые цветы...	176
Дайте младенцу звуков...	183
Дань острословию и улыбке	191
Дань поздравленья от нас Ты прими...	239
Двадцать лет забот и увлечений...	180
Два человека строили дома...	204
Двум Нинам	190
Добродетелью прекрасной...	210

Другу Ю. Глаголеву	197
Дыханья роз лишь тот достоин... ..	253
Желаем мы Тебе прекрасной доли... ..	219
За песнями России	178
Из поэзии новой... ..	208
Кафедре русской литературы ЛГУ	236
Ко дню свадьбы друзей	181
Когда порой я жизнью скверной... ..	231
Когда Ты, Ниночка, захочешь невзначай... ..	209
Конечно, трудно осознать... ..	234
Крепчал мороз январский, свирепея... ..	223
Кто в памяти людей пристанище найдёт... ..	214
Люблю я звуки серебрястых струн... ..	201
Марина – «ля», Марина – «соль»... ..	250
Милому другу Лишину	197
Моему сыну Андрею	211
Мой верный друг, поверь мне, что судьба... ..	176
Мой милый друг! Я погибаю... ..	251
Мой славный друг, уже не медли... ..	179
Моя душа прекрасного алкала... ..	247
Мы пришли на праздник Нины... ..	222
Накрапывает дождь, осенний ветер веет... ..	218
Нам всем, живущим жизнью тленной... ..	179
На смерть А. И. Шершунова	196
Начнётся дождь ли проливной... ..	222
На юбилей Л. М. Черфас	198
Не было б разлуки – не было бы встреч... ..	219
Не о Венере пою иль златокудрой Харите... ..	233
Несу цветок благоуханный... ..	240
О вере, надежде, любви	220
Памяти друга	229

Перезвоны	237
Песни Марии	244
Посвящение Н. и И. Бородиным	188
Поэту Юрию Максиму	247
Прекрасное всегда даётся нам трудом... ..	199
Пусть, как звезда, горит очаг... ..	181
Пусть Лермонтов Тебя стихами вдохновит... ..	238
Пылай, светильник, ярко, вдохновенно... ..	182
Раздумье о неизбывности бытия	235
Романс	241
Свете тихий святых славы... ..	244
Слушая «Годы странствий» Ференца Листа	185
Сонет	226
Сонет любимой	245
Со славным юбилеем, милый друг... ..	201
Стихи мои! Мгновенья озарений... ..	175
Так, двадцать лет Тебе, мой друг сердечный... ..	175
Твои стихи в душе моей нашли... ..	235
Торжественная ода	207
Ты Беатриче, Ты Мадонна... ..	225
Ты всех теряла, всё теряла... ..	202
Ты сыграй нам, Юра, радостное скерцо... ..	214
Уж сколько лет я посвящаю... ..	249
Хоть Муза редко посещает... ..	193
Хоть угасает вдохновенья жар... ..	216
Художнику А. И. Мисюрёву	248
Явился Ты на белый свет... ..	252
Я желаю Тебе, дорогой, не стареть... ..	227
Я знаю все Твои утраты... ..	246
Я у Азеевых за каменной стеной... ..	205
Credo, absurdum est... ..	177

Содержание

Струны (стихотворения разных лет)

На желтеющих плёсах - солнца радостный блик... ..	6
Что на свете без горя, без боли... ..	7
Колокол-сердце	7
Феи	8
Я другом стал голодным псам... ..	9
Прелесть любви мгновенье длится... ..	10
Грусть о весне	10
Художнице	11
Осень	11
Если ты устанешь на путях блужданий... ..	12
Песня рыцаря	13
Данте и Беатриче	14
Душа и любовь	14
Статуя	15
Романс	15
Когда бы ты была как юная весна... ..	16
Девятый вал	17
Струны	17
Андалузская серенада	18
Сосна	18
Запредельное	19
Всадник	20
Лесная драма	20
Русская ночь	21
Реквием по усопшим	22
Покинутый храм	23
Вербное воскресенье	24
Из глубины небесного покоя... ..	25
Воскресение	25
На могиле	26
Мать	27

Легенда о белом цветке	27
Сиротинушка	28
Колыбельная	29
Мечта	29
Солнечная девушка	30
Поёт океан голубой	31
Кто же ты?	31
Желание	32
Клянись, о женщина-мать!	32
Осенние листья	33
В столицу	34
Последняя годовщина	35
Андрей Первозванный	37
Родной край	39
Плавно кружится осенний жёлтый лист.. ..	40
Оглянулся я назад.. ..	41
Я счастлив	42
Разлука	42
Пава	43
Реквием	43
Думы воина	44
Знакомому незнакомцу	45
Человеку	45
Песня о море	46
Любовь	47
Раздумье	48
Из полевых цветов сложи букет простой.. ..	49
Власть рифм	50
Молодые, молодые.. ..	50
Я иду по России	51
Призвание	52
Мальчишка	52
Пробуждение	53
В тени старинных лип.. ..	53

Макарьевский собор	55
Аринушка	56
Дыханье ветра	58
Поэма о Турайдской Розе	60
Ода равнодушному	65
Ступени скорби и бессмертия	66
Как свой путь находят птицы... ..	67
Костры	68
Любовь блеснёт и скроется капризно... ..	68
Новогоднее	69
Феникс	70
Змея	70
Фаусту	71
Живая вода	72
Морю	72
Всё дождь и дождь, мутны ручьи в траве... ..	74
Совесть	74
Легенда о колоколе	75
Русский солдат	77
Грядущим людям	78
Лучина	79
Зачем грустить, зачем печалиться... ..	80
Тишина	80
Ксения	81
Юлиания	83
Феврония	84
Анна Ярославна	87
Авдотья Рязаночка	89
Соломония	91
Евпраксия	98
В заволжской стороне	101
Поэту Сергею Есенину	102
На Волге	103
Отдай младенцу свет улыбки... ..	108

Мадонна	109
Праздничное	110
Наде Рушевой	111
Расулу Гамзатову	112
Баллада о настоящем человеке	112
Любовь Низами	114
Чудо на Нерли	116
Умирающий раб Микеланджело Буонарроти	117
На озере	118
Песня	119
Гимн слову	120
В вагоне	121
Маме	122
Не забывайте стариков...	123
Чаша бытия	123
Я не за тех беспутных матерей...	124
Ольга	124
Тем, кто меня не раз продавал...	125
Над Ловатью	127
У Остробрамской Богоматери	127
Сочельник	128
1812 год	129
Память	130
Сила искусства	131
Масленица	131
Сергею Есенину	134
Радуница	135
О мозаике Е. Е. Климова «Троица»	137
Надежда	138
Художнику Е. Е. Климову	139
Торквато Тассо	140
Диалог баронессы фон Мекк с композитором П. И. Чайковским	141
Библейский гимн невесте	144

Молитва Пресвятому Младенцу	146
Баррикады в Риге	146
Уверение	147
Ярмарки на масленицу	148
Широкая, раздольная	150
Георгию Победоносцу посвящается	153
Молитва о России	155
Из Евангелия от Иоанна	155
Лик Мадонны	156
Моя Вера	156
Молитва матери	158
Завет Единства	159
Храму Христа Спасителя	159
В церкви	160
Чудесные слова сказал Христос для нас.. ..	161
Любить. Молиться. Петь.	161
Дух, душа и тело	162
Художникам	162
А. С. Пушкину	163
Рождество	164
Час молитвы	165
Что делать?	165
Кто виноват	166
Помогите женщине!	167
Усопшим	168
Три креста	169
Молитва Пресвятой Богородице	170
Христос в Гефсиманском саду	171
Три Чаши	172
Антиреквием	173
Если бы мог я к земле прильнуть... ..	174
Не плачьте обо мне, кругом так много горя... ..	174

Близким и родным (из посвящений)

Стихи мои! Мгновенья озарений...	175
Так, двадцать лет Тебе, мой друг сердечный...	175
Всё претерпела Ты в мире страдания...	176
Мой верный друг, поверь мне, что судьба...	176
Гортензий белые цветы...	176
Credo, absurdum est...	177
За песнями России	178
Нам всем, живущим жизнью тленной...	179
Мой славный друг, уже не медли...	179
Двадцать лет забот и увлечений...	180
Пусть, как звезда, горит очаг...	181
Ко дню свадьбы друзей	181
Пылай, светильник, ярко, вдохновенно...	182
Дайте младенцу звуков...	183
Слушая «Годы странствий» Ференца Листа	185
Посвящение Н. и И. Бородиным	188
Двум Нинам	190
Дань острословию и улыбке	191
Хоть Муза редко посещает...	193
Будь я Франциск, король французский...	195
На смерть А. И. Шершунова	196
Другу Ю. Глаголеву	197
Милому другу Лишину	197
На юбилей Л. М. Черфас	198
Прекрасное всегда даётся нам трудом...	199
Глаголик мой глагольный...	200
Люблю я звуки серебристых струн...	201
Со славным юбилеем, милый друг...	201
Ты всех теряла, всё теряла...	202
Два человека строили дома...	204
Я у Азеевых за каменной стеной...	205
Торжественная ода	207
Из поэзии новой...	208

Когда Ты, Ниночка, захочешь невзначай...	209
Добродетелью прекрасной...	210
Ой ты, милый друг, свет Андрюшенька...	211
Ах Ты, милая моя матушка...	213
Кто в памяти людей пристанище найдёт...	214
Ты сыграй нам, Юра, радостное скерцо...	214
Хоть угасает вдохновенья жар...	216
Бывают в жизни памятные даты...	217
Накрапывает дождь, осенний ветер веет...	218
Желаем мы Тебе прекрасной доли...	219
Не было б разлуки – не было бы встреч...	219
В век всеобщего смятенья...	220
О вере, надежде, любви	220
Во храме ангелы согласно пели...	221
Начнётся дождь ли проливной...	222
Мы пришли на праздник Нины...	222
Крепчал мороз январский, свирепея...	223
Вечно беспокойная...	225
Ты Беатриче, Ты Мадонна...	225
Сонет	226
Я желаю Тебе, дорогой, не стареть...	227
Памяти друга	229
Гимн новобрачным	229
Когда порой я жизнью скверной...	231
Не о Венере пою иль златокудрой Харите...	233
Конечно, трудно осознать...	234
Твои стихи в душе моей нашли...	235
Раздумье о неизбывности бытия	235
Кафедре русской литературы ЛГУ	236
Перезвоны	237
Пусть Лермонтов Тебя стихами вдохновит...	238
Дань поздравленья от нас Ты прими...	239
В Царстве небесном премного обителей...	239
Несу цветок благоуханный...	240

Романс	241
Воспой Россию!	241
Гимн друзьям	243
Песни Марии	244
Свете тихий святых славы...	244
Брат добрый по перу, Тебе мой тост застольный.....	245
Сонет любимой	245
Я знаю все Твои утраты...	246
Моя душа прекрасного алкала...	247
Поэту Юрию Максиму	247
В день св. Георгия	248
Художнику А. И. Мисюрёву	248
Уж сколько лет я посвящаю...	249
Марина – «ля», Марина – «соль»...	250
Мой милый друг! Я погибаю...	251
Явился Ты на белый свет...	252
А. И. Мисюрёву	252
Дыханья роз лишь тот достоин...	253
Гимн Надежде.....	254

Латышские дайны и песни

<i>(в переводах В. В. Мирского)</i>	255
---	-----

Из латышской поэзии (переводы)

Я. Райнис. Из поэзии «Солнечные годы. Эпос детства»	274
Я. Райнис. Майская песня	278
Я. Райнис. Былое	279
Я. Райнис. Человек и страданье	279
Я. Райнис. Блудный сын	280
В. Плудонис. Фрагмент из поэмы «Сын вдовы»	280
А. Григулис. Сонет о море и любви	284
Я. Зиёмельникс. Поцелуй	285
А. Балодис. Родина	285
К. Скалбе. Рыбка	286

М. Кемпе. Моцарту	287
М. Кемпе. Озеру	288
М. Кемпе. Гимн весне	288
М. Кемпе. Венок	289
М. Лосберга. Гранит	289
В. Гревиньш. Зажги светильники, зажги... ..	290
А. Круклис. Планеты	291
З. Пурвс. Мы все – и ты, и я, и он... ..	292
С. Калдупе. Дорога	293

Иные Музы

(переводы с иностранных языков)

Над стихами склонённый поэт... ..	294
Дж. Г. Байрон. Мой дух угрюм... ..	295
Р. Бернс. В горах моё сердце, моё сердце не тут.. ..	295
Т. Моор. Приди, отдохни у меня, мой любимый... ..	296
Г. Лонгфелло. Эксельсиор	297
Г. Лонгфелло. Стрела и песня	299
О. Барбье. Микеланджело	299
Т. Готье. Луксорский обелиск	300
Л. де Лиль. Сон кондора	301
П. де Ронсар. Сонет	303
Французские народные песни	303
Немецкие народные песни	307
Польские народные песни	309
Из испанских песен	311
Из болгарской народной поэзии	311

Биографические данные	313
------------------------------------	------------

Комментарий	319
--------------------------	------------

Алфавитный указатель

К разделу «Струны души»	338
К разделу «Близким и родным»	343
Содержание	346

*...Мне всё же кажется,
что нынешнее положение
в русском обществе –
это детская болезнь,
которой, видимо, надо переболеть,
чтобы с новыми силами
отдаться делу сохранения
и приумножения
русского культурного богатства.
И ещё – я глубоко убеждён,
что живущие в Латвии русские люди
должны знать не только русскую,
но и латышскую культуру.*

В. В. Мирский

Из интервью газете “Диена”

17 июня 1995 года

В. В. Мирский

Чаша бытия
Стихотворения и переводы

Компьютерный набор
Лидия Козина

Корректурa
Майя Голубева

Составление
текстологический комментарий
компьютерная вёрстка
художественное оформление
дизайн обложки
Елена Романенко

В качестве иллюстраций использованы
графические наброски и
фрагмент мозаичного панно «Троица»
работы латвийского художника
Е. Е. Климова (1901 - 1990)

На обложке - портрет В. В. Мирского
работы латвийского художника
А. И. Мисюрёва (1936 - 2002)

Типография «Petrovskis un Ko»
www.punko.lv, +371 29 284 523

